

**ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ПОП
СВЕТ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«И Р Ф О Н»
ДУШАНБЕ 1970

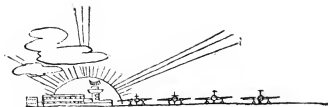

ПУТЕШЕСТВИЕ

ФАЗЛИДДИН
МУХАММАДИЕВ

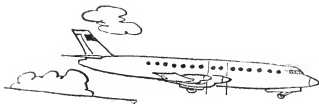
НА ТОТ ЦВЕТ

ИЛИ ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ ХАДЖЖЕ

Читатель повести знакомится с явлениями и событиями, казалось бы, немыслимыми и невероятными для второй половины XX века. Это в самом деле рассказ о путешествии «на тот свет». Вместе с автором повести проходим мы по всем кругам «того света», и перед нашими глазами возникают одна за другой картины, ошеломляющие разгулом варварства и невежества, нелепостью суеверий и жестокостью фанатизма.

Авторизованный перевод
с таджикского
ЮРИЯ СМЕРНОВА

17+1

На турбовинтовом воздушном гиганте мы направляемся в паломничество.

Нас восемнадцать человек. Семнадцать священнослужителей — мулл, имамов, мударрисов, хатибов, мутавалли, и восемнадцатый — я, ваш покорный слуга, врач-терапевт, как говорит пословица, покойник среди мертвецов.

Ежегодно на праздник Курбан-байрам в Мекку и Медину отправляется из Советского Союза группа мусульман, чтобы на родине пророка очиститься от грехов, обрести сааб¹ и возвратиться в высоком звании хаджи². Паломников обычно сопровождает врач, который наблюдает за их здоровьем, но на этот раз, подобно

¹ Благость (араб.).

² Паломничество в Мекку называется «хадж» (лучше хаджж), мусульманин, совершивший хаджж, получает титул «хаджи». (Примечания переводчика).

кровельщику, который чужую кровлю кроет, а своя течет, он заболел, и честь сопровождения наших выдающихся мусульман на землю пророка пала на меня.

Нашими попутчиками были артисты китайского цирка, летевшие на гастроли в Судан, много иностранцев, среди которых были и суданцы, а также советские специалисты, направлявшиеся в Каир.

ИЛ-18 поднялся с Шереметьевского аэродрома поздней ночью и вскоре набрал высоту в десять тысяч метров. В иллюминаторы видно только черное небо, усеянное звездами. Рядом со мной сидит мутавалли из Башкирии Исафил. За пять дней, проведенных будущими хаджи в Москве в ожидании вылета, мы с Исафилом сблизились.

— Как вас звать, доктор? — в первый же день спросил он.

— Курбан, — ответил я.

— Курбан... Курбан... Хорошее вам дали имя. В честь праздника. Легко запоминается. А меня зовут Исафилом.

— Тоже знаменитое имя,— любезностью на любезность ответил я.— В честь почтеннейшего архангела Исафила, который в одно прекрасное утро пробудит трубным гласом всех рабов божьих и оповестит о начале судного дня.

Мутавалли закивал и улыбнулся.

«Оказывается, и в небесной канцелярии разбухшие штаты,— подумал я.— Почтеннейший архангел слоняется миллионы лет без дела ради того, чтобы один единственный раз в день страшного суда подуть в свой карнай¹».

Моноotonно гудят могучие моторы. Приветливые стюардессы, покончив с делами, отправились на отдых. Плафоны выключены. В салоне царит полумрак. Пассажиры мирно дремлют в своих креслах. Глава нашей группы вместе с переводчиком находится в другом салоне, который считается более комфортабельным. Скажу, не преувеличивая, что я летал на ИЛ-18 и ТУ-104 не менее сотни раз, но на внутренних авиалиниях

¹ Труба (тадж.).

места не делились на лучшие и худшие. Лишь женщинам с детьми и больным предоставлялись места поудобнее. А сейчас, хоть мы и летим на нашем советском самолете, салоны разделены на первый и второй классы. Первый класс, конечно, стоит дороже. Там меньше слышен гул моторов, да и пассажиры его имеют право взять с собой чемоданы потяжелее, чем мы, второклассники. Ничего не поделаешь. Рейс зарубежный, и это, по-видимому, уступка иностранным традициям.

Гудят, гудят моторы. Пассажиры, откинув спинки кресел, спят. Исафил некоторое время вглядывается в забортную темноту, но вскоре тоже засыпает. У меня дурная натура — не могу спать в воздухе, хоть убейте. Хорошо, что самолеты стали летать быстро. Лет семь — восемь назад рейс из Душанбе в Москву занимал около двух суток, включая сюда частые посадки для заправки горючим и смены экипажа. Прибыв в Москву, ваш покорный слуга вместо того, чтобы сразу заняться делами, навестить друзей, по которым истосковалась душа, или просто побродить по любимым улицам и скверам, сворачивался калачиком в номере гостиницы, чтобы освежить одуревшую от бессонницы голову.

Что ж, теперь это к лучшему. Мне поручено следить за здоровьем своих спутников. Правда, они прошли тщательный медицинский осмотр, им были сделаны прививки против всех и всяческих эпидемий — оспы, холеры, чумы, тропической малярии, которые все еще иногда вспыхивают за рубежом, но тем не менее нужно быть начеку.

С давних пор известно, что каждый последователь Мухаммада мечтает хоть разок в течение земной жизни повидать своими глазами священные места, и тот, кто по нездоровью или из-за истощения испустит дух на

пороге божьего храма¹, почитается как особо отмеченный Аллахом раб божий и чуть ли не святой

А вдруг, думал я в те дни, когда еще не повстречался со своими будущими спутниками, кто-нибудь из них обвел врачей вокруг пальца и за здорово живешь, не будучи здоровым, прошел медкомиссию?! Разве не случается в нашей практике, что мы ставим свою высокопочтимую печать на больничном листе или на путевке в санаторий людям, которые одним ударом кулака могут превратить в песок каменную гору?!

Двумя рядами впереди меня с присвистом и бульканьем, вторя гулу моторов, спит, поблескивая лысиной, почтенный мулла Нариман. Будь я врачом в том городе, где живет этот досточтимый служитель Аллаха, я бы не только в Саудовскую Аравию, но и в обыкновенную туристскую поездку по родному краю не подпустил бы его на пушечный выстрел. Сердце у муллы Наримана напоминает переспелый помидор — тронь его кончиком мизинца, и... Можно не объяснять, что произойдет дальше.

В Москве все мы жили в гостинице неподалеку от ВДНХ, по правой стороне проспекта Мира. На второй день, признав друг друга по бородам, чалмам и халатам и познакомившись, семь или восемь будущих хаджи собрались в чьем-то номере побеседовать о недугах, перенесенных каждым из них... Воспользовавшись этим, ваш покорный слуга приступил к исполнению обязанностей — по внешнему виду определял состояние здоровья своих подопечных, заносил в блокнот первые впечатления, а также имена, возраст и краткие сведения о возможных недугах каждого из них.

¹ Божий храм — Кааба — священная мечеть в Мекке, где происходят основные культовые церемонии хаджа.

Вдруг вбежала дежурная по этажу и, задыхаясь от волнения, спросила:

— Где врач? Вашему товарищу плохо... Он там, в номере, бедняга...

На кровати в полубессознательном состоянии распластался этот самый мулла Нариман. Его слабое сердечко трепетало, словно сердце голубки. Я велел прибежавшим следом за мной паломникам настезь растворить окна. Один из них, помоложе, пока я осматривал больного, сбегал и принес чемоданчик с моими медицинскими атрибутами. Через полчаса после инъекции душа муллы Наримана вернулась в тело и, приподнявшись в постели, он принялся произносить речь.

— Уважаемые господа,—изволил сказать почтеннейший мулла. Несколько секунд он разглядывал нас, прикидывая, можно ли вести речь в таком же духе, и, решив, наконец, что можно, продолжал: — Господа, от радости я не знаю, что и говорить. Нет, не возражайте, не знаю. Дух мой вознесся на седьмое небо при виде моих спутников по этой святой поездке. Рабы божьи неисчислимы, но честь такая выпадает на долю не каждого. Нет, не возражайте, не каждого выпадает.

Я обомлел. Неужели этот человек с таким слабым сердцем всерьез намерен совершить трудное и утомительное путешествие?!

— Господин доктор,—обратился ко мне он, прочитав недоумение на моем лице,—вы должны знать, я происхожу из духовного рода, из рода истинных ходжи¹, то есть семьдесят поколений моих предков

¹ Ходжа — почетное звание у мусульман. Звание ходжи имеют люди, претендующие на происхождение от одного из четырех арабских халифов. Не путать с хаджи — почетной приставкой — титулом к имени мусульманина, совершившего хадж, т. е. паломничество к святым местам.

являлись ходжи. Верьте слову, Нариман крепок, как конь, и здоров, как бык! Нет, не возражайте, как бык!

Я хотел было запротестовать против обращения ко мне со словом «господин», но манера муллы изъясняться до того ошарашила меня, что я позабыл о своем намерении.

В тот день будущим паломникам вкратце рассказали об Объединенной Арабской Республике, о республике Судан и о Саудовской Аравии, куда мы держали путь, и во время беседы дали понять, что все отъезжающие за границу, в том числе и представители духовенства, отправляющиеся в паломничество, не должны забывать, что они являются гражданами Советского Союза, и вести себя достойно этого звания.

Я счел нужным сообщить о состоянии здоровья муллы Наримана, выразив удивление, что такому больному человеку разрешили предпринять столь трудное путешествие. Кори-ака, руководитель нашей группы, поддержал меня, предложив, пока еще есть время, чтобы московские врачи осмотрели почтеннейшего муллу и высказали свое мнение. Но тут мулла, вскочив с места и потрясая в воздухе длинными ручищами, и вращая во все стороны огромными глазами, пылко сообщил, что он происходит из древнейшего и знаменитейшего рода, что семьдесят поколений его предков являются ходжи и что мулла Нариман в силах совершить не только одно путешествие в названные страны, но и сто раз обойти вокруг света. И тот, кто захочет помешать его высоким помыслам и благородным намерениям, пусть не увидит ни одного мало-мальски хорошего дня и на этом и на том свете и во веки веков испытывает неслыханные мучения. Нет, нет, не возражайте, закончил он свою речь, неслыханные мучения...

...Кто-то тронул меня за плечо и прервал мои раздумья.

— Дохтур-джан, давайте закурим,

Этот толстый мужчина, Урок-ака, хатиб¹ мечети города М. вот уже пять дней делит со мной мои сигареты.

Из кармашка в спинке кресла я достал пачку сигарет, спички и протянул ему.

— Благодарю, спички у меня имеются,— сказал он, закурил, пустил клубы дыма к потолку салона и, одарив меня ласковой улыбкой, отправился на свое место.

ДА ОСЕНИТ АЛЛАХ НАШЕ ПУТЕШЕСТВИЕ!

Проснулся Исафил, ткнул меня пальцем и показал в иллюминатор. Восточный подол неба уже стал синим. Близился рассвет.

Интересно, где мы сейчас пролетаем?

Еще в аэропорту кто-то из паломников поинтересовался, сколько мы будем лететь.

— До Каира пять с половиной часов лета, а оттуда еще три до Хартума,— ответил служащий аэропорта.

Один из знатоков русского языка так перевел это старику:

— Если великий Аллах смилостивится, то пролетев пять с половиной часов, мы, иншалла², достигнем великого города страны ислама — священного Каира. И если щедрый творец соизволит сделать наше путешествие

¹ Мулла соборной мечети, читающий хутбу — публичную проповедь перед собравшимися на пятничную молитву верующими.

² И н ш а л л а — если бог пожелает; формула постоянно произносимая мусульманами.

счастливым, то, пролетев еще три часа, иншалла, мы достигнем цели нашего путешествия, да осенит наш путь всемогущий Аллах, да хранит всех нас в благоденствии и добром здравии.

Все произнесли «аминь» и благоговейно провели руками по лицу и бороде.

Если бы полет совершался днем, стюардессы объявляли бы, над какими местами мы пролетаем, информировали о температуре за бортом и сообщали тому подобные сведения. Сейчас все спят. По моим расчетам мы летим над Грецией.

Я впервые отправляюсь за рубеж и предвкушаю много необычного и интересного. Мир, который я увижу, будет отличаться от того мира, который много лет был мне близок, был моим миром. Я хорошо представляю себе это, но все же то, что ожидает меня впереди, вызывает какое-то смутное беспокойство. Что встречу я там? Какие испытания выпадут на мою долю?

Сказать по правде, неожиданности начались для меня еще на нашей земле. В аэропорту впервые в жизни досматривали содержимое моего багажа. У меня с собой два небольших чемодана. В одном одежда, запас сигарет, сахар и зеленый чай. В другом медикаменты и самые необходимые инструменты. Молодой таможенник тщательно проверял каждый сверток. Он ощупывал пакеты с бинтами и ватой. Из первого чемодана достал сигареты, взвешивал каждый блок на руке,

надорвал одну пачку рафинада и словно удивился, что там сахар. Я терпеливо наблюдал за всем этим и, хотя прекрасно понимал, что процедура эта необходима, сердце у меня щемило. Всегда ощущаешь неловкость в доме, где что-нибудь пропало. Подобное чувство овладело мною сейчас.

Таможенник взял в руки мой фотоаппарат, расстегнул футляр, внимательно осмотрел аппарат со всех сторон и положил на место. Затем принялся за катушки пленки, завернутые в черную бумагу.

— Пленка?

— Да.

— Новая?

— Да.

Задумчиво ощупав их, он спросил:

— Заснятой нет?

Словно злой джин¹ дернул меня за язык. Терпение мое лопнуло. Кровь бросилась в голову и, побагровев, я вскричал дрожащим от негодования голосом:

— Я же сказал, что новая! За кого вы меня принимаете?! Я врач! Советский врач! Понятно?

Очевидно, таможенник не впервые был свидетелем подобного взрыва. Он укоризненно на меня посмотрел и перешел к следующему пассажиру.

Наш ИЛ-18, мерно гудя моторами, плывет по воздушному океану. Время от времени через салон проходит кто-нибудь из экипажа, скользя взглядом по рядам мирно спящих пассажиров, и мне кажется, что моих спутников в чалмах и халатах рассматривают с особенным любопытством.

Мулла Нариман поднялся с места. Встав в проходе между креслами, он потянулся, но потолок салона

¹ Джин — черт, злой дух (араб.).

слишком низок для его роста. Природа не поскупилась при его создании. Такого высокого человека я видел только однажды лет пять назад во время розыгрыша первенства по баскетболу среди игроков одной из прибалтийских команд.

Я подошел к нему.

— Как самочувствие, мулла Нариман?

— Хорошо, благодарю вас, сударь, благодарю.

Мулла Урок-ака засеменил ко мне

— Давайте, братец, подымим.

Я принес сигареты.

— Простите, я оставил спички на кресле.

Я принес и спички.

Небо посветлело, и можно было различить землю. Правда, внизу была не земля, а море. Его ртутная гладь казалась с такой высоты боком огромной рыбы.

Проснулся Исафил:

— Ты не спал, Курбан?

— Нет.

— Почему?

— Не получается.

Исафил хмыкнул и устался в иллюминатор.

Уже второй день, как мы на «ты». Я весьма рад этому. В течение пяти дней до отлета в обществе своих новых знакомых я часто чувствовал себя одиноким и всеми покинутым. В Москве в гостинице у выставки меня поселили в одном номере с бухгалтером кубанского колхоза и с механизатором из Эстонии. До полуночи мы играли в шахматы и разговаривали. Люди с открытой душой, они были хорошими собеседниками. Но уже на следующий вечер, вернувшись из города, я увидел в номере двоих из будущих моих пациентов, которые, расстелив у окна молитвенные коврики и обратив взоры к западной стене, совершали вечерний на-

маз¹. Я вышел в коридор и спросил у дежурной, куда девались мои вчерашние соседи, ведь они собирались прожить здесь целую неделю. Выяснилось, что по чьему-то распоряжению всех будущих хаджи поместили вместе в нескольких номерах, чтобы создать им наилучшие условия для молений.

Когда я вернулся, мои новые сожители все еще сидели на ковриках и перебирали четки. Я тихонько присел на краешек койки. В окно виднелись высокие здания на проспекте Мира. Словно зеленый изумруд, сверкал неоновыми огнями новый кинотеатр «Космос». Трудно было оторвать взгляд от больших, наклоненных вправо букв, сверкающих и подрагивающих в чистом весеннем воздухе. Через силу я отвернулся от окна и посмотрел на потолок. Ничего не вышло. Назойливым шепотом проникало мне в уши это слово: «Космос»... «Космос»... Оно словно скреблось у меня в мозгу, унося мысли далеко-далеко...

Молящиеся поднялись и сложили коврики. Я сорвался с места, подбежал к окну и задернул шторы...

На рассвете меня разбудил голос Тимурджана-кори, нараспев читавшего суры² Корана. Рядом с ним

¹ Молитва.

² Глава Корана; каждая сура состоит из аятов (стихов).

сидел, поджав под себя колени, Алланазар-кори, в такт качая головой и шевеля губами.

Тимурджан-кори — статный и крепкий двадцатитрехлетний красавец. Он учится на девятом курсе медресе Мири-Араб¹, в том самом, в котором в конце прошлого века обучался Садриддин Айни. Тимурджан стал кори, то есть выучил Коран и мог читать его наизусть, еще два года назад. В этом году, совершив хаджж и окончив обучение, он получит назначение на какую-нибудь духовную должность.

Алланазар-кори окончил это медресе пять лет назад и является имамом одной из крупнейших мечетей Средней Азии.

Иногда просыпаешься и не поймешь, что происходит вокруг. Вот и сейчас мне казалось, что я еще сплю. Я в Москве, в гостинице, твердил я себе... Я врач из Таджикистана, Курбан Маджидов... Ну и что из того, что я врач?.. Не сегодня-завтра отправляюсь в паломничество, а это мои соседи совершают молитву...

Несколько лет я провел в Москве в лабораториях и клиниках этого города, среди опытных врачей, знатоков медицины. С завязанными глазами я найду в Москве любой театр, музей, концертный зал. Сколько раз в родном Таджикистане мне чудился специфический запах московского метро, слышался шум выходящего из туннеля поезда... Но сейчас... Хотя я отдавал себе отчет в том, какая жизнь ожидает меня в поездке к святым местам, заунывное чтение Корана в номере московской гостиницы казалось чем-то нереальным.

Мой брат работает на радио. Однажды я зашел к нему в студию. Должна была начаться трансляция послеобеденного концерта для тружеников сельского

¹ Мусульманская средняя духовная школа в Бухаре.

хозяйства. Участники концерта, певцы и музыканты, оживленно беседовали. Разыскивая брата, я открыл одну из дверей и увидел знакомого певца, человека средних лет. Среди новейшей звукозаписывающей аппаратуры, постелив на полу газету, он совершал намаз. Так же, как и сейчас, я был ошеломлен представившимся мне зрелищем.

Тимурджан-кори и Алланазар-кори снова улеглись в постели. Я оделся и вышел на улицу. Машина подметала мостовую. Редкие прохожие спешили по своим делам. Стая грачей кружила над куполами церкви. Лет десять-двадцать назад здесь была еще деревня. Теперь тут выросли кварталы большого современного города. Только зеленая церквушка напоминает о прошлом.

Я зашагал по проспекту. Было 22 апреля, день рождения Ленина. В Душанбе пионеры школы № 7 примут сегодня в свои ряды моего старшего сына.

Когда я вернулся в гостиницу, мои соседи уже завтракали. На румоле¹, который Алланазар расстелил на столе, стоял чайник, лежали куски рафинада и несколько небольших лепешек домашней выпечки.

Все пять дней пребывания в Москве будущие хаджи завтракали и ужинали у себя в номерах лепешками, запивая их чаем. Лишь обедать ходили в ресторан «Узбекистан» или «Баку». По их уверениям, только в этих мусульманских ошхона² можно получить дозволенную шариатом пищу.

Я принес из буфета простоквашу и крутые яйца. Беседа за завтраком не клеилась.

Да, пока я не сблизился с Исрафилом, я чувствовал себя одиноким среди этих семнадцати человек. Вот по-

¹ Поясной платок.

² Столовая.

чему обращение на «ты» муллы из Башкирии было мне приятно.

Взошло солнце и море приобрело сине-зеленый оттенок. Впереди показалась западная оконечность Азии. Еще десяток-другой минут, и мы полетим в африканском небе. Выходит, что даже не будучи космонавтом, можно за полчаса увидеть три великих континента.

И вот внизу под нами Суэцкий канал. Будто на желтый лист бумаги положили синюю линейку. Кое-где на линейке виднеются белые и черные точки. Это, по-видимому, суда, которые египтяне проводят через свой канал. Если бы не наше вмешательство несколько лет назад, то из-за этого канала разразилась бы война и кровь тысяч, а может быть, и миллионов людей пролилась на этой земле. Дотошные ученые подсчитали, что за историю человечества произошло пятнадцать тысяч войн, в которых погибло два с половиной миллиарда людей. Сильный всегда притеснял слабого, а правда была на стороне того, у кого потолще мошна. Сколько раз за последнее десятилетие миролюбивое вмешательство советского правительства удерживало руку каково-нибудь хищника, занесенную для кровопролития.

О СНЕ, О ВЕЧНОСТИ

И ПРОЧИХ НЕМАЛОВАЖНЫХ ВЕЩАХ

Еще до того, как ступить на каирскую землю, наш руководитель предупредил, чтобы мы не разбредались и все время находились вместе.

Служащий аэропорта провел нас в просторный зал. Кори-ака, красивый рослый мужчина с одухотворенным лицом, шел впереди. Голова его была повязана белой шелковой чалмой, он был в новом шитом золотом

халате, светло-кремовых брюках и лакированных модельных полуботинках. Все это очень гармонировало друг с другом и придавало нашему руководителю величественный и несколько франтоватый вид.

За Кори-ака следовал переводчик группы, знаток арабского языка, литературы и истории Абдусамад-ака, затем четыре старца в чалмах и халатах, а за ними — паломники помоложе, одетые по-разному, и в самых разных тюбетейках — чувстских, вышитых шелком и в бархатных — казанских.

Здесь я впервые увидел столько разноязычных иностранцев одновременно. Осведомленные о посадке советского самолета, они бросали на нашу группу

испытующие и удивленные взгляды. Лишь на вашего покорного слугу никто не обращал внимания: только у меня из-под тюбетейки выбивалась шевелюра, а через плечо висел фотоаппарат и одет я был так же, как обычно одевался в Душанбе.

Мы уселись вокруг Кори-ака. Он в третий раз совершает паломничество, хорошо знает Египет, Ливан, Сирию и Саудовскую Аравию. Он принялся рассказывать об Аль-Азхаре — высшем религиозном университете Каира, в котором обучается около сорока тысяч человек. Аль-Азхар — крупнейшее медресе мира и готовит кадры священнослужителей для всех стран ислама.

Наш переводчик Абдусамад-ака получил образование и стал мударрисом, т. е. учителем в Мири-Арабе.

Мулла Урок-ака толкнул меня в бок и кивком отозвал в сторону.

— Давайте-ка насладимся табачком, — сказал он, когда мы отделились от наших спутников.

Закурили.

— Мне неудобно курить в присутствии Кори-ака, — объяснил он, — а вам можно, вы доктор.

Опять помолчали.

— А аэропорт у них неплохой, — проговорил Урок-ака.

— Да, недурной.

Снова наступило молчание. К счастью, подошел Исафил. Он взял меня под руку и повел осматривать помещение аэровокзала. Хотя Кори-ака предупредил, чтобы мы не расходились, но вместе с Исафилом можно. Ведь он помощник руководителя нашей группы. Еще в Москве его единогласно избрали по предложению Кори-ака. Раз начальник с тобой — не возбраняется нарушать кое-какие установления.

В одном киоске продавались сувениры, в другом газеты, цветные открытки и брошюры. За стеклянной перегородкой видны люди в форме гражданского воздушного флота Объединенной Арабской Республики. У буфетной стойки сидели на высоких табуретках европейцы, азиаты и африканцы, попивая кофе и коктейли. У нас с Исафилом не было ни гроша местных денег, чтобы выпить хотя бы по стакану фруктовой воды. Рядом с буфетом киоск менялы. Смуглый долговязый человек пересчитывал деньги, укладывал в пачки и перевязывал. На прилавке стояла табличка с курсом различных валют в переводе на египетские фунты. Меняла поднял голову и поздоровался с нами.

— Русийя?

— Да, — ответили мы, — Советский Союз.

— You are nice people¹, — сказал меняла и, улыбнувшись, приветствовал нас, поднеся правую руку сперва

¹ Вы хорошие люди (англ.).

к губам, затем к глазам, а потом к макушке, тем самым как бы говоря: добро пожаловать, гостя мы считаем светом наших очей и готовы голову положить за него.

К счастью, в свое время я приложил много усердия и стараний, чтобы до некоторой степени овладеть английским языком, и теперь, коль скоро разговор не выходил за рамки обычных житейских тем, мог, хотя и с трудом, поддерживать беседу.

Мы поблагодарили менялу за теплые слова и в свою очередь дали понять, что и нам симпатичны жители Арабской Республики; сказали, что жаждем дружбы и хотим иметь здесь побольше друзей.

— Хороший человек, — резюмировал Исафил, когда мы отошли.

— Почему ты так решил?

— По его обходительности. У него на лбу написано, что он родился под ласковой звездой.

Может быть, он и хороший человек, подумал я, но явный чудака. словно средневековая невеста, украсил себя драгоценностями. Цепочка на животе золотая, несколько перстней, нанизанных на толстые пальцы, тоже золотые, даже запонки золотые и зажим для галстука золотой. И все эти запонки, кольца и цепочки усыпаны драгоценными камнями — бриллиантами, сапфирами, изумрудами, жемчугом. Если бы их обратить в деньги, можно построить хорошую современную больницу.

— О чем задумался? — спросил Исафил.

Я сказал.

— Тебе бы только одно — весь мир покрыть больницами.

— Больница — дело полезное. От больницы пользы, представьте, не меньше, чем от опухолей¹ и амулетов.

¹ Ладанка с заговорной молитвой (тадж.).

— Никогда в жизни не писал туморов.
— Не беда. После хаджжа начнешь.
— Может быть, но в таком случае первый тумор я напишу для тебя.

Объявили посадку. Мы вышли из здания. Известно, что солнце питает к Африке особую любовь. От бетонных площадок аэропорта поднимался огненный жар. Раскаленный воздух волновался и дрожал. У нас в Вахшской долине в иные дни жара доходит до сорока пяти-пятидесяти градусов, а я недели и месяцы проводил там без всяких жалоб и недовольства. Здесь я едва не задыхался. А впереди еще Хартум, который на полторы тысячи километров ближе к экватору.

Солнечные лучи настолько яркие и ослепительные, что самый неблагодарный раб божий и тот не поскупился бы на слова благодарности изобретателю черных очков.

В воздухе стюардессы угощали нас завтраком. Артистам китайского цирка и нескольким европейцам, продолжавшим полет, принесли по рюмке коньяку. Нам коньяка не принесли. Кори-ака предупредил девушек, что паломники не пьют.

Что ж, ладно. Семнадцать хаджи не будут пить, это их дело, а восемнадцатый выпьет. Может быть, удастся заснуть.

Я пошел в буфет.

— Красавица, налейте-ка мне.

Мне налили рюмку коньяку и на закуску предложили холодное мясо и что-то зеленое, похожее на фасоль.

— Можете выпить и за своих друзей,— рассмеялась одна из девушек.

— Спасибо, но у меня не луженый желудок, чтобы выпить три бутылки коньяку.

— Вы разве не паломник?

— Паломник. Вернее, врач группы паломников.

— А если я наябедничаю вашему руководителю, что вы пьете? — шутливо спросила девушка.

— Не советую. Первое Мая на носу. Если ваше начальство узнает, что вы наушничаете и ссорите между собой пассажиров, вас лишат праздничной премии,— отшутился я.

Внизу расстилалась Ливийская пустыня. Через час начнется Нубийская пустыня. Пустыня за пустыней. Ни деревца, ни озерка, ни речки. В прежнее время можно было увидеть внизу караваны верблюдов. Пустыни эти в течение тысячелетий были ареной кровопролитных битв. Египтяне, эфиопы, суданские племена, войска пророка, а позднее англичане, огнем и мечом прошли эти места, оставляя за собой реки крови. Воевали за землю, за власть. Внедряли новую религию, сражались ради утверждения своих толкований религиозного учения, ради того, чтобы сменить одного султана другим, и так далее и тому подобное. Здесь возникали и гибли государства, появлялись и бесследно исчезали города и оазисы.

Когда мысли отправляются гулять по бесконечным просторам истории, они обязательно ринутся на дороги еще более длинные, имя которым Вечность. Потом вдруг очнешься и увидишь, что мысли твои зашли в темный тупик и, не находя выхода, отчаянно бьются, как выброшенная на берег рыба. Но у меня есть друг и коллега Искандар, который находит ответ на любой вопрос. Летом прошлого года он потащил меня путешествовать по Гиссарскому хребту. Я впервые оказался у безлюдных подножий уходящих в поднебесье гор, среди нагромождения скал в миллионы раз больше и старше меня, и все мое существо охватила робость. Меня, человека родившегося и выросшего в долине, поразила и подавила мощь гигантских гор, картина этого

таинственного музея природы. А Искандар, которому все это было нипочем, восторженно говорил о бесконечности вселенной, о вечности.

— Ораторствуешь впустую,— заметил я.

— Ты, как всегда, откровенен,— громко захохотал он.— За это тебя и люблю.

— Не болтай. Я много читал и слушал немало разговоров на эти темы, но все в одно ухо входят, а из другого выходят. Ничего не остается в голове.

— Почему?

— Общие слова. Ни капельки конкретного представления.

— Бедняга! Ты не можешь представить себе вечность? — произнес он тоном учителя, утомленного долгим рабочим днем и оставшимся провести дополнительные занятия с отстающим учеником.— Хорошо, скажи, какой отрезок истории, сколько веков ты можешь себе представить?

— Сколько веков? Пять-шесть тысяч лет, скажем.

— Молодец. Это еще ничего,— сказал Искандар.— Отложи в сторону эти пять-шесть тысяч лет и представь себе какой-нибудь хауз¹... Нет не хауз, представь себе стадион на сто тысяч мест...

— При чем здесь стадион?!

— Говорят, представь, значит, представь!

— Ладно, представил.

— А теперь представь, что этот стадион до краев заполнен просом. Представил? Теперь вообрази, что раз в сто тысяч лет на стадион приползает один муравей и из этого огромного хирмана² уносит одно-единственное зернышко. Вообразил?

¹ Резервуар, искусственный водоем, бассейн для воды (тадж.).

² Хранилище, гумно (тадж.).

— Да.

— Вот и подсчитай. Срок, за который муравей перетащит все просо, по сравнению с вечностью все равно, что одна песчинка по сравнению со всей пустыней Кара-Кум или капля воды по сравнению с Тихим океаном. Дошло?

— Да,— у меня перехватило в горле. Я чувствовал, что все эти дипломы, аттестаты и свидетельства, которые хранятся у меня дома, будто добыты мной не честным трудом, а как-то иначе, не подобающим порядочному человеку путем... Как жаль, что нет сейчас со мной Искандара! С ним мне не было бы так тоскливо.

— Исафил!

— Что?

— Неужели ты еще не выспался?

Он что-то промычал в ответ.

— Ну, и соня же ты! О чем мы с тобой договаривались?!

— А? О том, что будем друзьями.

— Тогда поговори со мной.

— Сейчас,— сказал он, повернулся ко мне, закрыл глаза и захрапел.

Я выпил прихваченный из буфета коньяк в надежде на то, что это поможет мне уснуть, иначе бы я не решился на такую вольность на виду у ученых мужей ислама. И без того они посматривали косо на мое курение, на мою шевелюру, на фотоаппарат. Черт бы побрал эту бессонницу! Если бы я не сдал чемоданы в багаж, принял бы снотворное. Хартум не тетин город, чтобы по прибытии туда я мог бы свернуться калачиком и выспаться.

— Исафил!

— А?

— Взгляни на пустыню.

— Ну и что?

— А то, что собеседник стал теперь такой же редкостью, как перо жар-птицы. Поговори со мной, прошу тебя! Ты читал когда-нибудь Хайяма? Послушай:

Во сне сказал мне пир¹: «Покинь свою кровать,
Ведь розу радости нельзя во сне сорвать.
Ты лежебок, все спишь, а сон подобен смерти.
Встань! Ведь потом века тебе придется спать!»

Как мог я перевел рубаи на русский язык.

Исрафил сказал:

— Стало быть, и во сне можно услышать мудрые вещи. Спи, дорогой.

Я думаю о болезни, а тот кто лечит меня, думает о красоте моих глаз, говорила как-то одна больная женщина...

ЖИЛИЩЕ НА НИЛЕ

В Хартумском аэропорту нас встретил посол СССР в республике Судан и сотрудники нашего посольства. Это было, по сути дела, свидетельством того официального уважения, которое наше правительство проявляет к религиозным убеждениям.

— Оказывается, мы тоже не баран чихнул,— по привычке, беря меня под руку, на ходу проговорил Исрафил.

— После паломничества твоя цена поднимется еще выше и тебя будет встречать сам раис²,— шутливо ответил я.

¹ Старец, здесь в смысле мудрец.

² Председатель; здесь в смысле главы государства.

Исрафил вздохнул.

Хартумский аэропорт меньше каирского, не столь великолепен, однако так же нов и красив. На балконы и на террасу, протянувшуюся вдоль крыши аэровокзала, высыпало много суданцев. Они с интересом рассматривали нас. Мы вошли в зал. Работники посольства, забрав наши паспорта, авиабилеты и медицинские свидетельства, куда-то ушли, чтобы проделать необходимые формальности.

Посол и Кори-ака уселись в креслах в глубине зала. Мы устроились вокруг. Принесли чайник. Один из буфетчиков принялся разливать по пиалам чай и класть

сахар, а другой с кувшином в руках ходил за ним следом и доливал в пиалы молоко.

— Это местная традиция — первым долгом угощать гостя чаем, — объяснил посол.

Похожа на нашу, таджикскую, подумал я. Зря только забелил мой чай молоком. Хоть и плешивый, а разборчивый, говорит пословица. Я не могу пить молоко когда и как попало.

— Вас поселят в крупнейшей гостинице в городе, в «Гранд-отеле», — сказал посол.

Мы заговорили о продолжении нашего путешествия в Саудовскую Аравию. Советские самолеты из Хартума возвращаются в Москву. В Саудовскую Аравию вас доставят либо суданские, либо аравийские самолеты. Как бы то ни было, накануне Курбан-байрама мы должны быть в Мекке, иначе нарушится условие хаджжа и все наши труды пойдут насмарку. Правда, до начала праздника оставалось еще пять дней, но было бы хорошо попасть в Мекку на день-два раньше, чтобы устроиться. Хотя Мекка и считается священной у мусульман и зовется Умм-уль-кура, то есть матерью городов, все же это маленький городок, а перед праздником в нем собирается около миллиона паломников, торговцев, купцов. Найти там крышу над головой, задача не из легких.

Из самого Судана в Хиджаз едет много людей. Только в хартумском аэропорту записано на очередь пять тысяч человек. Большинство из них забронировало места в самолетах еще год назад. Нам пообещали содействовать, чтобы мы своевременно достигли цели нашего путешествия.

Мы отправились в «Гранд-отель».

Да, действительно, солнце питает особую любовь к этому континенту. Даже, если смотреть на безоблачное

небо или на выжженную солнцем землю через черные очки, начинается резь в глазах. Ветровые стекла машины раскалены, словно печь. Иногда кажется, что пахнет горелым.

Мне досталось место в «Победе» секретаря посольства Тауфика. Это симпатичный молодой человек лет двадцати семи-двадцати восьми.

Движение здесь левостороннее. Поэтому руль в машинах находится справа. Нам это несколько непривычно, да и привыкнуть трудно. Действительно, в «Победе» водитель сидит с левой стороны, а дорожные знаки на дорогах расположены по правой. В городе одноглазых стань и ты одноглазым, говорит пословица, но сказать легко, а попробуйте-ка сами...

«Гранд-отель» оказался большим двухэтажным домом. Почти во всю длину фасада тянулся навес, под ним — множество плетеных кресел и столов.

Отель расположен на берегу Нила. Синяя-пресиняя вода древней реки величаво, с достоинством катила свои воды. От реки гостиницу отделяла асфальтированная дорога. Сотни машин, а больше всего желтых такси производства Западной Германии, сновали взад и вперед. Напротив гостиницы у берега стояли два пассажирских судна, крепко-накрепко принаитовленных бортами друг к другу.

В кувшинах принесли воду со льдом, разлили по высоким конусообразным бокалам. Благословенная вещь вода, но только когда ты сыт. А мы после легкого раннего завтрака еще ничего не ели. В ресторане при гостинице время обеда уже прошло, и нам нужно было набраться терпения до вечера.

Прошел час. Мест нам еще не предоставили. Опять принесли воду со льдом.

— Пей! — усмехнулся Исрафил. — Нил рядом.

Наконец выяснилось, что в отеле есть места только на четырех человек — для Кори-ака, двух стариков и переводчика. Остальных разместят в филиале гостиницы — в каютах тех самых двух пароходов, пришвартованных к берегу.

Кое-кто из паломников взгрустнул от этого сообщения. А я обрадовался, как дитя. Много дней и ночей провел я в разных гостиницах, но жить в корабельной каюте мне еще не приходилось.

— Какие наши каюты?

— Выбирайте любую, большинство пустует.

Тем лучше, но сперва надо найти удобную каюту для муллы Наримана и устроить его. К сердечной недостаточности муллы прибавилась дорожная усталость, и глаза его бессильно закатываются. Мулла должен принять вот эти две таблетки — одну сейчас же, а другую вечером. До завтра никуда не ходить, отдыхать. Если он проявит непослушание, вопрос о продолжении путешествия будет возобновлен, на этот раз очень строго и со всей решительностью. Таково мое последнее слово.

— Хорошо, сударь, хорошо,— ответил мулла Нариман.— Я, сударь, из истинных ходжи, и не подобает мне, сударь, извиняться перед каждым встречным, не подобает, нет, не возражайте, сударь, не подобает. Но у вас я прошу извинения. То, что было в Москве, больше не повторится, сударь, не возражайте, не повторится.

Встретив меня в коридоре парохода-отеля, Исафил удивился:

— Где ты пропадал?

— Слушал речи истинного ходжи в его опочивальне.

— Жаль, я хотел поселиться с тобой, но подумал, что ты остался там, с начальством.

— Если бы места распределялись по чину, остаться

там следовало бы тебе. Ведь ты вице-глава нашей артели.

Я снес чемоданы в одну из кают, напоминавших купе старых железнодорожных вагонов. В каюте четыре койки, по две, одна над другой, с каждой стороны, одежный шкаф. По углам — два умывальника с зеркалами, над ними довольно большие вентиляторы, похожие на те, которые у нас на родине используются на кухнях больших столовых. Но горячий воздух, проникавший в каюту извне, выгонял пот из тела, свидетельствуя о том, что даже и эти огромные вентиляторы недостаточно велики.

Казначей нашей группы хаджи Абдухалил-ака извещил, что через полчаса мы отправимся на прогулку по городу, но сперва зайдем в соборную мечеть для вечерней молитвы. Была пятница, и паломники горевали, что им не удалось совершить полуденную молитву в какой-либо из хартумских мечетей¹. Поэтому они хотели бы вечером помолиться в мечети и тем самым заслужить милость всевышнего.

Мы не зря титулуем Абдухалила-ака хаджи. Еще три года назад он совершил хаджж. Именно поэтому его, человека, повидавшего мир, избрали казначеем и все деньги — в американских долларах — вручили ему.

Я направился в каюту Исрафила, чтобы передать ему слова хаджи Абдухалила. Исрафил и его земляк мулла Зульфикар совершали послеполуденную молитву.

В ожидании я оперся о поручни. В прозрачной воде Нила плавали стаи рыб. Примерно в полукилометре от нашего плавучего жилища, ниже по реке сливались

¹ Полуденная молитва в пятницу считается у мусульман самой важной и почетной.

воды Голубого и Белого Нила, образуя собственно Нил. Да, именно здесь рождается старый труженик великий Нил и отсюда несет свои воды до Средиземного моря.

На песчаных отмелях противоположного берега отдельными кучами растут финиковые пальмы и акации. На небе ни облака. Время от времени над железным мостом, хорошо видимым отсюда, снижаются на посадку самолеты.

Справедливо изречение, что идущий человек похож на дарьё (реку), а сидящий — на бурё (циновку). Справедливы слова, что кто движется, тот видит, кто сидит, тот так и просидит век на одном месте. Еще вчера я был с Искандаром в одной из шашлычных Москвы. «Будь осторожен, не купайся в Ниле, — наставлял он меня. — Не приведи господь, проглотит крокодил и мы будем лишены возможности бросить на твою могилу горсть земли».

В свою очередь я порекомендовал приятелю не относиться легкомысленно к своему здоровью, побольше гулять на свежем воздухе, ибо одиннадцатимесячное в году сидение сиднем в темном рентгеновском кабинете не очень-то благоприятно отражается на его умственных способностях, если судить по его шутке.

Из каюты вышел Исафил.

— Ты не молился? — спросил он.

— Я? Я... молился.

— Однако и шустрый же ты! Или ты пользуешься при молитве каким-нибудь передовым методом?

— Потерпи, узнаешь.

— Ну, терпеть мне придется недолго.

— Что ж, тем лучше.

Мы пошли в город. Программа экскурсии объявлена заранее:

а) совершить вечернюю молитву в соборной мечети;

б) найти и купить специальные чужаки для хаджжа;
в) часть долларов обменять на суданскую валюту, чтобы, если, не дай бог, наш отъезд в Аравию задержится, у нас были бы деньги на карманные расходы.

Пешее хождение здесь требует особого искусства. На многих улицах нет тротуаров. Прохожие жмутся к домам и заборам. Движение, повторяю, левостороннее. По какой стороне улицы ни шагай, постоянно думаешь, что либо оставишь своих детей сиротами, либо окажешься виновником того, что жена какого-нибудь шофера станет вдовой при живом муже, посаженном в тюрьму.

Но даже если кое-где и имеется тротуар, он покрыт толстым слоем крупного красного песка. Я вынужден останавливаться через каждые двадцать-тридцать шагов и, стоя на одной ноге, вытряхивать песок из сандалет.

— Молодой месяц! — воскликнул кори Тимурджан.

Все задрали головы к небу. Один из стариков протянул вперед руки и прочитал молитву: «О Аллах, помилуй нас, грешных, укрепи веру всех мусульман, ниспосли миру мир и покой, осени наше путешествие, сделай его безопасным...»

Тонкий рог месяца, словно детская люлька, спокойно висел в небе. Хотя в этих широтах такое положение нашего естественного спутника вполне обычно, паломники были очень взволнованы.

И мне в детстве твердили, что если новый месяц покоится на небе, словно чаша на столе, — не иметь покоя рабам божьим, и в течение этого месяца нагрянет какое-нибудь бедствие или случится хоть какая-нибудь неприятность. При виде молодого месяца в таком положении, взрослые заставляли нас вместе с ними возносить к вратам божьего дома мольбы о милосердии;

мы испуганно пялили глазенки в небо, обуянные страхом, беззвучно читали известные нам молитвы, моля о благополучии для дома, для отца и для матери.

Если же месяц поднимался в небе стоймя, это являлось поводом для радостных криков, шума, гама, ликования.

Месяц, батюшка, дай лепешечку,
Нет, не лепешечку, а братишечку,—

распевали мы и с воплями и визгом переворачивали вверх тормашками дом и всю улицу.

Мне кажется, что у моих спутников этот страх перед лежащим месяцем сохранился со времен детства. А может быть, и нет? Может быть, страх этот пришел к людям со времен детства человечества, из глубин десятков тысяч лет развития человеческого общества?

Я всем сердцем желал, чтобы сейчас совершилось чудо. Да, чудо, чтобы на полутемной улице Хартума вдруг очутился огромный телескоп, и эти люди увидели бы на поверхности луны выпел с гербом СССР, с пятиконечной красной звездой и воочию убедились, что могущество человека оставило след даже на светильнике Аллаха.

В другое время я пошел бы со всеми вместе в мечеть, а сейчас не мог этого сделать, даже через силу.

Я беспартийный, если и совершу намаз, никто не прекнет меня за это. Когда умирает кто-нибудь из родственников или знакомых, то всю первую неделю после похорон, а затем в двадцатый, в сороковой день и в годовщину смерти в доме покойного устраиваются поминовения и моления. Хотя я уверен, что все эти рассказы о переселении душ, о том свете, о рае и аде, и так далее, и тому подобное — чистейший вымысел, все-таки

вместе со всеми вздымаю руки. Хотя умом я дошел до определенного вывода, мои руки порой подчиняются обычаям.

Мальчиком я раза два или три убивал змей. Кетменем или тешой¹ разрубишь змею надвое, и две змеи самостоятельно двигаются в разные стороны. Чувство отвращения и брезгливости закипает в тебе, и ты разрубашь гадину на десять, на двадцать, на сорок частей, и все они продолжают извиваться. Кажется, что даже и в таком состоянии змея грозит тебе смертью.

Недаром говорят в народе, хоть бычок и умрет, но пугающий взгляд его глаз не умрет никогда.

Паломники свернули в узкую улочку, ведущую к мечети. В этом городе высокие минареты видны издали, и найти по ним мечеть не представляет труда.

Я пошел дальше и очутился на вечернем базаре. По-видимому, здесь апрель — самый разгар лета. Базар полон арбузов и дынь, бананов и апельсинов, яблок и груш, различных местных фруктов, не ведомых мне ни на вкус, ни по названию.

Торговцы разложили свои товары на длинном прилавке, разделенном перегородками и освещенном керосиновыми лампами. В сторонке сидела на циновке женщина с мальчиком и на железном переносном очаге готовила кофе. Чуть поодаль на такой же жаровне молодой человек варил что-то вроде густой мучной похлебки. Едоки, усевшись вокруг прямо на земле, ужинали.

Такую картину можно было наблюдать в начале тридцатых годов и на моей родине. Советская власть была еще молодой, а в нашей Средней Азии и того меньше, и пока не взяла в свои руки все отрасли произ-

¹ Род мотыги.

водства и бытового обслуживания народа, каждый вечер на пустыре в нашем квартале собирался обжорный ряд. Женщины, старики и старухи на мангалах, сколоченных из старых ведер, варили домашнюю лапшу, манты, начиненные почти одним луком, или же торговали распаренным горохом. Приехавшие из кишлаков дехкане поодиночке, по двое приходили из караван-сарая на этот пустырь, покупали каждый себе по вкусу то или иное блюдо, и тут же, усевшись на корточки, ели. И затем расходились по своим делам или возвращались в караван-сарай.

Позже обжорные ряды исчезли, приезжие привыкли к чистым, опрятным столовым. Однако во время войны переносные жаровни опять задымили на улицах и площадях, опять появились уличные творцы плова, лишь издали показывавшие котлу масло и придававшие шафраном и другими приправами своим творениям только внешний блеск взамен вкуса и питательности.

Наверно, уличные ужины суданцев тоже преходящая картина. Посмотришь на открытые лица, на натруженные руки жителей Хартума и поймешь, что они только начинают пользоваться первыми плодами свободы и независимости.

Мои спутники вышли из мечети, и я пустился догонять их.

Большинство ларьков, лавок и магазинов сегодня закрыты. Купцы и ремесленники-мусульмане не работают по пятницам. Редкие открытые магазины принадлежат грекам, армянам и другим представителям христианской религии. Изрядно побродив по городу, мы наконец отыскали обувной магазин. Наш казначей купил всем по паре резиновых чулок и, сменив на суданские деньги некоторое количество долларов, ссудил каждому по три фунта на карманные расходы.

Мы не зря пустились на поиски специальных чувяк. По правилам хаджжа, паломник должен ступить на землю Саудовской Аравии в особом одеянии, к которому не прикасалась бы машинная или ручная игла. Чувяки, которые мы купили, были целиком литые и не имели ни единого стежка.

От длительного хождения мы очень устали и проголодались, и поэтому чье-то предложение взять такси было поддержано единогласно.

На трех такси мы подъехали к «Гранд-отелю». Я достал из кармана трехфунтовую бумажку и протянул водителю. Сдачи он дал мне горсточку серебряных монет.

Возле второго такси собралась толпа. Шел шумный спор. У меня давнишняя привычка — как увижу толпу, непременно спешу туда. Не дай бог, что-то случилось и нужна врачебная помощь. Выяснилось, что водитель не мог разменять три фунта. Воскликая: «В чем дело? Что тут происходит?» — я вошел в круг. Шофер, увидев в руках у меня серебряные монеты, обрадовался и, взяв серебро, сунул мне взамен горсточку меди. Мы разошлись.

— Что там случилось? — спросил Исафил, ждавший на другой стороне улицы.

— Так, ничего, притчи рассказывают...

— Притчи? Прямо на улице?

— Да, про Насреддина Афанди. Однажды, когда он спал, с улицы послышался шум. Жена разбудила его: «Выйдите на улицу, господин, узнайте в чем дело!» Афанди накинул на себя халат и вышел. На улице три вора делили награбленное. Один из них был недоволен дележом. При виде Афанди главарь сорвал с него халат и отдал вору, который считал себя обделенным. Грабители пришли к соглашению и ушли восвояси,

а Афанди вернулся домой. «О чем там спорили?» — спросила жена. — «Э, не спрашивай, — ответил Афанди. — Оказывается, спор шел о моем халате».

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, СУФИИТИИ!

Вчера мы вернулись поздно и в ресторане при «Гранд-отеле» кроме нас не было никого. Сегодня утром нас проводили сквозь три переполненные зала в четвертый, расположенный в самой глубине ресторана. Посетители кидали на нас пытливые взоры. Мы шли цепочкой мимо столиков, за которыми сидели иностранцы. Большинство шагало степенно, уверенно, с достоинством, словно прогуливаясь по парку, только Аллана-зар-кори походя ковырял в носу.

Не дай бог, чтобы у кого-нибудь создалось впечатление, будто все советские люди такие, подумал я. Ну, нет, не свихнулись же они, чтобы думать так про всех! Должны же они понимать, что те, кого они видят, далеко не являют собой образец советского человека.

После завтрака Кори-ака разрешил нам совершить прогулку по городу, посоветовав, однако, чтоб к полуденной молитве все собрались в отеле, потому что, возможно, нам дадут самолет, и мы полетим в Аравию. Кроме того, Кори-ака просил нас ходить всем вместе, чтобы, избави Аллах, не приключилось чего-нибудь.

Я слыхивал, что за границей с нашими соотечественниками происходили разные разности. Случалось, их выкрадывали всеми правдами и неправдами, понуждая отречься от родины. Не помню в каком это году, чанкайшисты задержали наш танкер «Туапсе» и около двух месяцев пытали наших моряков, добываясь от них отречения от родины.

М-да, странные люди живут на свете. По поступку одного-двух людишек судят обо всех. Какой человек в здравом уме отречется от своей родины?! Если у тебя нет родины, что же есть у тебя?! Какой смысл может иметь семья, дом, работа и все прочее без родины?

Несмотря на предупреждения Кори-ака, пока я ходил в каюту за фотоаппаратом, моих паломников и след простыл. Исфафил вместе с переводчиком еще раньше отправился в аэропорт по делам. Он не оставил бы меня одного. Или они ошиблись в счете, пересчитывая людей, или же в глазах ученых мужей ислама мое присутствие или отсутствие было равнозначным.

Ничего страшного. Сказать по правде, я не люблю ходить стадом. Что касается возможности неприятных осложнений, то это во многом зависит от самого человека. Да и кроме того, подобные казусы случаются в странах, где к нам питают неприязнь. А если что и произойдет, я ведь живой человек и в обиду себя не дам.

Набережная Нила очень красива и утопает в тени густых деревьев. Пройдя километра два, я наугад повернул направо. Хартум состоит из трех, в прошлом самостоятельных городов: из города Омдурмана, собственно Хартума и Северного Хартума. Я гуляю по Северному Хартуму, который считается новейшей частью города. Одежда прохожих состоит из белой длинной рубахи, чалмы и легких чувак. Рубахи достигают щиколотки, но, несмотря на это, люди с удивительной ловкостью и проворством ездят на велосипедах. Чалма повязывается не жгутом, как у нас, а широкими полосами тонкой материи. Государственные служащие в легких европейских одеяниях.

Узнать суданского араба нетрудно. У женщин и мужчин на щеках или на лбу родовые или племенные

знаки — полукружия, прямые или кривые линии, вырезанные ножом. Видимо, это проделывается еще в раннем детстве, так как с годами надрезы становятся похожими на рубцы от старых шрамов, нанесенных холодным оружием.

В чужом краю чувствуешь себя деревенщиной, впервые попавшим в город. Взор перебегает с вывески на вывеску, с одного здания на другое. Некоторые надписи сделаны прямо на асфальте. Читаю и понимаю. Ведь в нашем таджикском литературном языке много арабских слов. Да и из таджикско-фарсидского языка в течение веков немало слов перекочевало в арабский.

Я очутился в торговых рядах. Как и у нас в старинных городах, по обеим сторонам улицы протянулись ларьки, продуктовые лавки, мастерские кустарей и ремесленников. В одном ларьке торговали лекарствами. Цены по сравнению с нашими аптеками очень высокие.

Владелец палатки с канцелярскими принадлежностями заговорил со мной, но я не понял его. На лице торговца появилось выражение сожаления. Несколько минут мы молча глазели друг на друга.

— Фарси? ¹

— Ла, ² — был ответ.

— Турки?

— Ла.

— Инглизи? ³

— Ла, — ответил он, поморщившись.

— Что же делать? — произнес я вслух по-русски, и от этого сам рассмеялся. — Руси? — спросил я, и на этот раз без всякой надежды.

¹ Персидский; здесь подразумевается: «Говорите по-персидски?»

² Нет (араб.).

³ Английский.

— Эйва, руси, руси! Билад Русийя, аль-итти-хадас-суфиитий?¹ — забросал он вдруг меня вопросами и восклицаниями.

— Да, билад Русийя. Я — суфиитий!

— Машалла, машалла! Аль-хамдулилла!² Суфиитий, мархабан³, — сказал торговец и, поддерживая под руку, ввел меня на крылечко своей лавки и крикнул внутрь помещения:

— Абдульмаджид!

Мгновение спустя юноша с едва пробивающейся бородкой вынес нам на подносе чай и сахар. Наша беседа протекала то с помощью мимики, то с помощью арабских слов, знакомых каждому грамотному таджику. Наконец я начал прощаться и купец, несмотря на мои возражения, подарил мне толстую тетрадь и цветной карандаш. Я отдал ему нагрудным значком с изображением голубя — символа мира — на фоне глобуса.

Проходя вдоль ряда ремесленников, я обратил внимание на работу мастерового, который сноровисто и быстро плел из тонких прутьев спинку стула. Заглядевшись, я невольно остановился перед входом в мастерскую. В глубине помещения двое других кустарей делали изящные корзинки. Через внутреннюю дверь в мастерскую вошел человек, судя по одежде — хозяин и приблизился ко мне. Я поздоровался. Он ответил на приветствие и улыбнулся. Он понимал, что перед ним чужестранец, и спросил, откуда я.

Узнав, что перед ними суфиитий, все прекратили работу. Некоторое время меня разглядывали с ног до головы, разглядывали с таким доброжелательным любопытством, словно я свалился с неба. Кто-то поставил

¹ Да. Родина Россия, Советский Союз.

² Бог вас послал, славу богу.

³ Добро пожаловать (араб.).

посередине мастерской новый стул и пригласил меня сесть.

— Чай? Кахва? Кукола? — предлагал хозяин мастерской, желая выяснить, какой из этих напитков предпочитает гость. Кукола, по-видимому, было арабское произношение американского кока-кола.

— Ла, ла, — отнекивался я. — Шукран, благодарю.

Но вопреки моим отказам откуда-то появился поднос с чашками чая и кофе. Не прошло и нескольких минут, как вход в мастерскую был забит людьми. Из соседних мастерских и палаток пришли кустари посмотреть на советского путешественника. Юноша, принесший поднос с напитками, привел средних лет человека в европейском костюме. Он должен был переводить то, что ваш покорный слуга мог выразить на английском языке.

У меня спрашивали, откуда я родом, как здоровье Юрия Гагарина, как меня зовут, сколько у меня жен и детей, сколько зарабатывают у нас врачи, сколько паломников в нашей группе. Люди постарше задавали вопросы о рынках, мечетях; молодежь интересовалась школами, просвещением, климатом и, конечно, нашими космонавтами.

То, что в Советском Союзе существует свобода религии и действуют религиозные учреждения, некоторых радовало, а некоторых удивляло.

После получасовой беседы я устал так, как может устать только хирург после самой сложной операции. Искать и находить в тайнике мозга, превратившегося от жары в какую-то кашу, слова чужого языка, который знаешь весьма посредственно, не такое уж легкое дело. Добровольный толмач выглядел не лучше меня.

Я попрощался и хотел было продолжать путь, но переводчик, портной по профессии, силком потащил меня в свою мастерскую.

До этого путешествия я был весьма уверен в своих познаниях иностранных языков. Ведь в течение нескольких лет я изучал английский в средней школе и в институте. Но сейчас, после серьезного испытания моих лингвистических способностей, в результате которого я взмок от пота, моя самоуверенность дала здоровую трещину. К тому же я вспомнил о людях, которые всего за один месяц осваивали чужой язык настолько, что могли свободно переписываться и разговаривать, и это еще больше ущемляло мое самолюбие.

И все-таки я был рад, что пошел гулять по городу: я и не предполагал, что встреча с простым человеком из Советской страны может представить для жителей этого края столь волнующее событие.

Признаться, быть центром внимания и объектом уважения множества людей весьма приятно. И я еще яснее понял, почему порядочные люди, даже весьма мудрые, не могут долго сопротивляться культу своей личности. Передохнув, я снова отправился на прогулку.

Я побрел наугад и вышел на просторную площадь, куда сходилась несколько улиц. Над площадью возвышалось треугольное здание, которое оказалось национальным банком Судана. Под длинным навесом сидели в ряд мальчики. Один чистил обувь прохожим, другой разложил на лист бумаги куски мыла и зазывал покупателей, третий застеклял какую-то картинку, чтобы ее можно было повесить на стенку.

Юный торговец мылом пронзительно выкрикивал «Сабун! Сабун!» Завидев меня, он сразу же протянул два куска иракского мыла. Жестом я объяснил, что в мыле не нуждаюсь. «Тогда сфотографируй!» — тоже жестами потребовал мальчик, поставил мыло¹ на место,

¹ Иракское мыло имеет форму конуса.

вытянулся во весь рост и осклабился. Я сфотографировал его, чтобы не обидеть.

Узнав, что я из Советского Союза, мальчишки подняли неопиcуемый галдеж, и я испуганно оглянулся на полицейских, стоявших у входа в банк.

Молодой окантовщик картин усадил меня на крошечную табуретку и стал показывать свои богатства, состоявшие из стопки цветных гравюр, изображавших отдельные сцены из классических английских и индийских драм и опер.

— Квайс, квайс ¹, — говорил я. — Баракалла, молодец.

Услышав арабские слова, ребята пуще прежнего принялись исторгать возгласы одобрения и радости.

Да, дети, хотя у них еще нет жизненного опыта, всегда были и остаются чутким зеркалом искренности. В мире существуют государства, для представителей которых стало правилом либо гордиться своей мощью, либо бахвалиться перед бедными странами своей толстой мощью. Но даже самый простодушный мальчуган сразу почувствует это. Такого человека они никогда и не подумают одарить дешевым мылом или во что бы то ни стало в знак уважения и гостеприимства навести блеск на его и без того чистые туфли.

Внимание и любовь, которыми меня окружили в торговых рядах хартумского рынка, на всю жизнь останутся в моей памяти. То, что ваш покорный слуга является суфиитом, стало известно сперва в мясном ряду, а затем с быстротой молнии облетело весь огромный рынок. Торговцы, покупатели окружали меня плотным кольцом и засыпали вопросами. Тотчас находился и тол-

¹ Хорошо (араб.).

мач. Но не проходило и двух минут, как кто-нибудь со словами «Суфиитий, мархабан!» тащил меня за руку, усаживал на табуреточку перед своей лавкой, просил окружающую толпу податься назад, чтобы не загораживать гостю доступ воздуха. Кто-то протягивал чашку горячего ароматного чая, другой всовывал в руку стакан воды со льдом, третий угощал очищенным апельсином или бананом. А четвертый, взрезал огромный арбуз, говорил, что обидится, если я не отведаю кусо-

чек. Не успевал я опомниться, как какой-то феллах¹ вел меня за руку в свой ряд, усаживал с почетом и принимался потчевать всем, чем торговал.

Когда я оказался гостем торговца маслом, один из покупателей попросил, чтобы советский врач отвесил и перелил масло в его посуду. На ручных весах, у которых одну из чашек заменял тыквенный кувшин с приделанным носиком, я взвесил полхукки² масла и перелил в бутылку покупателя. Тот был счастлив без меры.

Отвечая на расспросы, я говорил о том, что в СССР лечат бесплатно, о том, что у нас много школ, училищ, институтов и университетов. Рассказывал о республиках Средней Азии. На лицах слушателей отражалось то удивление, то восторг и одобрение. Многие стояли в глубоком, задумчивом молчании.

Приближалось время полуденной молитвы. Вспомнив о наставлениях Кори-ака, я попрощался с гостеприимными хозяевами. Да и они сами уже оставляли свои ларьки, тележки, велосипеды и товары, спеша к местам омовения и в мечети.

О АЛЛАХ, ВОТ И МЫ!

Мои спутники, совершив полуденную молитву, вернулись раньше меня и сидели в ожидании под навесом «Гранд-отеля». Мулла Урок-ака ждал не только обеда, но и меня, чтобы покурить. По-видимому, о моем отсутствии пожалел он один.

Исрафил сообщил, что самолет сегодня вряд ли будет, но завтра — иншалла — нам его предоставят.

Служащие ресторана пригласили нас к трапезе. Оде-

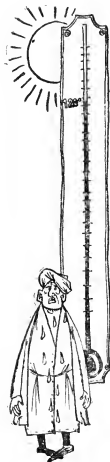
¹ Крестьянин, земледелец (араб.).

² Хукка — мера веса в некоторых арабских странах, равная тысяче двумстам сорока граммам.

ты они, как все суданцы, с той только разницей, что их длинные рубахи стянуты широкими кушаками. Простые официанты носят зеленые кушаки, а рангом повыше — красные.

Нас потчевали вкусными супами, жареным мясом, бифштексами, а также фруктами и фруктовыми напитками, которые предлагались в любом количестве и на любой вкус. Однако хлеба давали очень мало: перед каждым лежала маленькая белая и почти несоленая булочка. Человеку с мало-мальски приличным аппетитом такая булочка на один зубок.

В буфете ресторана я купил спички. Медяков, оставшихся у меня после поездки на такси, хватало только на такие приобретения. В буфете, по случаю приезда европейских гостей, продавали спиртные напитки, но цена!.. Захочешь бутылку рома, — распрощайся с такой суммой, на которую можно приобрести крупного барана. Государство умышленно обкладывает высокими налогами торговлю горячительными напитками, чтобы охладить не в меру ретивых торговцев алкоголем.

Исрафил поджидал меня в одном из уголков фойе.

— Айда,— сказал я ему.

— Обожди,— придержав меня за рукав,— сказал он.— Взгляни вон на того человека.

Мужчина в легком белом пиджаке и в шортах полулежал в мягком кресле у колонны, вытянув волосатые ноги на стоявший перед ним столик. Много людей проходило мимо, но мужчина не обращал ни на кого внимания.

— Побьемся об заклад, что я угадаю, откуда этот человек,— предложил я Исрафилу.

— Нашел дурака, я и без тебя это знаю,— возразил тот, выпятив нижнюю губу.— Странные люди...

Подобную же картину мне приходилось наблюдать и раньше. Как-то раз, приехав в Москву, мы с Искандра

остановились в гостинице «Украина». Там было полно иностранцев, в том числе гостей проходившего в те дни съезда Центрсоюза. Вечером, выйдя из номера и направляясь к лифту, мы увидели в холле хорошо одетого человека, который развалился в глубоком кресле и, задрав ноги на стол, лениво просматривал красочные проспекты Аэрофлота и зарубежных авиакомпаний.

Не знаю, общее ли это правило в Америке — класть ноги на стол, или это позволяют себе лишь неко-

торые американцы. Как бы то ни было, эта поза показалась мне очень некрасивой, будто кто-то положил ноги на дастархон¹ с хлебом.

Искандар нахмурился.

— погоди, я скажу несколько слов этому господину,— проговорил он и направился к иностранцу.

— Простите,— сказал Искандар и представился: — Я врач.

Удивленный столь странным началом знакомства, иностранец вскинул брови, наморщил лоб и, не пошевелившись, некоторое время разглядывал Искандара, затем, будто что-то вспомнив, усмехнулся и воскликнул:

— О'кей, доктор! Присаживайтесь. Рад с вами познакомиться.

— Благодарю вас, вы очень любезны,— продолжал Искандар,— к сожалению, я не располагаю временем. Если вы не воспримите это как обиду, сударь, я хотел бы дать вам один совет...

Я стоял поодаль и слушал их беседу. Чужеземец несомненно угадывал намерения моего товарища, но не менял позы и насмешливо поглядывал на Искандара. В душе я беспокоился, чтобы мой друг во время этого внешне очень корректного, но внутренне весьма напряженного разговора не был бы посрамлен.

— Может быть,— продолжал Искандар,— никакой нужды в моих советах нет и вы сами знаете, что человеческий организм устроен так, что в верхнюю половину тела поступает самая чистая кровь. А вы изволите отдыхать в такой ненормальной позе, что чистая кровь идет вам в ноги... То есть я хочу сказать, что клетки ваших ног работают лучше, чем клетки мозга.

¹ Скатерть, на которой едят.

Высокомерное и насмешливое выражение словно стерлось с лица иностранца. Он покраснел, но сразу же взял себя в руки, так же громко смеясь, поднялся с места и, хлопнув Искандара по плечу, сказал, что доктор молодец, один ноль в его пользу. Достав из кармана визитную карточку и написав на ней номер комнаты, он протянул ее Искандару, приглашая к себе в гости. Неоднократно повторив «О'кей» и «ол райт», оба разошлись.

В лифте я спросил Искандара:

— В каком средневековом учебнике ты вычитал эту чушь о чистой и нечистой крови?

— Ее величество природа дала человеку голову в надежде, что он хоть иногда будет пользоваться ею,— ответил мой друг.

В тот раз я впервые столкнулся с традицией «ноги на стол». И теперь постоялец гостиницы далекого Хартума своими манерами показывал, кто он и откуда.

Мои спутники собрались на верхней палубе парохода и беседовали. Памятуя о своих обязанностях, я просил их ради самого Аллаха не пить сырой воды и не есть немывые фрукты. Они выслушали меня в молчаливом согласии и утвердительно закивали головами.

— Почему вы не пошли с нами в город? — спросил кто-то.

Я промолчал, чтобы не наговорить им дерзостей.

— Нехорошо отрываться от общества,— принялся поучать другой.

Он долго читал бы мне нотации, как вести себя, но мое терпение лопнуло. Я обрезал его, сказав, что это не я оторвался от общества, а благородное общество бросило меня одного.

В это время прибежал запыхавшийся Алланазар-кори и еще издали оповестил:

— Знаете какая здесь жара? Сто два градуса!
Раздались возгласы удивления и тревоги.

— Неужели?!

— Не может быть!

— Кори, вы это сами видели или кто-нибудь вам сказал?

— О, милостивый Аллах, неужели человек будет лгать на пороге хаджжа?! Конечно, видел своими глазами!

Алланазар-кори говорил правду. Он просто не знал, что термометр, висевший у трапа при входе на паром, градуирован по шкале Фаренгейта. По Цельсию температура была около тридцати девяти градусов. Но я ничего не сказал. Пусть себе считают, что на пути к обители Аллаха они сносили неслыханные муки и в жару, при которой вода превращается в пар, безропотно творили свои моления.

Казначей вынес из каюты какую-то книжицу, которая оказалась путеводителем паломника — сводом правил и законов хаджжа. Еще в Москве Кори-ака рассказал нам об этих установлениях. Теперь по его поручению опытный хаджи должен был провести вторую беседу.

— Иншалла, как услышим весть о том, что самолет готов, моментально нужно совершить святое омовение и надеть ихрамы.

Ихрам — одяние паломника. Куском бязи длиной в два-два с половиной метра оборачивают тело ниже пояса. Другой кусок побольше перекидывается через левое плечо и пропускается под правую подмышку, закрывая верхнюю часть тела. На ноги надевают те самые чуваки, к которым не прикасалась игла. Во время облачения в ихрам мы должны как можно громче выкрикивать следующие слова:

Лаббайка, Аллахумма, лаббайк!
Ла шарика лака, лаббайк!
Инна-ль-хамда ва-и-ни' мата ва-ль-мульк.
Ла шарика лака! ¹

Этот аят нужно знать наизусть, потому что не только облачаясь в ихрам, но и в течение всего хаджжа нам придется бесчисленное число раз повторять его.

Как только мы вступим на священную землю родины пророка, иншалла, тотчас отправимся в путь к благословенной Мекке и, достигнув Каабы Аллаха, совершим таваф, то есть обрядный обход вокруг святыни, затем выпьем священную воду из колодца Замзам² и пустимся в поход к великому холму Арафат, у подножия которого нужно провести хотя бы одни сутки. Еще сутки проведем у подножия столь же святой горы Муздалиф, а трое суток, иншалла, уйдут на молитву, жертвоприношения и обряд камнебития проклятого шайтана в священной долине Мина. После этого мы вернемся в благославенную Мекку, некоторое время проведем в хождении вокруг Каабы Аллаха, опять вкусим целительную воду Замзам, после чего, иншалла, отправимся к месту упокоения тела последнего пророка в Медину.

Впрочем, к названиям городов и местностей Аравии мы обязаны впредь добавлять достойное их прилагательное. Например, морской и воздушный порт Хиджаза, город Джидду, следует называть почтенная Джидда, Мекку — благословенная Мекка, Медину — лучезарная Медина. Таково требование мусульманской этики.

¹ Мы явились перед тобой, о Аллах, мы пред тобой.
Ты один, нет у тебя сотоварищей. Мы — пред тобой.
Только ты достоин хвалы, благ и богатства.
Ты один, нет у тебя сотоварищей.

² Источник в Каабе.

Что ж, если наши славословия прибавят авторитет этим местам, мы готовы.

Инструктаж по хаджу закончился. Началась вольная беседа. Один из кори поведал о редкостных чертах характера нашего пророка. Вестник божий был весьма милосерд. Однажды, когда он беседовал со своими сподвижниками, к нему подошла кошка и растянулась на подоле его халата. Когда любимцу всевышнего понадобилось встать, то, не желая тревожить сон кошки, он отрезал подол и лишь затем поднялся с места.

От этого рассказа я пришел в восторг. Милосердию вестника божьего действительно стоит подражать, но, говоря по совести, было бы куда лучше, если бы милости пророка осеняли благодатью сынов и дочерей человеческих, тогда в годину распространения священного ислама головы тысяч ни в чем не повинных людей остались бы у них на плечах. И позднее, во времена правления четырех халифов, четырех верных сподвижников пророка — Абу-Бекра, Омара, Османа и Али,¹ — сотни городов и благоустроенных кишлаков не превратились бы в пристанище сов и филинов или в пустыни. Может быть, тогда дети тех простофиль, которые не сразу приняли ислам, не были бы изрублены «мечом справедливости» на куски в их колыбелях или на теплых грудях своих матерей.

Но невежливо обсуждать чью-либо неприязнь или любовь. Люди бывают разные. Одни любят кошек, другие питают привязанность к собакам или лошадям, третьи предпочитают всем живым существам род человеческий. Как говорит пословица — сердце принадлежит Зейнаб, ей и выбирать.

¹ Четыре первых, так называемых, праведных халифа, которые правили новообразованным государством арабских завоевателей — халифатом.

Жаль, что задумавшись об этом, я пропустил мимо ушей много ценных сведений. Однако я все же услышал, что кошка, оказывается привилегированное животное. Кто-то из пророков погладил ее по спине, и благодаря этому кошка приобрела редкое качество: если сбросить ее даже с высочайшего минарета, она обязательно приземлится на все четыре лапы. А я, растяпа, прозевал, кому именно из пророков обязана кошка за такое благодеяние. У моих детей тоже есть кошка Мурка. И хоть она очень хитра, шустра и до некоторой степени умна, а все же неграмотна и по своему невежеству не ведает, кого из хазратов¹ должна благодарить за дарованные ей привилегии. Ведь, пожалуй, ни одному другому животному не приходилось бегать по крышам так много, как кошке. И, следовательно, никому так часто не грозит опасность грохнуться спиной о землю.

Разговор перешел на тему о пище. Начался диспут о том, что главное — хлеб или мясо. Ученые мужи разбились на несколько групп. Одни утверждали, что когда на дастархон приносят плов, то недопустимо резать мясо, кладя его на лепешку, потому что ставить что-нибудь превыше хлеба недопустимо. Соглашаясь, что это неудобно богу, их оппоненты, однако, заверяли, что резать мясо на лепешке позволено. Другие, хоть и не высказывали ясно своих убеждений, тем не менее приводили цитаты из каких-то священных источников о месте мяса и хлеба и, таким образом, проявляли эрудицию.

Исрафил, молча сидевший, как и я, в стороне, встал и, кивнув мне, вышел в коридор.

¹ Лицо, имеющее духовный сан, святой; употребляется также в смысле «господин» и для уважительного обращения (араб.).

— Пойдем пройдемся,— предложил он.

— Желание вице-главы — закон. Пойдем.

Исрафил не ответил. Я понял, что ему сейчас не до шуток, и как бы невзначай спросил, что он думает о споре ученых мужей. Исрафил остановился и, направив взгляд своих карих очей на землю, задумчиво поиграл пуговицами моей рубашки, а потом с грустью сказал:

— Не люблю эти диспуты.

По трапу мы сошли на берег. Исрафил облокотился на решетчатую ограду набережной и стал глядеть на реку.

— У башкир есть поговорка,— улыбнувшись, произнес он наконец: — «И я мулла и ты мулла, кто же накормит коня?» Так и мои коллеги, соберутся втроем, вчетвером и ничего другого не знают, кроме споров и разговоров на подобные темы.

Да, мои смутные догадки, что взгляды мутавали из Башкирии отличаются от взглядов остальных мулл большей глубиной и широтой, постепенно подтверждались.

— Каждый божий день по сто раз убеждаешься, что мы живем в двадцатом веке, но смысл этих слов до нас что-то не доходит,— через некоторое время также грустно добавил он.

Я промолчал.

Людей сравнивают с реками. Действительно, характер одних напоминает наши горные шумные и бурные потоки. Другие похожи на этот Нил и спокойные реки широких равнин. Но есть и такие потоки, которые только кажутся спокойными, а в своих глубинах скрывают могучие течения и водовороты.

Вот и Исрафил, кажется, таит что-то в глубине души.

По вечерам прямо на тротуаре перед отелем расставляют множество столиков. Иностранцы сидят здесь,

пьют чай или вино, беседуя и отдыхая. Присели и мы с Исрафилом, заказали фруктовую воду. Официант принес напиток из грейпфрута, напоминающий по вкусу апельсин, персик и раннюю дыню — хандалак.

Подошел наш переводчик Абдусамад-ака с газетой. Мы попросили его рассказать, о чем там пишут. В газете сообщалось о приезде в Судан китайского цирка и паломников из Советского Союза. Половина газеты состояла из объявлений: о приеме учащихся на какие-то курсы, о торговле чаем, авторезиной, о найме квартир и так далее.

Очевидно, научный диспут на палубе уже закончился. На набережной появились двое из наших спутников и, прислонившись спиной к парапету, одновременно начали ковырять в носу.

Исрафил спокойно наблюдал за этим зрелищем, потом, видимо, вспомнил, что он второй руководитель нашей группы, и направился через дорогу. После кратких переговоров ковыряние в носу прекратилось.

— Что ты им сказал? — спросил я, когда Исрафил вернулся.

— Я сказал, что доктор запретил теревить нос, ибо, с одной стороны, может возникнуть опасность продырявить носовую перегородку, а с другой стороны, возможно, что иностранцы, не приведи Аллах, дурно подумают обо всех нас.

— Молодец, уважаемый вице-глава, но впредь, пожалуйста, говори от своего имени. Не восстанавливай их против меня. И без того они косо на меня поглядывают.

— Чепуха, тебе никто не хочет зла.

— Я и не говорил, что мне желают зла. Просто относятся с какой-то настороженностью.

— Преувеличиваешь. Стесняются тебя. Сам знаешь — есть все-таки разница между врачом и муллой.

— Да, пожалуй, ты прав, кое-какая разница существует.

Исрафил усмехнулся и сказал, что он сегодня не в духе, пойдет в каюту и соснет.

Только он хотел подняться с места, как на улице появился мулла Нариман в полосатой шелковой пижаме. Нахмурившись, Исрафил направился к нему и долго что-то доказывал. По тому, как мулла Нариман размахивал руками, было видно, что он не желает сдаваться. Спор затягивался, привлекая внимание посторонних. Я поспешил на помощь к Исрафилу. Мулла Нариман в качестве железного доказательства своей правоты упоминал всех предков и утверждал, что он не ребенок и не допустит, чтобы всякий встречный-поперечный учил его. Лишь общими усилиями Исрафила, переводчика и моими нам удалось убедить его перодеться.

Уфф! До сих пор я лишь изредка встречался с священнослужителями и никогда не оказывался столь длительное время в их обществе.

Господи, когда же все это кончится?! Ведь по существу хаджж еще и не начинался... Делать нечего, надо терпеть. Терпеть, чтобы сегодня перешло в завтра, завтра в послезавтра, и так до конца...

Пришел Тауфик, завел беседу с нашим переводчиком Абдусамадом. Оба хорошо знают арабский язык, быт, привычки и традиции арабского народа, и на эти темы беседа у них всегда получается живой и интересной. Тауфик много путешествовал по самым дальним уголкам Суданской Республики, много видел.

— На юге Судана живет одно племя,— рассказывал он.— В прошлом году я был гостем их вождя султана Маерна Белла. У него в подчинении восемьдесят тысяч мусульман. Он владетель бескрайних плантаций, бес-

счетного количества скота. В одном крыле дворца он устроил тюрьму. Сам султан, сам судья и сам хаким¹. От четырех жен у него пятнадцать детей. Подданные, являясь перед его светлые очи, падают ниц и ползком приближаются к своему властелину, а получив от него какое либо повеление, так же на коленях пятятся назад...

Я сижу на скамейке на верхней палубе парохода. Исафил лежит у себя в каюте. Хотел измерить у него температуру, но он не позволил. «Не беспокойся,— сказал он,— пройдет».

Надоело мне это безделье. Даже книги нет, чтобы почитать. Из дома я захватил с собой несколько книг, но в московском аэропорту пришлось оставить их Искандару. Кори-ака взял с собой для подарков в те страны, куда мы ехали, целую кипу нового ташкентского издания Корана и тяжеленные альбомы фотографий мечетей, медресе и прочих исторических памятников мусульманства у нас в стране. Каждый альбом весил чуть ли не десять килограммов, и когда выяснилось, что наш общий груз превышает дозволенные нормы, Кори-ака распорядился, чтобы личные вещи не первой необходимости мы оставили на родине и тем самым облегчили багаж. Так мы и поступили.

Черт ее знает, почему-то с утра у меня на кончике языка вертится одна строка из стихотворения:

«Наш праотец продал райские кущи за два зерна пшеницы...»

Сколько ни стараюсь, не могу вспомнить вторую строку. Видимо, поэт намекал на ошибку отца наших

¹ Правитель (тадж.).

отцов хазрата Адама, который, послушавшись шайтана, употребил в пищу запретный злак и за этот величайший грех с треском был изгнан из рая.

Невольно повторяя про себя эту строку, я не заметил, что начал петь. Так, распевая, я смотрел на ночной Нил, цепочку береговых огней, дугой растянувшихся вдоль берега и исчезающих за купами деревьев Омдурмана. Время от времени по Нилу проходили ярко освещенные пассажирские теплоходы или какой-нибудь катер тащил баржу. Тогда наше пристанище покачивалось словно люлька. Волны, ударяясь о борта отеля на воде и каменный берег набережной, громко плескались, разбрасывая вокруг молочно-теплые брызги.

Услышав шаги, я обернулся. Ко мне приближался мулла Урок-ака.

— Дохтур-джан, ох и искал же я вас! С ног сбился!

— Простите, я не предупредил вас, что буду на верхней палубе.

— Кхе! Думали, на верхней палубе сумеете от меня скрыться? Нет, сладкий мой братец, хоть на небо поднимитесь, я вас оттуда за ноги стащу, в землю укроетесь — за уши вытяну, ха-ха-ха! Прости господи, прости господи, нечаянно рассмеялся.

— Мулла-ака, не опасайтесь; чтобы подняться на небо, мне не хватает святости, чтобы уйти в землю — грехов.

— Вы все шутите, что ж, воля ваша, воля ваша. Среди врачей, оказывается, тоже есть шутники. Ох-хо-хо, сладкий братишка, давайте лучше подымим болгарскими сигаретами с золотыми узорами. Рахмат, рахмат¹, дорогой братишка. Штуки три-четыре я возьму с собой, чтобы не беспокоить вас среди ночи.

¹ Спасибо.

Покачивая толстым пузом, мулла Урок-ака, пыхтя, стустился по узкому трапу и исчез.

Опять не заметил, как начал петь. Вдруг кто-то коснулся моего плеча.

— Нельзя петь, доктор. Мы находимся у благородного порога хаджжа.

Это Алланазар, тот самый молодой кори, который был в московской гостинице моим соседом по комнате.

Я обомлел от этого назидания, от тона, каким оно было высказано, и от неожиданности потерял дар речи. Алланазар, словно победивший в бою петух, выпрямился и горделиво направился вниз.

...В полночь меня разбудил мулла Зульфикар и повел в свою каюту. Исафил горел как в огне. Вечером он не позволил мне осмотреть себя, я рассердился и теперь обрушил на его голову все ругательства, какие только знал. После обеда, в самое пекло, он выпил воду со льдом и простудился. Я дал ему аспирин, чтобы снять жар, затем растворил в воде тетрациклин и насильно влил в рот.

Он бредил, особенно часто повторяя слова «джаннат»¹ и «шариф»².

— Не бойся,— сказал я в сердцах,— место в раю тебе обеспечено. Если уж таких, как ты, туда не пускать, рай опустеет.

Мулла Зульфикар нагнулся ко мне и прошептал в самое ухо:

— Дохтур-джан, Джаннат — имя его жены, а Шариф его сын.

Когда мы вышли из каюты, мулла Зульфикар рассказал мне историю семьи своего земляка.

¹ Рай (араб.).

² Благородный (араб.).

Бедный Исафил. Оказывается, он жил словно между двумя жерновами. Вот почему черные тучи дурного настроения так часто бросали тень на его чело. Единственный сын Исафила — ученый, физик, а в семье священнослужителя это не является свидетельством счастья и благополучия. К тому же жена Исафила, не сказавшись, уехала в Ленинград, оставив дома записку: «Скоро вернусь. Поеду погостить к Шарифу». Шариф, как и прежде, ежемесячно высылал отцу деньги, хотя тот не нуждался в материальной поддержке, слал письма, но и письма теперь были не такие, как прежде, только привет, вопросы о здоровье отца и других родственников, и все. Сын не требовал больше, чтобы отец переменил род занятий, не делился с ним новостями из области техники и науки, не обсуждал стихов, не затрагивал проблемы философии. Привет и поздравления, я и мать в добром здравии, желаем тебе благополучия...

— Джаннат домохозяйка?

— В том-то и дело, что нет. Она работала кассиршей на вокзале. Когда женщина поступает на службу, бегаёт по улицам, ничего хорошего не жди, — заключил мулла Зульфикар.

До рассвета просидел я у изголовья Исафила, пока ему не стало лучше.

ПОЗДРАВЛЯЮ С ПОКУПКОЙ ТРУСОВ

На следующее утро нам объявили повеление Кориака ни на шаг не отходить от гостиницы. Из аэропорта каждую минуту могли сообщить, что самолет готов.

Исафил за эту ночь осунулся и немного побледнел. Но поскольку я все еще дулся на него за то, что он не позволил осмотреть себя, я заставил его лежать в

постели. Пищу, по моему распоряжению, приносили ему в каюту.

С каждой минутой становилось все жарче. До полудня никаких известий о самолете не было.

Правду говорят, что вода в речке возле дома не ценится. Воздушное сообщение стало у нас таким привычным делом, что на комфортабельный самолет смотрят теперь, как прежде смотрели на арбу.

Но в Судане нет своих самолетов, их покупают в других странах. А из чужого не создашь изобилия. Если бы я, подобно Исафилу, верил в могущество Аллаха, я бы сейчас от всей души обратился к нему с молитвой, прося помочь делам молодого государства Судан, этой стране трудолюбивых людей с открытыми душами, ниспослать им бурное развитие родины, поскорее построить большие и мощные промышленные предприятия, что является первым условием независимости.

Из отеля вышел Кори-ака. Он отобрал пять человек, в том числе вашего покорного слугу, и сказал, что желает нанести визит руководителю департамента по религиозным делам Суданской Республики.

Официальный прием прошел, слава богу, без пышности и парадности. Нас встретили во дворе департамента и провели в кабинет. Мы сели полукругом вокруг стола главы департамента, чисто выбритого сорокалетнего человека. Несколько чиновников бесшумно двигались за нашими спинами, поднося гостям фруктовые воды, сигареты, спички.

Беседа велась в основном между хозяином кабинета и главой нашей группы. Кори-ака, умудренный жизнью и много повидавший на своем веку человек, довольно хорошо говорит по-арабски. Следя за спокойным течением его речи, за изысканными манерами, я с сожалением думал о том, что не будь Кори-ака священнослу-

жителем, он мог бы стать ученым, известным из конца в конец нашей страны, или же государственным деятелем.

Служители религии тоже нужны людям, но, увы, не для сегодняшних и завтрашних дел, а только ради почитания предрассудков прошлого. Человеческое общество, бывает, так же как и природа, выкидывает разные коленца. Проказница природа, например, сотворила в организме человека такие органы, назначение которых никому не ведомо, но и они временами дают знать о себе.

Не ахти как понимая по-арабски, я погрузился в свои думы. В Москве я надеялся, что в подобных случаях наш переводчик хотя бы вкратце будет передавать нам содержание беседы. Что поделаешь, правила в группе паломников отличаются от правил в обычных туристических группах.

Оказалось, что руководитель департамента уже был наслышан о Тимурджане-кори и попросил его прочитать что-нибудь наизусть из Корана. У Тимурджанакори приятный и звучный голос. Мне кажется, что он всегда рад случаю показать свое искусство в чтении Корана. Впрочем, желание проявить талант и услышать слова похвалы не такая уж редкая слабость у людей.

В «Гранд-отеле» нас поджидал корреспондент газеты «Ас-Саура»¹. Он вывел всю группу в садик при гостинице, поставил в ряд, поместил в центре Кори-ака и несколько раз щелкнул затвором.

— Теперь и мутавалли из Башкирии станет известен в арабских странах,— сказал я Исфафилу, которого по этому случаю сам вытащил из каюты.

— Все в руках божьих.

¹ Революция (араб.).

— Конечно, — отозвался я, но про себя прибавил, что рука редактора газеты, пославшего нам фоторепортера, оказалась нисколько не слабее божьей.

Не понимаю, что со мной происходит. Прежде, когда мне приходилось слышать, как человек вручает свою судьбу или судьбу какого-либо дела воле божьей, мне на некоторое время становилось жаль его, и все.

Думалось, в силу чисто формального отношения к старым обычаям, что в этом святом путешествии, под влиянием окружающей среды, мое сердце, если и не склонится в сторону любви к творцу вселенной, то во всяком случае станет гораздо терпимее к тем, кто ему поклоняется. Увы! Всякий раз мне необходимы чрезвычайные усилия, чтобы сдержать возмущение.

И сейчас, минуту назад, я вслух согласился со словами моего нового приятеля, а про себя подумал иное. Гм, неужели святая поездка воспитает во мне двоедушные? Однако ничего не поделаешь, не могу же я открыто высказать свои взгляды мулле Исфафилу и лишиться единственного собеседника в дни скитаний!

После полуденной молитвы стало ясно, что самолета не будет и сегодня.

Кори-ака, удрученный этим известием, уехал в посольство. Теперь можно часок-другой погулять, правда, не отходя далеко от отеля. Исфафил, совершив намаз, зашел за мной, и мы отправились в зоосад.

Я видел в наших зоопарках разных зверей, но здесь ни на минуту не мог забыть, что эти носороги, гигантские крокодилы, жирафы и разноцветные птицы заточены в клетки у себя на родине. Покиньте Хартум, пройдите несколько километров на юг или на запад и вы увидите в здешних реках и озерах, песках и джунглях всех этих зверей на воле. Конечно, если у вас есть такое желание, ведь не каждый мечтает встретиться лицом к лицу с носорогом или крокодилом.

Надо сказать, что чистота в зоопарке поразила нас. Еще при первой встрече наш посол говорил, что в Судане все ходят в белом; заметив у кого-нибудь на одежде пятнышко, знайте, это не суданец, а приезжий.

Ни в отеле, ни на улицах, ни в зоологическом саду я не видел ни одной мухи. Даже на базаре! Не стоит и объяснять, как это ласкало сердце слуги медицины.

После ухода фотокорреспондента, когда мы сидели в кресле, в тени навеса, к нам вышел администратор отеля и принялся расспрашивать, нравится ли нам здесь, хорошо ли мы устроились. Кори-ака ответил, что мы весьма довольны, и прибавил, что нас, а особенно доктора, радует отсутствие мух.

— Что вы, что вы! — с жаром возразил администратор. — У нас еще очень много мух! В большом обеденном зале появилась сегодня одна муха. Четверо официантов целый час гонялись за ней...

Мы отправились с Исфафилом на поиски книжного магазина, мне нужна была тетрадь или блокнот. Общую

тетрадь, подарок владельца ларька канцелярских принадлежностей, мне пришлось отдать нашему казначею хаджи Абдухалилу-ака. Увидев у меня тетрадь, он принялся так расхваливать ее, что мне не оставалось ничего иного, как распрощаться с ней.

Книжный магазин был безлюден, как дальний уголок музея. Кроме одного застекленного прилавка со школьными принадлежностями и дорогими авторучками, весь магазин был заполнен комиксами и аналогичной литерату-

рой, которую в нашей стране называют бульварной. Судя по обложкам, в этих книжках вряд ли найдешь что-либо, кроме убийств, кровавого соперничества за наследство или любовницу, ограблений и тому подобных «актуальнейших» проблем современности.

С полчаса мы рассматривали витрины магазина и за все это время не увидели ни одного покупателя. В душе я был восхищен упорством книгоиздателей. Прекрасно зная, какой спрос имеет их дурманящая продукция в далекой африканской стране, они, тем не менее, с настырностью, достойной лучшего применения, старались распространить издаваемую ими макулатуру.

Исрафил боялся опоздать к вечерней молитве, и мы чуть не бегом бросились домой.

Наши спутники тоже провели два часа в прогулке по городу. На средней палубе второго парохода, ставшей традиционным местом встреч, мулла Абдуразик-

джан-ака демонстрировал свою покупку. Он приобрел белые американские трусы.

— Что вам понравилось в них? — не утерпел я.

— Э, дохтур-джан, чудак вы человек, поглядите хорошенько, обратите внимание на поясок...

Резинка на поясе была не одинарная, как мы привыкли, а в несколько рядов, и складки сделаны красивее, но покупать и везти на родину трусы только из-за резинок и красивых складок? Для этого, мне кажется, нужно иметь особое пристрастие к заграничному.

Ничего не поделаешь, все-таки наш спутник сделал покупку и этикет требовал, чтобы мы поздравили его.

— Поздравляем с покупкой трусов.

Проведав муллу Наримана, я отправился к себе. Но сидеть в каюте до десяти-одиннадцати часов вечера, пока не спадет жара, было нестерпимо.

Нет даже книги, чтобы почитать. Да к тому же человеку, отправившемуся в хаджж, запрещено читать что-либо, кроме книг религиозного содержания.

Нельзя также петь.

Нельзя смеяться, нельзя улыбаться.

Может быть, слушать радио не воспрещено? На корме находится парикмахерская нашей гостиницы. Брать добрей там же и живет. Пойду к нему. У него есть маленький транзисторный приемник. Он человек приветливый и, как все его коллеги, склонен к болтовне. Его гортанный голос не умолкает ни на минуту. Но ваш покорный слуга, не понимая языка, не мог быть лекарством от его болезни.

Сколько ни крутил я верньеры радиоприемника, ничего не услышал, кроме сур Корана и последних известий, которые дикторы почему-то читали каким-то воинственным тоном. Видимо, приемничек был маломощный и ловил только ближайшие радиостанции. Хотя

бы услышать какую-нибудь арабскую песенку из тех, что стали певаться в последние годы и в моем краю благодаря фестивалю молодежи в Москве Батыром Закировым, Рашидом Бейбутовым и Лайло Шариповой.

В эти минуты я позавидовал Тауфику, у которого наверняка есть мощный радиоприемник. Захочет — слушает Баку, захочет — Москву.

Мулла Урок-ака не соврал, сказав, что если я отправлюсь в небеса, он стащит меня за ноги, укроюсь в землю — вытянет за уши. После того как он отыскал меня в цирюльне, я ничуть не сомневаюсь в том, что он не бросает слова на ветер.

Мы пошли в мою каюту, и я дал ему пачку сигарет.

— Нет, нет, дохтур-джан, куда мне столько! Я ведь только так, балуюсь, — отнекивался он. — Ну, ладно, будь по-вашему, сладкий братец. Возьму всю пачку, чтобы не беспокоить вас ночью.

— Мое беспокойство не имеет значения, лишь бы вы не беспокоились.

— Ха, опять подсмеиваетесь! Воистину врачи шутливый народ, — и воздев руки, он обратился к богу: — О Аллах, пусть этот человек в обоих мирах не увидит ни одного черного дня! Пусть на древе его жизни не сломается ни одна ветка! Аминь!

Спокойный за свою судьбу в обоих мирах, я отправился на боковую.

НЕВОЛЬНОЕ ЗАТОЧЕНИЕ ВО СЛАВУ АЛЛАХА

Надежда, что на следующее утро наконец будет самолет и, проснувшись, мы услышим эту добрую весть, оказалась тщетной.

Позавтракав в ресторане, мы снова расселись в плетеных креслах под навесом возле отеля, раз в десять-пятнадцать минут обмениваясь односложными предложениями. Остальные постояльцы разошлись по своим делам.

Может быть, духовенство привыкло к такому образу жизни, но на долю вашего покорного слуги столь мучительное времяпрепровождение выпало впервые. Черт побери, если у вас есть враг и вы хотите проучить его, создайте ему условия для сна, кормите до отвала, но лишите возможности заниматься своим делом. По-моему, более страшную муку трудно придумать.

Но что это происходит? Мои спутники тащат из вестибюля пачки газет. Вот оно что! В сегодняшнем номере напечатана наша фотография. К сожалению, снимок очень расплывчатый, лиц не разобрать, можно только догадываться, кто тут кто.

Но грех роптать. И на том спасибо. В Судане полиграфия только зарождается. Цинкография и печать делают первые шаги. Поэтому нечего удивляться.

Я тоже купил газету на память.

Исрафил ушел к себе в каюту. Он совсем поправился. Кроме муллы Наримана, все здоровы и бодры, как молодые бычки.

Чем бы заняться?

Когда же будет самолет?..

Прошедший день оставляет обычно грустный осадок в сердце человека. Проходит минута за минутой, час за часом, день за днем. Хоть кричи, а проходит, хоть вой, проходит. Разум не может смириться с этим неумолимым, безвозвратным бегом времени. Или я преувеличиваю? Или это кажется только нам, врачам, имеющим дело с больными и со смертью? Правду говорят, что течение времени заметно, когда у тебя хорошее настро-

ение. Пока что для меня время будто остановилось. Будто не часы состоят из минут, а каждая минута из долгих утомительных часов.

На нижней палубе несколько служителей отеля, сидя на циновке, играют в карты. Поздоровавшись, я задержался возле них. Игра мне была неведома, и я ничего не понял. Один из игроков принес кальян с длинной трубкой, раскурил, сделал несколько затяжек, вытер подолом рубахи мундштук и с поклоном протянул мне. Чтобы не обидеть человека, я затянулся. Едкий дым дешевого табака обжег горло. С глазами, полными слез, я вернул кальян.

С нижней палубы на среднюю ведет узкая лестница с медными поручнями. Только я хотел ступить на первую ступеньку, как кто-то окликнул меня.

— Минуточку, дохтур.

Наверху стоял мулла Абдуразикджан-ака с набитым ртом. Он что-то жевал. Щеки у него раздулись, словно он сунул в рот целый огурец. Рот у него постоянно набит чем-нибудь. Если он ничего не жует, то сосет леденцы. Я ждал, пока он прожует. В руке у него была гроздь бананов, он очищал один из плодов.

— Что скажете?

— Пусть Аллах поможет вашим делам. Принесите, пожалуйста, ключ от моей каюты. Он у Алланазар-кори.

— А где Алланазар-кори?

— Сидит через дорогу под навесом.

До моего сознания никак не доходит, почему Абдуразикджан-ака поручает мне заботы о своем ключе.

Поднявшись по лестнице, я остановился перед ним. Его черные усы и борода были в банановой пылице. Глаза чревоугодника поблескивали от наслаждения.

— Ведь вы только что оттуда пришли?!

— Забыл.

Что-то екнуло у меня в груди. Когда выказываешь уважение некоторым людям, они считают, что можно зануздать тебя, словно ишака, оседлать и сесть на шею. Будь он хотя бы старше меня по годам, или нездоров, или занят срочным делом, тогда его бесцеремонность имела бы хоть какое-то основание.

Он заметил, как я насмешливо гляжу на него, на его бороду и усы, на влажные от сладкого сока губы, и заерзал. Сунул бананы в свой необъятный карман, торопливо утерся и пробормотал:

— Если вам не в тягость, конечно, дохтур-джан...

Меня рассмешила его растерянность. Мне был смешон и я сам, оттого что минуту назад чуть было не вспылил. Он этого не стоил.

— Вы уже надели новые трусы? — спросил я с улыбкой.

— Да. А почему бы и нет?

— Пожалуйста, носите себе на здоровье.

Я прошел мимо него в каюту. Оглянувшись, увидел, что он стоит с разинутым ртом, удивленно взирая мне вслед.

В присутствии Кори-ака все они ведут себя ангелами: ходят скромно, опустив голову, вежливо слушают друг друга, пропускают вперед старших по возрасту и чину. А стоит нашему главе отвернуться, как за обеденным столом начинается перепалка.

Я сидел в каюте, обуреваемый невеселыми думами, когда раздалась весть:

— Облачитесь в ихрамы, нас ждет самолет!

Все бросились собирать вещи и совершать омовение перед облачением.

Только с помощью Исфафила мне удалось надеть ихрам. Подол получался у меня то слишком узким и мешал ходьбе, то чрезмерно широким и обнажал лодыжки, что запрещается шариатом.

Наконец, взяв свои чемоданы, я выбрался на улицу. При виде облаченных в ихрамы паломников прохожие громко благославляли нас. Как только мы сели в автобус, хаджи Абдухалил-ака крикнул:

— Лаббайка, Аллахумма, лаббайк! Ла шарика лака, лаббайк!

Уже в течение получаса все вполголоса повторяли эти слова, а теперь стали кричать:

— Инна-ль-хамда ва-н-ни'мата ва-ль-мульк! — что было сил вопил хаджи Абдухалил-ака с такой искренностью, словно от этого зависело наше дальнейшее путешествие, будущее самого хаджи и всех нас.

— Ла шарика лака! — хором подхватывали пассажиры автобуса, и от воплей дребезжали стекла и крыша машины.

Площадь перед аэровокзалом была забита людьми с непокрытыми головами, в ихрамах. Полицейские и служащие аэропорта с трудом прокладывали себе дорогу среди толпы паломников.

Мы вышли из автобуса на жгучее солнце, от которого, казалось, закипали мозги. Когда мы наконец пробились в большой зал, примерно триста женщин-суданок, находящихся там, приветствовали нас. Они издавали пронзительные возгласы, шлепая по раскрытому рту ладонями. По залу разносился прерывистый, нагоняющий страх звук, похожий, очевидно, на тревожный сигнал первобытных племен.

Это было настолько неожиданно для меня, что я остолбенел от удивления.

Чемоданы погрузили на тележку и покатали на взлетную площадку. Прошло полчаса, час. Посадку не объявляли.

Через два часа нам сообщили, что сегодня мы не улетим.

Самолет Саудовской Аравии, который должен был взять нас на борт, улетел в святую Джидду с другими пассажирами. Из разговора окружающих я понял, что мы остались с носом из-за чьих-то махинаций.

В подавленном настроении сели мы в автобус и вернулись в свои апартаменты. Началось наше невольное заточение.

Как я узнал, снимать ихрам после облачения категорически запрещено. Тот, кто по чрезвычайной необходимости нарушит это правило, обязан накануне Курбан-байрама принести в жертву одного барана.

Пришлось снять ихрам нашему казначею. По обязанности он должен был договариваться с администрацией гостиницы и аэропорта и проделывать кучу всяких других дел. Нарушив облачение, хаджи Абдухалил-ака во всеуслышание заявил, что, иншалла, во искупление греха он зарежет жирного барана.

Обед нам принесли на пароход. Расстелили на деревянной палубе скатерть, вокруг положили тюфяки, и мы уселись, поджав под себя ноги. В нашем юбкообразном одеянии и сидеть иначе было невозможно.

После обеда началась ученая беседа. Старшие рассказывали молодым о правилах фарза¹ и сунната²,

¹ Буквально, обязательное; норма поведения, предписанная исламом (араб.).

² Традиция; предания о поступках и изречениях Мухаммада. Сунна — одна из основ ортодоксального ислама (араб.).

знание которых необходимо во время хаджжа. Облаченный в ихрам не должен никого обижать, не должен задирать нос. Даже убить муху или блоху, сорвать листок с дерева или травинку категорически запрещается. Следует осторожно садиться, вставать, ложиться, и спать так, чтобы тело от пупка до колен было всегда закрыто. И это предписание хаджи должен строго соблюдать. (Признаюсь, что после облачения, несмотря на предосторожности и старания, мне долго не удавалось освоить искусство ношения юбки).

Я спросил Исфафила:

— Ты знаешь, кто ввел в обычай ихрам?

— Его святейшество хазрат, пророк наш, посланец неба и единственный истинный попечитель грешных рабов божьих, — ответил он.

Бедняга священнослужитель не знает такую нехитрую историю! Облачение в ихрам вошло в обычай еще за тысячу лет до поледнего пророка. Еще в те времена, когда земля и пастбища Аравийского полуострова находились в общественном владении, то есть принадлежали племенам и родам, каждый, кто приходил из другого племени, должен был надевать специальное одеяние, попросту говоря ихрам, и тем самым показать, что хотя он и чужак, но подчиняется богу того племени, к которому пришел. Да, ихрам является исключительно одеянием гостей и был необходим лишь для того, чтобы выделить пришельцев, не имевших права на чужой земле ни охотиться, ни ломать или рубить деревья, ни входить без спроса в чужое жилище и т. д. и т. п.

Впрочем, стоит ли упрекать Исфафила в неведении? Давно известно, что меньше всех знают историю религии и религиозных обрядов именно представители духовенства, которые боятся научных книг, как порох боится огня.

Мне неудобно высказывать мулле Исфафилу противную его взглядам точку зрения. Обидится. Обижать никого нельзя. Да и денег у меня не так густо, чтобы за каждое слово правды расплачиваться целым ба-раном.

Тяжко не иметь собеседника и товарища, с которым можно было бы поделиться невзгодами. Но в мире мало неразрешимых проблем. Позавчера, после того как Алланазар-кори запретил мне петь, я вызвал на беседу своего товарища Искандара. Да, да, хоть и заочно, а поговорил с ним.

— Иди сюда, дорогой мой, — сказал я Искандару.

— Что тебе? — послышался сперва его голос, а когда я закрыл глаза, он и сам появился передо мной.

— Мне не разрешают петь. Как быть?

— Терпи. Люди сорок девять дней терпели голод и жажду в открытом океане.

— Что ты плетешь?

— Не плету, а говорю. Неужели забыл? Проблема пения по сравнению с этим чепуха. Если неумоги, пой про себя.

— Не говори глупостей, разве можно петь про себя! Правду говорят, сытый голодного не разумеет. Сам толкнул меня в эту передрагу и радуешься, как ни в чем не бывало.

— Какую передрагу?

— Я говорю об этой поездке. Если бы ты не потащил меня тогда в Министерство здравоохранения, ничего бы не было...

— Перестань ныть! Пока что над твоей головой не занесен топор.

— Да, легко тебе говорить. Сам, наверное, засучив штаны, бродишь сейчас с удочкой по берегу речки...

Вечером мы узнали, что Кори-ака от имени нас всех отправил королю Аравии его величеству Ибн-Сауду телеграмму. Кори-ака сообщал, что группа мусульман из Советского Союза, облаченных в ихрамы и жаждущих посетить священную родину пророка, тщетно ожидают самолет. «Ваше августейшее величество, протяните нам руку помощи...»

Незадолго до заката я вышел на палубу и сфотографировал диск солнца, сам не зная, зачем я это сделал.

Иногда сперва что-то делаешь, а лишь затем думаешь.

В этих краях темнеет быстро.

В моей стране до восхода и после захода солнца минимум час бывает светло. Очень соскучился по Душанбе. Все время перед глазами чистенький садик мединститута, медгородок, утопающий в зелени. Отчетливо, до мельчайших изгибов вижу шаловливую, стремительную Душанбинку...

Вокруг стоит неумолчный гул. На нижней палубе работают несколько моторов, перекачивая в «Гранд-отель» воду из Нила. Тысячи цикад стрекочут в береговых зарослях. В каждой каюте гудят по два вентилятора, выгоняя духоту, втягивая внутрь свежий воздух. Но, увы, воздух извне ничуть не прохладнее. Дышишь, а кажется, будто глотаешь теплую и тяжелую, словно ртуть, похлебку.

Что будет с нами в Аравии? Если эти рассказы хаджи Абдухалила-ака правда, значит в горячих песках Аравийской пустыни нам предстоит пройти адский экзамен.

...Настал второй день вынужденного заточения. Все в добром здравии. Только на лбу старейшего из наших спутников кори Мушаррафа выскочил чирый. Почему-

то я не захватил с собой синтомициновую эмульсию. Если взять хоть понемножку всех лекарств, набрался бы целый вагон. Сам составил мазь, помазал чирый и залепил пластырем.

Но и моя собственная персона столкнулась с двумя сложными проблемами, которые с утра не дают мне покоя. Одна из них проблема зубного порошка. Облаченному в ихрам запрещено подрезать ногти, бриться и стричься, пользоваться мылом. А вот относительно зубного порошка или пасты основатели шариата не оставили никаких указаний. Да и в священных книгах не упоминается об этом. Спросил Исафила.

Исафил укоризненно покачал головой, наконец вымолвил:

— Нехорошо, друг мой. Не надо так делать.

— Что плохо? Чего не надо делать? — удивился я.

— Ты без должного уважения относишься к нашему святому паломничеству.

Исафил почему-то не в духе. После той ночи, когда он заболел, он заметно изменился.

Используя все свое красноречие, я дал ему понять серьезность моего вопроса. Наконец вице-глава смягчился и сказал, чтобы я спрятал зубной порошок в чемодан.

Я ругал себя за то, что обратился к нему. Мог бы и сам найти ответ, исходя из правил хаджжа. Раз нельзя пользоваться мылом, стричь ногти, бриться, то кому нужна чистота зубов и рта? Чем больше на тебе грязи, тем яснее всевидящему оку Аллаха, что ты весь погружен в мысли о господе боге и о его истинном и любимом посланнике.

Но если говорить о справедливости, моя вина не так уж велика. Просто я решил выяснить этот вопрос, и все.

Хазрат Ахмад иб-Ханбал¹, например, перед тем как приняться за арбуз, долго листал книги преданий о пророке и выспрашивал знатоков шариата, желая узнать, ел ли арбузы святой Мухаммад, защитник ислама, посланник господа и попечитель грешных рабов божьих.

Поскольку он не смог нигде найти и малейшего намека на интересующий вопрос (тогда еще не появились на свет такие священные книги преданий, как «Кисас-уль-анбио»² и «Кобуснома»³), то так и отправился на тот свет, ни разу не отведав арбуза. Вот каким педантом был покойный хазрат Ахмад ибн-Ханбал. Ваш же покорный слуга хотел узнать всего только о зубном порошке.

Разве это грех?

Коль скоро первый мой вопрос обидел Исафила, я решил, пусть второй сгниет невысказанным. Скажу только, что он касался убийства комара. На рассвете один из комаров, которых на берегу Нила оказалось предостаточно, укусил меня в лоб. Спросонок я нечаянно придавил его. Вот мне и хотелось выяснить, считается ли грехом убийство комара и не следует ли во искупление этого прегрешения принести в жертву барана. Или полусонное состояние облегчает мое преступление против веры?

Ладно, пусть этот вопрос навеки останется нерешенным.

Завтракали на палубе, тихо переговариваясь между собой. Старики клевали носом. Исафил сидел поодаль. Видимо, он сторонится меня. Неужели вопрос о прокля-

¹ Основатель одного из правовых толков ислама (780—855 гг. н. эры).

² Рассказы о пророках.

³ Книга религиозных рассказов.

том порошке так обидел его? Может быть, есть другая причина?

Через каждые пять-шесть минут Алланазар-кори громко восклицал «Аль-хамдулилла!» и тем самым будил стариков. Однако никто не делал ему замечаний, потому что славить Аллаха — благое дело, хотя и для этого следовало найти более подходящий момент и обладать чувством меры.

Нам остается только наслаждаться видом Нила и глазеть на редких прохожих, появляющихся на набережной.

Пароход, пришвартовавшийся вчера к берегу метрах в двухстах от нас ниже по течению, как выяснилось, принадлежит «Обществу пловцов республики Судан». Около полудня от его борта отделилась моторная лодка, вырулила на середину реки и помчалась по водной глади, буксируя за собой на водных лыжах хорошо сложенную девушку-суданку в купальном костюме.

Меня спросили, что это за штучки.

Пришлось прочесть небольшую лекцию об этом виде спорта.

Привстав с мест, мои паломники молча глазели на девушку. Никто не вымолвил ни слова. На реке занималась спортом почти обнаженная мусульманка. А ведь здесь мусульманская страна...

Очевидно, каждый из моих спутников думал в эту минуту о том, что мы живем в XX веке.

Да, могучая штука течение времени. Оно может источить в прах стальной меч и в конце концов сделать его бессильным перед ниточкой или превратить в сырье для изготовления ишачьей подковы.

Уборщик гостиницы привел ко мне своего товарища и попросил осмотреть. Позавчера я осматривал самого уборщика. У него неполадки с почками. Это было ясно

по опухшим ногам и по мешкам под глазами. В моем распоряжении здесь нет ни лаборатории, ни необходимых инструментов. Словом, никаких возможностей для тщательного анализа. Я вынужден был поставить диагноз, опираясь на поверхностный осмотр, на рассказ больного, и дал ему кое-какие лекарства из своих запасов. Выписывать рецепты бесполезно. Жалованья, которое он получает, недостаточно для приобретения лекарств. Я посоветовал ему перейти на бессолевую диету. Его товарищ, кроме того, что он плохо питался, беспрестанно курил кальян.

Ему я тоже дал лекарства и велел, если он хочет остаться в живых, забыть о чилиме. Целый час они изъявляли мне свою благодарность. Абдусамад-ака даже устал от перевода благодарственных слов и покинул нас. Но они не уходили из каюты, продолжая кланяться и прижимать руки к груди.

Я меряю шагами палубы обоих пароходов. Спускаюсь вниз, подолгу смотрю на воды Нила. Поднимаюсь вверх, издали разглядываю прохожих на улице. Сегодня их храм сидит на мне лучше. Все потому, что от

нечего делать я несколько раз надевал и снимал его перед зеркалом. Вчера, гуляя, я все время должен был одной рукой придерживать подол. Теперь обхожусь без этого. Разве существует что-нибудь на этом свете, чему бы не мог научиться человек?

На родине канун праздника. Завтра Первое мая. Обычно вместе с женой и детьми я отправлялся гулять по вечернему городу. В предпраздничные вечера наши города становятся похожими на сказку. Люди, здания, скверы и улицы, даже автобусы и троллейбусы раскрашены, словно женихи и невесты.

В нашей группе о Первом мае никто не заикается. Для паломников праздник наступает позже — третьего мая — в канун Курбан-байрама, в канун того дня, когда хазрат Ибрагим хотел зарезать своего сына хазрата Исмаила, дабы угодить господу богу. Но творец послал архангела Джабраила с поручением удержать меч хазрата Ибрагима, занесенный над сыном. «Нам стала

известна верность Ибрагима, — сказал всевышний, — но для того, чтобы его рвение не пропало втуне и чтобы не обидеть его, отнести ему этого барана, пусть он зарежет его вместо сына. Мы будем довольны и ублажены».

С того дня, как я услышал это предание, я питаю особую любовь к хазрату Джабраилу. Путь между небесным тронem и грешной землей, который люди проходят за пятьсот тысяч лет, да и сам хазрат Джабраил преодолевал иногда за довольно долгий срок, в тот день он проделал в мгновение ока и, поспев в самый раз, ударил крылом по мечу хазрата Ибрагима, сделав его тупым и негодным. Страшно подумать, что произошло бы, прояви архангел Джабраил медлительность и не поспей

вовремя! Каждый год в день Курбан-байрама вошло бы в обычай резать сыновей, ибо мы, мусульмане, не имеем права не повторять того, что делал наш пророк. Тогда невесты остались бы без женихов, женихи без братьев, отцы без сыновей. Наверное, и на мою долю не выпала бы честь сопровождать группу паломников в эту святую землю, потому что либо меня принес бы в жертву всемогущественнейшему Аллаху мой отец, либо же отцы моих спутников прирезали своих сыновей.

Вот почему всякий раз, когда во мне закипает му-

сульманская кровь, я совершаю молитву, переадресуя на текущий счет архангела Джабраила все слова благодарности, которые обычно посвящают Аллаху.

МАШАЛЛА! ¹ МАШАЛЛА! ЕЩЕ РАЗ МАШАЛЛА!

Мы в святой Джидде!

Теперь, наверное, понятно, почему мы так неистово возносим благодарение Аллаху. Мы на родине последнего пророка всех времен Мухаммада, любимца Аллаха, посланника господ, единственного и всемилостивейшего попечителя грешных рабов божьих.

Сегодня утром нам дали самолет и до самого хартумского аэропорта мы выли и кричали, как и позавчера, только еще громче. Через три часа мы уже были в Порт-Судане, а оттуда за час пересекли Красное море и добрались сюда. То, что нам наконец предоставили самолет, наши старики приписывали чудодейственной силе телеграммы, которую Кори-ака отправил его величеству королю Ибн-Сауду. Но насколько я понял, и наше посольство не сидело сложа руки. Через посольство Аравии в Хартуме оно связалось с правительством его величества. Разве не было бы, мягко говоря, неприлично не дать возможности совершить паломничество семнадцати мусульманам, прибывшим из такой дали, только из-за задержки самолета!

Как бы то ни было, мы в Аравии.

Сходя на землю, я хотел отметить это событие сигаретой, но тут же несколько голосов предупредили меня:

— В ихраме не курят!

¹ То, что бог пожелал.

Ладно, нельзя, так нельзя. Я не глупец и помню, что уже двенадцать веков в мире ислама после слов «нельзя» или «воспрещается» не спрашивают «почему» и «отчего».

С раскаленной посадочной площадки нас повели в помещение таможни. Когда мы шагали по узким дощатым коридорчикам, стоявшие по обе стороны работники таможни и полицейские сверлили нас взглядами, словно желая пронзить насквозь. Зал таможни напоминал наши крытые рынки, с той только разницей, что на прилавках вместо товаров и весов с гирями громоздились чемоданы, мешки, корзины, в которых рылись сердитые таможенники.

Одновременно с нами, но через другую дверь, вошел высокий, статный старик. Голова его была повязана белым платком. Поверх длинной белой рубахи на нем был такой же белый легкий халат. Старшие наши спутники тепло поздоровались со стариком, оказавшимся Абдуллой Бухарским, одним из столпов почтенной Джидды.

Он свободно, как в собственном доме, расхаживал здесь и вел себя повелительно. Громким, звенящим го-

лосом подзывал своих помощников и рассыльных, отправляя их за такси и за нужными ему людьми. Затем, отойдя с Кори-ака в сторону, он с минуту шептался с ним. Взяв у нашего казначея деньги, старик вышел из зала вместе с одним из таможенников, пузатым и смуглым арабом.

Когда они вернулись, началась проверка нашего багажа. Толстобрюхий араб, даже не дотрагиваясь до чемоданов, знаком приказывал снять их с прилавка, но при проверке вещей вашего покорного слуги снова проявил придирчивость.

Достав из моего чемодана те самые злосчастные фотопленки, таможенник даже понюхал их. Перевернувшись медикаменты, он спросил, не везу ли я с собой опиум. Я ответил, что опиум в небольшом количестве у меня имеется, но не для такого употребления, которое он имеет в виду, а для инъекций в необходимых случаях. Я показал ему стеклянные ампулы, и толстяк удовлетворился.

Наконец проверка закончилась. Мы вышли во двор. Здание аэропорта четырехэтажное. Нижний этаж отведен под временные агентства воздушного флота Ирана, Афганистана, Ирака, Турции и других стран¹. Над каждым агентством национальный флаг. По другую сторону двора расположены галантерейные лавки, магазины одежды и тканей. Поодаль — ресторан и различные административные службы аэропорта.

Сев на пустой ящик, Абдулла Бухарский вынул из кармана авторучку и тетрадь и принялся что-то подсчитывать. Каждому из нас полагалось уплатить таможенно по пятьдесят долларов. Сюда входила плата за каран-

¹ Агентства эти работают только в дни наплыва паломников.

тин, за эксплуатацию дорог и пошлина, взимаемая с каждого паломника и поступающая в бюджет родины пророка, наполовину пополняемый этими поборами.

Старик составил список, разделив нас на две группы: мусульмане южных республик были названы ташкентцами, приехавшие с севера и из Азербайджана получили название казанцев. Я стал ташкентцем, Исрафил — казанцем.

Абдулла Бухарский одновременно писал и говорил, а я не мог оторвать глаз от его рук. Даже из-под марли, которой они были повязаны, проступал гной с кровью. Он явно запустил чесотку.

Кори-ака перехватил мой взгляд и знаком велел оказать старику медицинскую помощь. Что ему прописать? Излечение чесотки продолжается месяцами, иногда даже годами. Я выписал бедняге мазь Вилькинсона. К счастью профессиональный язык врачей и аптекарей одинаков во всех странах.

Три красные такси американских марок выстроились во дворе. Не успел я подумать, не для нас ли они вызваны, как мои спутники бойко начали грузиться. Каждое такси берет семь пассажиров. Один сидит рядом с водителем, трое на среднем сидении и трое на заднем, спиной к движению.

Исрафил не сел в одну машину со мной. Все еще сторонится меня. Вот ведь каким путаным лабиринтом оказывается душа человека... Ладно, не помрем. В один прекрасный день узнаем, что все это значит.

Шофер нашего такси, молодой араб в накиннутом на голову белом шелковом платке, стянутом черным расшитым золотыми нитками ремешком, бродил вокруг автомобиля в ожидании приказа трогаться, время от времени свысока поглядывая в нашу сторону. Он напомнил мне мясников старого времени, которые, купив на

базаре целое стадо овец и отведа их затем в сторонку, с удовлетворением и гордостью обхаживали вокруг свое богатство.

Странное отношение к гостям. Насмешливой улыбкой я дал ему понять, что я о нем думаю. Кажется, он понял и, подойдя к машине важной, словно у гуся, походкой, открыл заднюю, наполовину застекленную дверцу, и сказал:

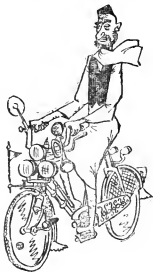
— Внимание.

Он нажал какую-то кнопку. Стекло опустилось. Нажал другую, стекло поднялось вверх. Парень надменно подмигнул мне, словно говоря: «Видал, как у нас!» Его глаза лучились гордостью. Подумаешь, фыркнул я про себя, нашел чем гордиться! Машина-то из чужой страны! У нас тоже есть кнопки, да такие, что и не снились твоим дядям.

— Сайяра¹ Америка? — спросил я.

Он утвердительно кивнул.

— В советской стране миллион миллионов машин, — продолжал я и показал рукой в сторону, откуда восходит солнце, — в стране суфиитий — миллион миллионов сайяра, тайяра² и все сайяра, все тайяра там суфиитий.

¹ Сайяра — автомобиль (араб.).

² Тайяра — самолет (араб.).

Он сделал вид, что не понял и, пожав плечами, удалился.

Абдусамад-ака и чиновник араб приблизились к нашей машине. Чиновник что-то сказал. Переводчик перевел на узбекский: «Он говорит, что если среди вас есть коммунисты, пусть выйдут. Их по-хорошему вернут на родину».

Наступило тягостное молчание.

Ничего себе вопросик! Что общего между коммунизмом и этими кори и имамами? Может быть, они имеют в виду меня?

Я слыхивал, что в вопросе отношения к миру социализма Саудовская Аравия старается не отстать от Соединенных Штатов. Хотя здесь нет филиала Федерального бюро по расследованию антиамериканской деятельности, зато есть молодчики, которые заткнут за пояс любого специалиста из этого бюро. Похоже, что слухи смахивают на правду.

Я обратился к переводчику:

— Абдусамад-ака, дайте достойную отповедь этому господину, да поддержит вас Аллах!

— Оставьте, доктор, не нужно обращать внимания на всякую всячину. Просто у них существует такая формальность.

Затем переводчик что-то сказал чиновнику, и они отошли к другой машине.

Черт возьми, как хочется курить! Мне приходилось иногда долгое время воздерживаться от курения, но я терпел. Правда, обстановка была иная. А попробуй-ка сохранить спокойствие, если вас каждую минуту нервнируют дурацкими вопросами.

Наконец Абдулла Бухарский, воздев руки, прочел молитву, паломники подхватили «аминь» и мы поехали.

ИЗ СЕРЕДИНЫ ВЕКА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Я и не предполагал, что в наше время достаточно нескольких часов, чтобы из середины XX столетия перекочевать в средневековье.

Американская машина везет нас извилистыми переулками святой Джидды. Я только в сказках слышал о таких узких улочках. Иногда мы натыкались на маленькую арбу, которую не спеша тащил невозмутимый осел, и тогда наш автомобиль вынужден был долго плестись за ней. Иногда, еще издали заведя пробку из арб и машин, мы подавали назад и нам приходилось задним ходом перебираться на более свободную дорогу.

На одной из улиц мы остановились возле богатого дома. Шофер исчез в воротах и через несколько минут появился с женщиной в черной чадре. Она села в машину рядом с шофером.

Долгое время проплутав по дьявольским закоулкам, мы наконец выехали на асфальтированную дорогу. Местным властям, очевидно, наплевать на санитарное состояние города. Улицы захламлены, перед воротами, калитками, возле торговых лотков навалены кучи мусора, вонь от перегнивших фруктов и овощей перехватывает горло, словно едкий дым. Тучи мух летают над головой.

Дорога из аэропорта соединилась с дорогой из морского порта Джидды, и движение на шоссе усилилось.

Я в жизни не видел таких диковинных машин. Битком набитые грузовики от радиатора и до стопсигнала так декорированы восточными орнаментами и кусками раскрашенной жести, что похожи, бедняги, на тысячецветного цейлонского попугая.

Видимо, от обилия пассажиров и недостатка транспорта все машины нагружены сверх нормы раза в три-

четыре. Даже на крышах кабин сидело по несколько человек, свешивая ноги на ветровое стекло.

Путь в благословенную Мекку проходит через каменистое плоскогорье, на котором встречаются невысокие холмы.

По обочинам дороги торчат большие щиты с рекламными объявлениями, по-арабски восхваляющими отменный вкус кока-колы, пепси-колы и других американских напитков. Через каждые несколько километров путь нам преграждал шлагбаум, и водитель за-

хватив наши паспорта, врученные ему в аэропорту, спешил в полицейскую будку. Если полицейский был ему знаком, то наши документы регистрировались вне очереди и мы продолжали путь.

Вскоре возникал новый шлагбаум и наш автомобиль занимал очередь в длинном хвосте машин. Во время одной из вынужденных остановок я увидел людей в ихрамах, которые курили, сидя в машинах, или прохаживались по обочине шоссе. Почему же меня лишают последнего удовольствия? Значит, все дело в том, что наши благочестивые праведники хотят перещеголять всех в соблюдении канонов шариата?

Алланазар-кори, заметив, что я курю, направил на меня долгий и пристальный взгляд. От чувства братства и доброжелательности, которое должно воспитывать в каждом паломнике святое путешествие, во взгляде муллы не было и следа. Я показал ему на курящих иностранцев в ихрамах, и Алланазар вынужден был остаться ни с чем.

О боже, вот не ожидал, что в этом паломничестве ты окружишь меня столь мудрыми и строгими наставниками, добровольно взявшими на себя нелегкую задачу воспитания твоего покорного раба. Воистину беспредельна милость твоя! Дернуло же меня дать согласие на эту поездку! На родине сейчас праздник. Демонстрация уже закончилась. Погрузив знамена и транспаранты на машины, люди, весело, переговариваясь, расходятся по домам или идут в гости. Мои друзья после демонстрации обычно уезжают со своими семьями за город, выбирают какое-нибудь красивое местечко в Варзобском ущелье или на берегу Кафирнигана, расстилают там паласы и веселятся до позднего вечера. Искандар говорил, что в конце апреля поедет в Душанбе и праздник проведет вместе со своей семьей. Если так,

то сейчас он непременно стоит с бокалом в руке: «Ребята, давайте выпьем за...» Поскольку меня там нет, плов, наверно, готовил какой-нибудь растяпа и мясо, конечно, подгорело...

В животе, как говорится, играет тамбур.¹

В чемодане у меня сахар и сушки, но он с остальным багажом на крыше автомобиля. «Хлеб в сундуке, а ключ на небе».

Вдали показались минареты. Мы достигли порога благословенной Мекки, порога, у которого мириады мусульман веками мечтали приложить к своим глазам святую землю.

Но столь редкая честь выпадала на долю лишь немногих богачей или же тех, кто ради достижения этой цели не имел себе равных по упорству.

Увы, лицезреть дом божий, видимо, нелегкая штука.

Благословенная Мекка так забита автомобилями и паломниками, пешими и на ишаках, что кажется, будто какой-то великан собрал всех мусульман мира в подол и высыпал здесь, умышленно создав пробки на улицах.

Никому не ведомо, где тут проезжая часть, а где тротуар для пешеходов. Старики и молодые, мужчины и женщины, пешие и конные, пробивая себе путь грудью, плечами, руками и громкой бранью, стремятся к центру города, туда, где расположены святые места и гостиницы.

Наш автомобиль потерялся в этом шумном океане людей, словно песчинка. Местные полицейские в форме цвета земли, в подражание американским военным с пистолетами на животе, бессильно барахтались в бесконечном людском потоке. Их свистки не слышал никто,

¹ Струнный музыкальный инструмент.

кроме них самих. На перекрестках и площадях, где сходились три-четыре улицы, переполненные автомобили стояли, упершись радиаторами друг в друга, словно дерущиеся бычки, насмерть сцепившиеся рогами. За ними на несколько километров впритирку выстроились машины и, гудя изо всех сил, требовали себе дорогу.

Представьте только разноголосый хор сотен, тысяч автомашин всяких марок! И учтите к тому же, что большинство оборудовано воющими сиренами. Мало им простого сигнала! Бесперывные и душераздирающие вопли клаксонов оглушают и нагоняют ужас. Большой красный грузовик, на крыше которого лепились люди с корзинками и мешками, уткнувшись в зад нашего такси, беспрестанно гудел, выводя целый такт народной таджикской песни «О мой соловей, пой мой соловей!».

От шума и грохота содрогался даже воздух над матерью городов ислама.

Прости, господи, что в то время, как от шума и гвалта вокруг голова готова расколоться на части, мне еще становится смешно. Крики прохожих, вопли водителей, автомобильные гудки и рев ишаков, уличная пыль, дым от жаровен, установленных прямо на улице перед обжорками, запах пота и гниющих отбросов.

Жители Мекки, видимо, привычны к такому столпотворению и, кажется, испытывают от него наслажде-

ние. Мало им сигналов автомобилей, даже свои велосипеды оборудовали автомобильными гудками.

Я достал таблетку пирамеина и проглотил без воды, а уши заткнул ватой.

После долгих ссор и скандалов, после адских усилий многострадальных блюстителей порядка высвобождалось несколько метров дороги. Затем еще с полчаса мы стояли на месте и снова продвигались на несколько шагов вперед.

Но нет ничего сильнее времени. Два километра, отделявших окраину города от центра, были преодолены до вечерней молитвы, и мы встретили остальных наших спутников возле гостиницы «Арафат». Они были не в духе. В гостинице не оказалось свободных мест. В прежние годы паломники из Советского Союза останавливались в доме богатого сеида¹ Сайфи Ишана. Хотя его дом находился недалеко от храма божьего, постояльцы оставались недовольны едой и ночлегом. В этом году руководители нашей группы вознамерились найти более удобное пристанище. Кто-то из здешних знакомых Кори-ака еще несколько месяцев назад прислал в Ташкент в Духовное управление мусульман Средней Азии телеграмму, обещая забронировать для наших пилигримов места в гостинице «Арафат». Но хозяин «Арафата» действовал по пословице: «Кто здесь — тому уважение, кого нет — тому извинение».

Теперь, в этом кипящем людьми котле, нам оставалось только просить Сайфи Ишана о приюте. Перед тем, как мы отправились к нему, ко мне подошел Исрафил.

— Давай держаться вместе, ладно?

Казалось, он собрал воедино все свои душевные си-

¹ Титул мусульманина, претендующего на происхождение от потомков Мухаммада (тадж.).

лы, такое просительное выражение запечатлелось на его лице.

— Пожалуйста. Не понимаю я тебя, Исафил, зачем ты спрашиваешь?

— Не знаю, я хотел сказать что-то другое... Ну, да бог с ним...

Склонив голову набок, наш вице-глава, являя неподобающий его высокой должности вид, виновато смотрел себе под ноги. Бедный Исафил, он напоминал мне оципанную курицу, да к тому же еще упавшую в воду. Что с ним? Неужели до такого состояния довели его городской гомон, шум машин и дорожная усталость?!

Лишь в сумерки добрались мы до дома Сайфи Ишана. Пройдя между двумя рядами узких деревянных кроватей, на которых сидели богомольцы в ихрамах, мы через темный коридор попали в комнату с черными от грязи и копоти стенами и потолком. Вдоль стен тянулась невысокая и узкая глиняная суфа.¹ Хозяева встретили нас, как старых знакомых.

У входа на полу чадил самовар. Поодаль на греющем примусе бурлила в большом чугунном кувшине вода. В углу коридора старой тряпкой был огорожен туалет, служивший и местом для омовений.

Посреди комнаты расстелили дастархон. Поднявшись с суфы, все расселись вокруг. Исафила настойчиво приглашали занять место соответственно его бороде и сану, но он остался рядом со мной.

— Если нам придется жить здесь, то мне жаль всех вас,— шепнул я ему.

— Почему только нас? А ты сам?

— Я вытерплю это зловоние не больше часа, а затем вы останетесь без врача.

¹ Лежанка, место для отдыха (тадж.).

Исрафил прикрыл рот рукой, скрывая смех.

Принесли по пиалке простокваши и по полчашки супа с лапшой. После еды прочитали молитвы и вышли во двор. Там встретили худого мужчину с черным лоснящимся лицом, в черном сеидовском одеянии с записной книжечной в руках. Он объявил: «Иншалла, пойдем совершать радение вокруг Каабы».

Все должны были повторить за ним все, что он скажет:

— Аузи биллахи мин-аш-шайтан-ар-раджим!¹ — восклицал он, и мы, набравшись сил после простокваши и лапши, выкрикивали эти слова громче его. Походя он читал молитву вступления в Каабу, молитву начала хождения вокруг Каабы и другие, а мы вторили ему.

Мы шли по узкой извилистой улочке. По обе стороны вели бойкую торговлю бакалейные лавки, палатки, в которых продавались лепешки, головные уборы и всякая всячина. Множество людей в ихрамах толкались взад и вперед. Мы двигались гуськом друг за другом, словно стая журавлей, и, чтобы не потеряться, держались за руки или за подол ихрама впереди шагавшего соседа. Голос нашего сеида, читавшего молитву, не достигал тех, кто шагал в конце цепочки, и они повторяли только те арабские слова и фразы, которые доносились до их слуха. Такие же цепочки паломников двигались слева и справа, позади и впереди нас. Сеиды, руководители тавафа², сверяясь со своими книжечками, нараспев гундосили слова молитвы. Автомобили, арбы, наездники на ишаках гудками, криками и воплями продолжали бороться за каждый шаг. Несколько раз нашу

¹ Я у тебя, Аллах, ищу спасения от козней проклятого шайтана.

² Обрядовый обход вокруг Каабы.

цепочку разрывали автомобили и мы во всю глотку звали друг друга, чтобы не потеряться в этой сутолоке.

Ни Исфафил, ни я, ни наши спутники, впервые ступавшие по этим местам, не знали, сколько нам еще осталось идти. Мы шли вслепую, словно овцы, которых тянут на веревке. Наконец нам велели разуть паломнические чувяки. Только тогда мы поняли, что находимся у храма божьего. Оглядевшись, мы увидели знакомые по старинным книгам, рассказам и преданиям очертания Каабы.

Довольно широкая площадь Каабы была освещена яркими электрическими фонарями, напоминавшими старинные чугунные светильники.

Площадь огораживал навес, поддерживаемый бетонными колоннами, по углам которого высились муэдзинские минареты. В этот квадратный навес был вписан другой, круглый, значительно ниже внешнего. Он покоился на деревянных столбах, украшенных орнаментами и резьбой. Мы стояли у одного из входов внешнего навеса-ограды.

Женщина, напоминающая индианку, свалила наши чувяки в кучу на свой грязный платок и сказала, что будет оберегать их до нашего возвращения.

Пол под внутренним навесом был выстелен мрамором; к Каабе вели мраморные дорожки, земля между которыми была посыпана крупным красным песком. Тысяч десять-двенадцать верующих собрались под навесом этой огромной мечети. Они сидели на молитвенных ковриках и молились, обратив взор к Каабе. Множество водоносов сновали вокруг, перелезая через плечи и перепрыгивая через головы богомольцев с криками: «Замзам! Ишриб Замзам!»¹

¹ Пейте Замзам (араб.).

Сеид мутаавиф¹, на минуту задержавшись перед Каабой, заставил повторить за ним аят, затем с торжественным видом повел нас за собой вокруг дома Аллаха. Мы шли следом, совершая обход Каабы против часовой стрелки.

В левом углу восточной стены Каабы видна позолоченная дверь. Чуть ниже и левее ее порога, в круглой нише хранится аль-хаджар-уль-асвад, т. е. священный черный камень. Величина ниши позволяет сунуть туда голову и коснуться священного камня губами. Но сейчас почти никто не может и мечтать о том, чтобы поцеловать святыню. Только сильнейшим из сильных удастся, выстояв очередь у южной стены Каабы и сделав несколько шагов в час, достигнуть в конце концов этой ниши и хотя бы рукой дотронуться до святого камня, чтобы затем поцеловать свою руку и приложить ее к глазам.

Много кровавых историй связано с этим камнем. И до и после смерти последнего пророка каждые сто-двадцать лет происходили восстания и бунтовщики, силой оружия захватив благословенную Мекку, выбрасывали камень из храма божьего, говоря, что не следует рабам Аллаха поклоняться безжизненному черному камню. Но шейхи и сеиды — властелины Мекки, утверждали, что это не простой камень, а белый ангел, посланный в свое время милостивым творцом с седьмого неба на нашу грешную землю, который сгорел, не достигнув земли, и превратился в черный камень. Они собирали силы и объявляли восставших и реформаторов гяурами. Лилась кровь ни в чем не повинных людей. В последний раз ваххабиты, то есть предки нынешнего короля Аравии его величества Ибн-Сауда, подняв в прошлом

¹ Руководитель церемонного обхода Каабы.

веке мятеж, брякнули камень оземь и разбили на несколько кусков. Прошли годы, разбитые части скрепили серебряным обручем и, придав камню подобающий вид, водворили его на место, дабы паломники, пришедшие из близка и далека, находили в нем утешение.

Мы кружимся и всякий раз, оказываясь напротив черного камня, воздевая руки к небу, легонько встряхиваем ими в сторону Каабы, будто издалека целуем и ласкаем его. Кроме того, вслед за своим пастырем по тавафу все повторяют аят, заканчивая его восклицанием «Аллах акбар». ¹ Таков обычай.

У восточной стены Каабы, словно прильнув к ней, толпятся несколько сот особенно ретивых паломников. Здесь такая толкучка, что мы вынуждены силой прокладывать себе путь, нас закручивает, словно в водовороте, мы движемся то задом наперед, то боком, то обе ноги отрываются от земли, то распахивается ихрам, то нас сбивают с ног и мы ползем несколько шагов на карачках, пока удастся подняться, и затем, преодолев пятнадцать-двадцать трудных, полных борьбы шагов, опять выходим на более просторное место, ищем своих спутников и прислушиваемся к словам нашего сеида, чтобы громко подхватить их.

Много людей явилось почтить Каабу с целью получить исцеление. Здесь и разбитые параличом, и плешивые, и слепые. Специально нанятые слуги, посадив тяжело больных на носилки или просто на плечи, кружатся с ними вокруг Каабы. Куда ни глянешь, запавшие, слезящиеся глаза, болезненно желтые лица, сморщенные тела с выпирающими сквозь кожу костями. Больше всего больных трахомой. Ну и ну, думаю я. Что за порядки, что за система, чтобы больных людей пу-

¹ Аллах велик.

скать в далекое странствие, да еще в такой гигантский котел, переполненный людьми, где прояви только беспечность, и к здоровому человеку мгновенно прилипнет семьдесят семь болезней.

Паломники, повторяя аяты, иступленно кружатся, словно лошади в маслбойке, вокруг дома божия. Люди на носилках, покачиваясь в толчее пеших богомольцев, каждый соответственно своим силам выполняют правила тавафа. Толпа правоверных перед золоченой дверью Каабы становится еще гуще. Стоящие сзади силой выталкивают из очереди тех, у кого поменьше сил. Вытесняемые из очереди люди, боясь, что все их старания пропадут даром, хватают за руки, за ноги, за ихрамы, за бороды и даже за уши соседей, а те отпикиваются, чтобы неудачники не увлекли их за собой.

У позолоченных врат в дом Аллаха стоят два солдата и преподают паломникам уроки кротости: в руках

у них по тугому увесистому жгуту и, стоя наверху, на пороге, они лупцуют по головам и плечам тех, кто хочет хоть на несколько мгновений задержаться у священного места. Хотя жгуты эти скручены из хлопчатобумажной ткани, но по свисту и звуку удара по обнаженным головам и плечам можно легко представить, как соблюдается солдатами одно из первых правил хаджжа — братство мусульман.

— Сколько кругов мы обошли? — спрашивает Исрафил, который с самого начала тавафа вцепился в подол моего храма.

— Пока три.

Остальные три стены Каабы, хоть и не так тесно, но тоже осажены паломниками. Первый ряд правоверных, сидя на корточках у основания стены, гладит и лобызает полированный до блеска мрамор. Люди из второго ряда тянутся через них к стене, выгнув дугой

спины, протягивают вперед головы, орошая сухие от зноя стены слезами и слюнями.

— Азия... Азия...— невольно вырывается у меня.— Когда-то ты была колыбелью общечеловеческой культуры. Разве первый букварь, карандаш и бумага, первые строки стихов и первые архитектурные чертежи не были результатом парения мысли твоих сыновей? Разве первый скальпель хирурга, первая книга о науке здоровья не были плодом разума твоих детей? Почему ты поддавалась злым чарам и колдовству? Кому нужен тот тяжелый сон, в котором ты пребывала долгие века?

Правда, времена снов канули в вечность. Над землей давно зардел свет нового дня и озарил половину мира, но всмотрись, земля моя, дети твои до сих пор еще приходят сюда в поисках сна, с мольбой о снотворном!

Мухаммад Икбал¹ тоже твой сын. Но он обратился к своим пребывающим в дремоте соотечественникам со словами:

Ты — упование совести, что от века живет,
Ты — источник богатства сильных мира и их оплот,
Ты — из земли сотворенный раб.
Ты — сердце земное и время, чей вечен ход.
Сорви же завесы, тебе застилавшие свет, и восстань!
Отбрось забвения тяжкое бремя и восстань!
От сна томительных лет восстань!²

Так говорил твой сын поэт. Но полюбуйся, другие твои сыновья по-прежнему жмутся к колыбели тяжкого сна и, хотя не повинны ни в чем и сами являются жертвами, молят о прощении у этого камня. Азия... Великая моя земля, старая измученная земля моя...

¹ Выдающийся поэт Востока (ум. в 1937 г.).

² Перевод М. Ткачева.

— Сколько кругов осталось? — опять спрашивает Исфаил.

— Остался последний круг, мой милый.

Исфаил с удивлением смотрит на меня, не понимая, почему таким патетическим тоном я назвал его «мой милый».

Почтение Каабы завершилось. Напротив золоченой двери возвышается «макам Ибрагим»¹.

Ибрагимово стояние походит на кафедру мусульманского проповедника. Оно напоминает также трап, который подвозят к самолетам. На самом верху этой кафедры находится каменная плита. На ней, говорят, остались следы ног Ибрагима. В свое время хазрат Ибрагим, стоя на этой плите, воздвигал вокруг священного камня стены Каабы. Затем, вместе со своим сыном, которого он хотел принести в жертву, но который остался в живых по милости божьей, он впервые обошел им же построенную Каабу. Предания говорят, что господь бог изрек тогда: «Эй, наш халил (т. е. самый искренний друг), ты со своим сыном сделал доброе дело, но то, что вы почтили наш дом, этого мало. Позовите и других». Тогда хазрат Ибрагим, вторично ступив на ту же каменную плиту, приложил руки ко рту и крикнул на все четыре стороны: «Эге-гей, сотворенные богом люди! Спешите в благословенную Мекку почтить дом творца!» И в тот же миг, рассказывают, с запада и с востока, с Северного и Южного полюсов земли отозвались рабы божии: «Лаббайка, Аллахумма, лаббайк!»

С тех пор и появилось выражение «лаббайка, Аллахумма». Титул «халилулльлах», то есть искренний

¹ Небольшое строение, на котором находится камень, где по преданию становился Ибрагим (Авраам), готовя известковый раствор при постройке Каабы, так называемое Ибрагимово стояние.

друг Аллаха, пристало к хазрату Ибрагиму именно в тот день.

В этом и кроется слава Ибрагимова стояния.

По правилам хаджжа, прочесть молитву здесь следует дважды, причем в первый раз читается вся молитва целиком, а во второй раз опускается ее начало. Обращение к богу с этой кафедры является фарзом. Но словно разверзлась земля и оттуда появилось столько паломников, что нет места не только для того, чтобы присесть на землю для совершения молитвы и поклонов, но даже для того, чтобы поставить ногу. Хорошо, что люди, стоящие на страже шариата, в тех случаях, когда находят нужным, вводят в исполнения обрядов некоторые изменения и новшества. Они уже давно разрешили, если не хватает места, чтобы совершить поклон, класть голову на плечо или даже на зад впереди стоящего богомольца.

Теперь мы будем пить священную воду Замзам.

Рядом с Ибрагимовым стоянием расположено здание, разукрашенное пестрым орнаментом. В нем находится колодец, воду из которого электрические моторы качают на самый верх, откуда целительная влага своим ходом течет вниз. Снаружи в восточной стене здания торчат краны. Подставьте под кран сложенные ладони или губы и пейте сколько вашей душе угодно. Однако во время первого тавафа обязательным условием является пребывание внутри здания.

В помещении, которое могло вместить человек двадцать, набилось не меньше сотни. Стоя на круглом помосте из досок, возвышающемся посредине помещения, двое мужчин с толстыми резиновыми шлангами в руках льют воду в разверстые, как у цыплят, пасти и посуду людей, жаждущих божеского благословения. Мутную невкусную жидкость пьют с таким наслаждением, слов-

но после месяца, проведенного в раскаленной пустыне, люди наконец достигли оазиса со сладкой живительной водой. Паломники попроворнее и половчее хватают в воздухе конец резинового шланга и с силой тянут себе в рот. Захлебываясь, обливаясь с головы до ног святой влагой, они пьют и пьют, не выпуская шланга из рук, пока распорядители водой, осерчав, не вырывают их силой и лупят по головам наиболее неумных богомольцев. На бритой голове сразу появляется багровый след и взбухает продолговатая шишка, но паломникам это только на радость, потому что это зримый знак их приобщения к священному таинству.

Сеид, наш пастырь по тавафу, что-то сказал водопадальщику. Видимо, объяснил, что мы являемся почетными гостями дома Аллаха. У того сразу брызнуло бурным фонтаном рвение гостеприимства.

Зажав конец шланга, он направил струю воды прямо на нас. Мои спутники, чуть не обезумев от столь редкого счастья, громко воздавали благодарения господу под этим святым ливнем.

Ваш покорный слуга обеими руками прикрывал от воды пачку сигарет и спички, которые прятал в складках ихрама. Я стремился побыстрее уйти из-под этого душа, но Исафил крепко держал меня за подол.

Наконец мы вышли наружу и забрали у женщины, похожей на индианку, свои чувяки. Наш казначей дал ей бакшиш — один доллар. Позже я понял, что сотни таких женщин и мужчин в храме Аллаха зарабатывают себе на пропитание и на обратную дорогу домой подобным образом.

С чувяками в руках, перепрыгивая через молитвенные коврики, через спины и головы паломников, мы вошли под высокий бетонный навес, под которым с одной стороны расположена гора Сафа, а с другой — гора

Марва. Не будь эти горы священными, их можно было назвать каменными холмиками. Сафа и Марва имеют свою историю и кто не знает ее, тот не поймет, почему тучи полуголых пилигримов бегают взад и вперед между этими двумя горами.

Хазрат Ибрагим халилульлах имел двух жен. Старшая из них — матушка Сара, младшая — Агарь. Матушка Сара, хотя и была прекрасно осведомлена о близости супруга к Аллаху и о его святости, однако никак не могла избавиться от ненависти к своей прекрасной сопернице. Дракон ревности беспрестанно грыз ее душу и матушка Сара каждый вечер устраивала искреннему другу Аллаха все новые и новые сцены. В конце концов она-таки добилась своего, заставив друга Аллаха прогнать вторую жену. Халилульлах, почесав в затылке, отвел матушку Агарь в пустыню между Меккой и Иерусалимом и изрек:

— Ничего не могу поделать, любезная. Иди. Поручаю тебя заботам Аллаха.

Агарь была беременна. После нескольких дней скитаний у нее родился сын. Завернув новорожденного в тряпье, матушка положила его на песок, а сама отправилась на поиски воды. Поднявшись на холм, она посмотрела вокруг, воды не нашла, но услышала, что со стороны другого холма, находящегося неподалеку, несутся возгласы: «Вот вода!», «Здесь вода!» Тогда матушка побежала к тому холму, но воды не было и там, зато тот же самый голос, обещающий воду, послышался теперь с того холма, откуда она только что прибежала.

Матушка побежала обратно, потом вернулась. Священные книги не сообщают, какой хулиган водил за нос роженицу. Но зато известно, что матушка Агарь по семь раз поднялась на оба холма, бегая от одного к другому. Это и были те самые возвышения, именуемые

горами Сафа и Марва. Обессилив от тщетной беготни, матушка в отчаянии вернулась к своему младенцу и увидела, что под новорожденным сверкнула влага. Сперва матушка подумала, что ее сынишка в первый раз в жизни описался, но, посмотрев повнимательней, поняла, что из под новорожденного бьет источник. Оказалось, что ребенок в отсутствие матери своими ножонками раскидывал в стороны песок и выкопал под собой яму, откуда и ударил ключ. Да, та самая светлая вода, от благостных струй которой мы промокли с головы до пят, и есть результат деятельности явившегося на свет хазрата Исмаила.

Наш сеид читал аяты почтения Сафе и Марве. Охрипшими голосами мы вторим ему. Расстояние между обеими горками примерно метров триста. Повторяя маршрут почтенной супруги пророка, мы по семь раз поднимаемся то на одну, то на другую гору. Там, где в свое время матушка шла медленно, мы тоже едва передвигаем ноги, где она изволила бежать, бежим и мы, а где трусила рысцой — трусим рысцой и мы.

Больных паломников, не могущих ходить, снимают с носилок и пересаживают на двух- или трехколесные коляски, подобные госпитальным, которые подталкивают сзади слуги. Для колясок по каменистым склонам проложены доски, иначе от неровности почвы из больных вытрясли бы душу и богоугодное паломничество стало бы их последним странствием.

Невольно и мысленно повторяю то самое двестишестое, одну из строк которого никак не мог припомнить в Хартуме: «Наш праотец отдал райские кущи за два зерна пшеницы; будь я вырождаю, если не готов продать их за одно зерно ячменя».

— Курбан, что ты бормочешь? — спрашивает Исрафил.

— Читаю аят.

— Вот оно что! А мне послышалось, будто ты не по-арабски...

— У тебя отменный слух. Я читаю на родном языке. Хочешь послушать?

— Давай.

Я повторил двести раз вслух.

— Что это значит?

— Потом переведу.

Мы как раз пустились в галоп, словно кони, и мне было не до перевода.

— Не разговаривай по-урусски! — гаркнул кто-то мне в затылок.

Это был мулла Махсум Абдуразикджан-ака. Как всегда, у него безостановочно, как у верблюда, двигались губы, и я в сердцах подарил ему кличку Жевака. Его челюсти в постоянном движении. Даже в пути к благословенной Мекке, когда мы ехали в такси, он беспрестанно доставал что-то из своей сумки и жевал.

— По-урусски не разговаривать, — повторил он, видимо, для того, чтобы придать больший вес словам.

Хорошо бы слегка подтянуть ему узду, чтобы он не позволял себе выходить из рамок приличий. К сожалению, спорить и прекословить здесь воспрещено. «В мечети не портят воздух», — утверждает народная поговорка, а Каабатуллах суть мечеть мечетей. Кроме того, всякий, кто затеет спор и перебранку в процессе хаджа, подвергается штрафу. Да, вот уже двенадцать веков, как в мире ислама после повеления ученого муллы не спрашивают «почему», если, конечно, не хотят распрощаться с жизнью.

Молча проглотил я окрик Махсума-Жеваки.

Первый таваф был завершен. Наш пастырь тут же потребовал мзду за работу. По знаку Кори-ака хаджи

Абдухалил выдал ему тридцать долларов. Тот недовольно замотал головой, сказав, что он сеид. Наш казначей прибавил еще несколько долларов. Сеид снова заговорил и на этот раз говорил долго. Наконец, выторговав еще толику денег, он сунул их в карман и молитвенно возвел руки.

Через другие врата мы вышли на улицу. И здесь было полно бакалейных, ювелирных, галантерейных и прочих лавок. Увидев свободные столики в местной забегаловке, мы уселись. Кори-ака велел подать кока-колу.

Не скажу, что кока-кола плохой напиток. Только чересчур деловые люди, рекламирующие его сверх всякой меры, сделали это название чуть ли не нарицательным и тем самым осквернили напиток, обеславили его.

Мы с Исафилом выпили по бутылке кока-колы прямо из горлышка. Здесь все так пьют.

Тимурджан-кори и Алланазар-кори отказались пить.

— Почему? — спросил Исафил.

— Мы пили Замзам! — с вызовом произнес Алланазар-кори.

Не трудно было понять содержавшийся в этих словах укор. Дескать там, где есть Замзам, правоверный мусульманин должен отречься от всех соблазнов мира.

В душе я злился, что не сумел убедить моих спутников пить Замзам как можно меньше. Даже невооруженным глазом по мутному цвету и не очень приятному запаху можно заключить, что в каждой капле этой святой воды таятся зародыши многих болезней.

...Хозяева постоянного двора сообщили, что нам выделены две комнаты: одна — та самая грязная и зловонная на первом этаже, где мы ужинали, а вторая — на третьем этаже. Наш глава велел, чтоб на третьем этаже

устраивались те, кто помоложе, старикам, мол, это не сподручно.

Комната наверху была не лучше, чем нижняя, с той только разницей, что суфы здесь были повыше и не глиняные, а сколоченные из досок. Да и воздух был почище, а с потолка свешивался вентилятор.

Когда мы с Исафилом пришли, наши братья уже заняли все места на суфах, разобрали подушки и тюфяки. Мы в недоумении остановились, не зная, как быть. Вскоре нам принесли нечто вроде подушки, одну на двоих, и мы, опустив на нее головы, легли посреди комнаты на старый вытертый палас.

— Чем больше неудобств испытываешь в дни святого хаджжа, тем ты ближе к Аллаху,— успокаивал меня Исафил.

Это я и сам знаю,—подумал я. Даже примерно помню, что говорится в высокочтимом Коране: «Здесьняя жизнь — лишь суета сует; тот свет только для богобоязненных...» Я даже помню, что это тридцать второй аят шестой суры. Но все-таки на сердце у меня неспокойно. Предводители войска ислама, покоряя огнем и мечом нашу Среднюю Азию и распространяя истинную веру, днем и ночью твердили народу: «Эй, грешники, знайте, что богатство этого мира не вечно. Будь у вас хоть тысячи садов и цветников, полные амбары сокровищ, все это не стоит чашки животворного шербета из хауза Кавсар».¹

Однако, возвращаясь на родину, они же, мягко говоря, прихватывали с собой все, что попадалось под руку. Что уж говорить о предводителях, если каждый конный воин араб привозил домой из этих религиозных походов тысяч на тридцать динаров разной добычи...

¹ Райский источник.

Все это проносилось у меня в мыслях, а мулле Исрафилу я сказал:

— Правильно говоришь, уважаемый вице-глава.

Затем стянул с гвоздя на стене какую-то тряпицу, скомкал и положил под голову. Хозяйская подушка была очень жесткая и напоминала детские игрушки, набитые опилками, к тому же хорошо утрамбованными.

Сон не приходил. Я вызвал на беседу моего Искандара.

— Иди сюда, дорогой. Где тебя носит?

— Вот и я, мой друг. Что скажешь? Ого, ты готовился задать храпака?

— Не догадываешься хотя бы поздравить с праздником твоего друга-скитальца!

— Поздравляю, дорогой. Тебе повезло. Сегодня и завтра у тебя праздник весны, а потом и твои именины, то есть святой праздник Курбан.

— Пошел ты, знаешь куда, с этим праздником!

— Что с тобой?! Ты позвал меня, чтобы ссориться?

— Иди спать, соня!

— Не-ет, пока не выложу всего, никуда не пойду! Ты имеешь честь находиться в стольном граде нашей святой веры и должен хорошенько воспользоваться этим редким счастьем.

— Что же я должен делать?

— У меня есть несколько вопросов, ответы на которые можно получить только в Мекке.

— В благословенной Мекке!

— Прости, в благословенной Мекке.

— Теперь валяй дальше.

— Так вот, многие хотят знать, каким образом предания из Таврата¹ и Инджиля² переселились в святую

¹ Талмуд.

² Евангелие.

книгу мусульман? Даже имена небесных ангелов, пророков, их сподвижников и учеников. Например, имена хазратов Адама и Хавы, Сулеймана, Давуда, Нуха, Исы, Ибрагима, Мусы, Марьям, Исхаака, Исмаила, Джабраила, Ильяса и других. Только и разница, что христиане и евреи говорят Соломон, а мы Сулейман, по-ихнему Мария, по-нашему Марьям, у них Авраам или Абрам, у нас Ибрагим, Ильяс — Ильяс, Ной — Нух и так далее и тому подобное.

— Искандар, что с тобой? Неужели ты хочешь, чтобы я спросил об этом вслух и досрочно явился перед страшные очи Мункара и Накира? ¹ Лучше отвечу тебе сам, ибо в эти полные благодати дни вследствие ученых бесед, при которых я присутствовал, мои познания в этой отрасли неимоверно возросли. Знаешь ли, дорогой, что штука, называемая счастьем, чаще всего бывает неполной, то есть, если с одной стороны человек счастлив, то с другой стороны непременно испытывает неудовлетворенность. Молчи, молчи, не спорь, это общеизвестно. Возьмем, к примеру, нашего пророка, он в свое время был счастлив со всех сторон; его полководцы и сподвижники, последователи и собеседники отличались храбростью, деловитостью и мудростью; у пророка был такой всемогущий зять, как хазрат Али, лев Аллаха; окружавшие пророка блеск, богатство и слава были таковы, что о лучшем и мечтать нельзя. Какая бы красавица ни попадалась ему на глаза, только захоти он, и она являлась в его покои, а не то... Одним сло-

¹ Согласно религиозным мусульманским преданиям, ангелы могилы. По одной версии Мункар и Накир сразу же появляются в могиле и начинают допрос грешника с пристрастием; по другой версии, они появляются на допрос только в день Страшного суда.

вом, наш пророк был счастлив без меры и все же в одном испытывал недостаток. В окружении пророка не было хотя бы двух-трех знающих и талантливых переводчиков, которые, переводя общеизвестные сказания и притчи, сумели бы не быть рабом буквы, а переводить вольно и свободно, или, как говорится, творчески, чтобы никто не смог бы придраться и утверждать, что, мол, это сказание взято оттуда, а эта притча украдена из такой-то книги...

— Или хотя бы двух-трех хороших литераторов, которые, не заглядывая в Талмуд и Евангелие, сами могли бы наплести всякие были и небылицы.

— Умница, именно это я и имел в виду.

— Ну и что же? Настанет день, и люди узнают, откуда произошли все наши священные предания. Помнишь, ты как-то говорил мне, что творец в благословенном Коране сказал, что повесть о Юсуфе — это откровение Аллаха?

— Да, двенадцатая сура Корана о Юсуфе точно скопирована с Библии. А в Библию она в свое время перешла из старинных преданий. Но в третьем аяте этой суры говорится, что это лучшее повествование из Корана.

— Им, видимо, не было известно латинское слово «плагиум», что означает присвоение чужого авторства.

— Здесь не существовало иных книг, кроме благословенного Корана и нескольких книг религиозного содержания, кому же могло быть известно слово плагиат?!

— Ну, ладно, дорогой, спокойной ночи. Как следует отдохни, завтра тебе предстоит пройти репетицию для Страшного суда.

НАКАНУНЕ КАНУНА

Еще до предрассветного намаза мы явились в Харам¹. Вокруг Каабы полно паломников. Святая вода на-расхват. Между Сафой и Марвой не прекращается беготня. Голоса сеидов и хаджи гулко разносятся под сводами гигантских навесов. Лошадь маслобойки, запущенная когда-то нашим усердным пророком, все еще передвигает ноги.

Во время намазов голоса муэдзина и имама транслируются мощными радиоприемниками. Громкоговорители установлены по углам внутренних и внешних навесов на высоких минаретах вокруг Харاما. Имам читает аяты обыкновенным голосом и когда произносит слова «Аллах акбар», муэдзин их подхватывает пронзительным тенором на мотив какой-то протяжной и печальной турецкой песни. В самом утверждении «Аллах велик» заключается беспомощное признание величия силы Аллаха, а протяжный, с фиоритурами, долгий, постепенно снижающийся заунывный вопль муэдзина придает этим словам дополнительный оттенок нижайшей мольбы и безоговорочного признания ничтожности человеческого рода.

Нет ничего вместительнее человеческого сердца,— думаю я про себя. Радость или горе, которое может вынести сердце, не вместится ни в какой иной сосуд.

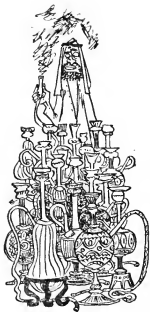
Когда мы возвращались в наше пристанище, все лавки, кроме лепешечной, были еще закрыты. По обе стороны улицы стояли рядами узкие, высокие деревянные тахты. Паломники, совершившие предрассветный намаз, укладывались спать.

¹ «Священное», т. е. Кааба (араб.).

Мои спутники также растянулись на своих местах.

Сон бежал от меня, и я вышел во двор. Правда, трудно назвать это двором. Многоэтажные арабские дома построены по-особому: пройдя подворотню и очутившись во дворе, вы ничего не увидите, кроме стен, уходящих вверх, и окон, ни клочка неба, ничего. Стены и окна, одни только стены и окна. Глиняные или сложенные из кирпича ступеньки ведут наверх. Через каждые четыре-пять ступенек лестница поворачивает вправо. На каждой лестничной площадке натыкаешься на закуток для омовения или туалета, на дверь кухни, либо жилой комнаты. В закутках сделаны из цемента небольшие вместилища для воды, литров на сто пятьдесят. Слуги таскают воду из артезианского колодца за несколько кварталов отсюда. Такие водохранилища устроены и у входа в жилые комнаты, но там в цементную стену водоемов вделаны краны. Использованная вода стекает по бетонным канавкам на лестничную пло-

щадку и затем в ближайший туалет или место для омовения.

Я поднялся на площадку покурить между третьим и четвертым этажами. В оконном проеме виднелась западная часть города. Большинство домов не имеет окон наружу, а если и имеет, то без стекол. Зимой не бывает холодов, поэтому в застекленных окнах нужды нет.

Тысячелетний город похож на старый цветастый халат, на который нашито множество заплаток из новой материи: кое-где высятся шестисемиеэтажные здания, выкрашенные в белый, красный или розовый цвет, напоминающие по архитектуре богатые частные дома американского юга.

Вокруг них лепятся низенькие

полуразрушенные одно-и двухэтажные домишки. Утренний ветерок колышет занавески на окнах, метет пыль со старых потрескавшихся стен и треплет жалкую одежку, развешенную во дворах для просушки.

Вспоминаются сказки из «Тысячи и одной ночи». Вспоминаются города времен халифа Харуна ар-Рашида. Кажется, что жизнь обитателей благословенной Мекки течет все так же, как и тысячу лет назад. Только призыв муэдзина к молитве транслируется радиодинамиками мечетей да дома богатеев освещены электри-

чеством, а вместо караванов верблюдов и нагруженных коней и ишаков по улицам снуют автомобили американских и европейских марок.

Вон полуразрушенный домик без каких-либо признаков жизни.

«...Принц проснулся и увидел себя в убогом покое. В углу стоял красивый сундук. Принц встрепелся. Почуввав недоброе, он быстро взломал замок и обнаружил в сундуке лунолицую красавицу, залитую кровью. Со всех сторон сундука торчали стальные шампуры, пронзившие прекрасное тело девушки. Да, это была его возлюбленная. Принц потерял сознание...»

Может быть, подобное совершается в этих местах и поныне. Кто знает? Жизнь течет по-прежнему, религия та же, верующие те же... Хотя нет, все это весьма одряхлело. В старом теле много недугов. И надежды на исцеление меньше.

Мулла Урок-ака нашел-таки меня и попросил сигарету.

— У вас сон какой-то непорядочный, дохтурджан, — сказал он, пуская клубы дыма в оконный проем. — Не понимаю, вы же врач, неужели не можете что-нибудь сделать?

— Мы находимся рядом с домом Аллаха.

— Да, да, с домом Аллаха, — воодушевившись, радостно подхватил Урок-ака. — Отдадимся на милость божью. Ладно, пойдемте, пора завтракать. Сегодня, иншалла, отправимся к великому Арафату.

Принесли лепешки, варенье и несколько блюдец с небольшими порциями яичницы. Кто был половчее, тому досталась яичница. Мы с Исфафилом еще не успели забыть общепринятые правила поведения за дастарханом и вынуждены были заморить червяка лишь кусочком лепешки с чаем.

Завтрак еще не кончился, когда появился высокий, худой, чернявый, с редкой бородкой человек.

— Я шейх Замзама, — представился он. — Будь благословен ваш хаджж.

Ответив на приветствие, мы почтительно усадили его во главу стола. У шейха были удивительно острые глаза, будто пара буравчиков, которые продырявливали все, что попадалось им на пути.

Шейх не ходил вокруг да около, он был человек деловой и без обиняков взял быка за рога. Он объявил, что является прямым и законным наследником старинного и благородного рода, которому поручено оберегать святой источник дома господня. Поэтому долг каждого паломника совершить богоугодное дело: порадовать шейха каким-нибудь подарком.

Хаджи, отперев чемоданы, одарили шейха подарками: кусками ткани, узконосыми азиатскими галошами и так удостоились чести получить его благословение.

Наблюдая, как мои спутники колдуют над своими чемоданами, я вспомнил, что еще ни разу после приезда сюда не проверял чемоданчика с медикаментами. Я раскрыл его, но тут шейх Замзама проворно вскочил со своего почетного места и, осыпая меня благословениями, встал надо мной.

— Вы не привезли нам подношения с родины? — прямо спросил шейх, опускаясь на корточки и бросая недовольные взгляды на полный медикаментов и инструментов чемодан. Йод из одной стеклянки вытек и окрасил бинт.

В жизни не встречал я шейха более нахального и назойливого и решил, что столь редкий экземпляр рода человеческого поистине заслуживает подарка. Я выдал ему две пачки рафинада и две пачки зеленого чая из моего запаса.

Естественно, что молитва, обращенная ко мне, не была слишком пышной.

По одному, по двое в комнату стали входить эмигранты. Это были люди, которые лет тридцать пять-сорок тому назад по разным причинам покинули родину и эмигрировали в Афганистан, Кашгарию или Иран и после долгих скитаний добрались до Аравии.

Они здоровались со всеми за руку, затем, повременив минуту и оглядевшись, спрашивали, нет ли среди нас их земляков. Большим спросом пользовались андижанцы, бухарцы, наманганцы, казанцы, ташкентцы, ходжентцы и самаркандцы.

Один старик интересовался ходжентцами.

— В нынешней группе ходжентцев нет, но я, ваш раб, и вот доктор, мы оба из Таджикистана,— представился мой земляк мулла Тешабой.

Старик тепло поздоровался с нами и принялся расспрашивать. Звали его мулла Ибрагим. Тешабой привез с собой несколько писем. Выбрав одно из них, он отдал его старику.

Мы сидели втроем, друг против друга в углу комнаты. Остальные, разбившись на группы, тоже беседовали со своими земляками-эмигрантами.

Взяв дрожащими руками конверт, мулла Ибрагим приблизил его к лицу, видимо, намереваясь в знак уважения приложить к глазам, но почему-то передумал и, молча прижав синенький конвертик к груди, долго смотрел на палас. Когда он начал читать письмо, слезы ручьем покатились у него по лицу, омывая белую бороду. Он поминутно вытирал глаза тыльной стороной ладони. Наконец, закончив чтение и еще раз пробежав письмо, он поднялся с места, произнес: «Дай бог вам долгой жизни, дай бог вам счастья»,— и пошел к двери.

Руки и ноги его тряслись от волнения, но он все-таки

не принял помощи Тешабоя, который, взяв его под локоть, хотел помочь сойти по крутой лестнице. Держась за стенку, он спустился вниз.

Вчерашний наш руководитель по тавафу пришел за мной; кому-то срочно понадобился врач. Прихватив с собой переводчика, я вышел на улицу. Мужчина лет сорока, раскинув в стороны руки, лежал у ворот на сырой земле... (Был час, когда водоносы таскали воду). Его товарищ брызгал ему на лицо и грудь водой. Больной оказался афганцем. Увидев, что я не нуждаюсь в его помощи, Абдусамад-ака вернулся наверх.

По рассказу товарища, больной только что совершил в Каабе таваф, сам дошел сюда и вдруг рухнул, потеряв сознание.

Пульс прощупывался с трудом. По изможденному виду больного можно было решить, что он долгое время не имел во рту ни крошки. И на самом деле оказалось, он постился с начала месяца рамазана. Я и раньше слышал, что наиболее преданные Аллаху мусульмане, вознамерившись совершить паломничество в Мекку, говет от начала рамазана и до дня Курбан-байрама, то есть три с лишним месяца.

После инъекции кофеина пульс больного заметно улучшился.

Наш мутаввиф сеид Абдуль Керим (к слову сказать, один из братьев Сайфи Ишана, хозяина дома) по моему требованию нехотя приказал перенести пожитки больного с первого этажа в одну из келий второго и побыстрее приготовить ему горячей и жидкой пищи.

Из своих запасов я выдал ему коробочку поливитаминов, а Абдуль Керима предупредил, что если он хочет, чтобы больной не отдал богу душу, пусть распорядится хотя бы в течение одной недели кормить его лег-

кой, но питательной пищей. Сеид показал на небо, что-то буркнул и ушел.

Наверху меня ждал незнакомец.

— Вы, оказывается, из Душанбе! — после приветствия воскликнул он. — Мой старший брат кори Мир Си-родж живет там. Вы знаете его?

— К моему горю, нет.

— Некоторые зовут его Кори Сладкий.

— Ах, Кори Сладкий? Как же! Знаю, знаю, я встречал его в доме моего дяди. Он живет около текстильного комбината.

— Что? Где? Где, вы сказали, он живет?

Я понял свою оплошность. Откуда знать этому человеку слово «комбинат»?

После долгих обоюдных расспросов мы пришли к выводу, что человек, которого я знал, то есть Кори Сладкий, действительно является родным братом моего гостя по имени Кулдош Ходжа-кондитер.

— Ай-ай-ай, как хорошо, что я встретил вас, не так ли? — без умолку бубнил кондитер. — И в прошлом году здесь бывало из Душанбе одно лицо, постарше вас, очень приятный человек. Я через них послал своей племяннице, дочери Кори Сладкого, да только они не доставили ленточку с узорами... Некрасиво поступили, не так ли?

— Чего не доставили?

— Ленточку, говорю, не доставили, узорную ленточку. Есть такая вещь, ее пришивают к обшлагу шаровар или по подолу рубахи.

— Но, может быть, она затерялась?

— Не знаю. Ну да ладно, не велика беда, не так ли? Ай-ай-ай, как хорошо, что вы приехали. Иншалла, мы еще с вами вдоволь побеседуем, не так ли? В прошлом году я пригласил к себе то лицо в свою скромную

хижину. Изволили прийти. Все, чем богат, развернул перед ними. Слава Аллаху, живу в достатке, если протяну руку, обязательно чего-нибудь коснусь. Начиная от молочной рисовой каши и супа до фруктов и конфет различных, я поставил перед ними на дастархоне всякие земные блага. Они оказались общительными. Но все-таки одну ленточку не доставили. Мой старший брат кори Мир Сиродж, то есть я хочу сказать, Кори Сладкий, в своем драгоценнейшем для меня письме так именно и подчеркнули. Мой братец никогда не врет. Разве его побил шайтан, чтобы врать?! Наверное, ваше предположение правильно: затерялась она. Путь все-таки далекий, не так ли? Ленточка что, безделица, право, я послал ее не как драгоценность, а как святую вещь из благословенной Мекки. Девочка, слава богу, вступила в двенадцатый годок, не завтра, так послезавтра сыграют свадьбу, не так ли? Вот я и послал. Мой брат втихомолку уже привязал ее ноги к порогу чьего-то дома, помолвил, то есть.

Кулдош Ходжа говорил быстро, глотая окончания слов. Тонкими, женственными пальцами он поминутно поглаживал брови, редкую с проседью бороду.

— Слава всевышнему, его покорный слуга живет, не ведая горя. В благословенной Мекке у меня два дома. Вообще-то я думаю, что и одного хватит. Но один мой ошно¹ переселился в Эр-Рияд, в благородную столицу Саудовской Аравии, знаете, разумеется, не так ли?

— Да, да, наслышан.

— Так вот, один мой ошно переселился в этот благородный город и не пожелал, чтобы его дом достался чужому человеку. Я и выкупил его за двести золотых.

¹ Приятель (тадж.).

У нас они называются динарами. Вы, конечно, видели наши деньги, не так ли? Вот и хорошо, спасибо вам. Сорок штук вот этих риалов составляют один динар, не так ли? Я купил дом за двести динаров. Конечно же даром. И в святом Таифе у меня тоже шикарный дом. Каждое лето провожу там. Иншалла, и вы поедете в святой Таиф. Правоверные, приезжающие с родины, каждый год ездят туда, не так ли? Ай-ай-ай, как хорошо, что вы приехали! Иншалла, совершите поездку в святой Таиф, потом в лучезарную Медину. У меня и в Медине большой дом. Там живет мой средний брат. Кори Сладкий у нас самый старший, а я самый младший. А тот средний. У нас есть еще сестра. Здесь живет, в благословенной Мекке. Ай-ай-ай, как хорошо, что вы приехали! Если вам нужно что-нибудь купить или продать, готов вам услужить, не так ли?

— Я ничего не привез для продажи.

— Скажите, пожалуйста! Ну да ладно, если вдруг захотите что-нибудь купить, я вам помогу, ведь мы тут старые жители, свои, не так ли?

— Так, так... Благодарю. Мы еще увидимся...

Кулдош Ходжа словно не замечал, что я уже во второй раз порываюсь подняться с места, он словно не понимал, что я уже наговорился всласть, и все болтал и болтал с величайшим жаром о своих домах в разных городах, о том, что он имеет несколько жен, но бездетен.

Я дал себе зарок, пока нахожусь здесь, никого ни о чем не спрашивать.

По преданию десятого числа месяца Мухаррама 61 года хиджры¹, то есть в день убийства имама Хусейна, сына хазрата Али и матушки Фатимы, полдень продол-

¹ 10 октября 680 года нашей эры. Хиджра (араб.) — мусульманский религиозный лунный календарь: нач. в 622 году.

жался семьдесят два часа. Попробуйте сказать кому-нибудь: «Эй, мусульмане, это неверно! Никогда день или ночь не удлинялись и не укорачивались по случаю рождения или смерти кого-либо; закон времени действует строго в соответствии с законом движения тел в космическом пространстве». Попробуйте сказать так и вы не расхлебаете заваренную кашу. Не успеете закончить свои объяснения, как будете лежать бездыханным под грудой камней.

Признаюсь, это не входило в мои планы. Ваш покорный слуга хотел не только сам в добром здравии ступить на землю родины, но и постараться, чтобы и подопечные здоровехонькими вернулись домой.

Перед тем, как переступить порог Харамы, Кори-ака прочитал молитву вступления в Каабу. Взяв свои чувяки в руки, все последовали его примеру.

Затем Кори-ака сказал:

— Друзья, сейчас, иншалла, вы увидите еще одно чудо всемогущего Аллаха. Взгляните на страницу неба: сколько божьих птиц разгуливает там! Все они являются священными тварями этого лучезарного дома молитв.

Мы взглянули на небо и в самом деле увидели множество голубей, горлиц и воробьев, которые, не обращая на нас внимания, летали по небу.

— Сейчас мы преступим устланный славой порог и вы, иншалла, своими глазами узрете, как эти бессловесные твари при полете сторонятся Каабы, храма создателя нашего Аллаха. Ни одно пернатое существо не посмеет двигать крылами над божьим храмом. Это одно из величайших чудес нашего властелина.

Увы, первое, что мы узрели над Каабой, когда вышли из-под навеса, была пара голубей, которые нахально махали крыльями прямо над кубическим зданием

дома божьего, покрытого сверху белым шелковым одеянием. Потом стая воробьев, а за ними еще одинокий голубь перелетели через Каабу.

Я притворился, что ничего не заметил. Мой товарищ Искандар любит повторять, что воспитанный человек не тот, кто не проливает суп на скатерть, а тот, кто не замечает, как это совершил другой.

Во время азана¹, когда муэдзин растягивал на мотив траурной песни слова «Аллах акбар», мне на мгновение показалось, что я давно умер и нахожусь на том свете, ожидая своей очереди у врат ада, пока архангелы Азраил, Мункар и Накир допрашивают какого-то несчастного мусульманина.

— Подлец,— разом кричат Мункар и Накир,— разве ты забыл, что еще в бытность твою на грешной земле, то есть тысячу сто одиннадцать лет тому назад в день понедельника третьей недели месяца Шаабан, ты прочитал на две молитвы меньше, чем предписывают фарз и суннат?

— О, нет! Пусть все болезни ваши перейдут на мою голову, да стану я жертвой вашей миллионнопудовой булавы, нет, я не забыл,— охрипшим голосом отвечает несчастный, едва шевеля обескровленными губами и не отрывая молящего взора от тяжеленной кувалды Мункара и Накира.— Пощадите! В тот день заболел и лежал на одре смерти единственный мой сын, свет моих очей. Вот поэтому...

Архангел Азраил шевельнул усами. Мункар и Накир вдвоем подняли свою палицу и принялись крутить ею над головой.

— Вот тебе «потому», ублюдок,— рывкнули архангелы разом и так саданули бедного мусульманина по

¹ Призыв к молитве.

темени, что он размельчился на мириады частиц и разлетелся по всем семи континентам.

Но божьи ангелы снова собрали все эти крошки в одно целое. Сверху не то донесся голос, не то брызнул свет, и бедный мусульманин вновь принял прежний облик. Мункар и Накир повторили вопрос. На этот раз оживший мусульманин только бормотал «Каюсь! Пощадите!», в том же ритме и на такой же траурный мотив, как муэдзин Каабатуллаха тянул свое «Аллах велик».

От нестерпимой жары и острого запаха пота впритирку сидящих друг к другу людей дышать было трудно. Каабатуллах от пола и до шпилей минаретов выложен мрамором. В такую жару благословенный Харам становится наглядным пособием к преданиям об аде.

Мой дядя рассказывал, что в Каабе есть камень, который висит между небом и землей. Это чудо сотворил господь бог. Утром я видел аль-хаджар-уль-асвад. Нежась и гордясь собой он лежал в своей нише, облобызанный паломниками до блеска. Где же висячий камень? Я осматривался по сторонам.

Некоторые говорили, что не священный черный камень, а сама Кааба висит в воздухе. Но ничто хоть в какой-то степени не подтверждало слышанных мной рассказов.

Я спросил об этом Исафила.

— Сам ищу, — ответил он и, отвернувшись, принялся

слушать радио, всем видом показывая, что мои вопросы сейчас неуместны.

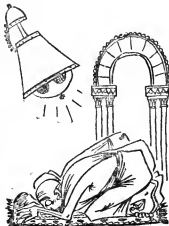
Вот уже битый час кто-то читал проповеди по-арабски. Самого проповедника не было видно, только радио разносило его голос по двору Харама и далеко окрест. Мои спутники постарше, хотя и не могли уловить содержания его речи, в умилении лили слезы в такт словам, качая головами.

Потом читал проповедь на своем языке муфтий, приехавший из Турции. Он говорил о задачах мусульманского мира. Голос у него был звучный, но от его слов, честно говоря, пахло плесенью. Его речь была сходна с теми, которые сорок два года тому назад произносил полководец войск ислама Энвер-паша, сперва на сборище бухарских джаидов¹, а затем на контрреволюционных митингах в Восточной Бухаре. Этой своей мыслью я поделился с Исафилом.

— А потом что стало с Энвер-пашой?

— Нашим отцам и дедам, видимо, по горло надоели эмиры и паша. Они погнали и этого пашу, но он не хотел уйти подобру-поздорову и был убит.

¹ Представители молодой российской мусульманской буржуазии и их идеологии. Они стояли за реформу ислама в угоду мусульманской буржуазии. Большинство примкнуло к кадетам и в году Октябрьской революции выступило против нее.

Турецкий муфтий говорил не меньше часа. Башкирский мулла хорошо понимал его, но чем больше слушал, тем больше темнело лицо Исафила, и он беспокойно ерзал на месте, с нетерпением ожидая, когда же придет конец этой внеочередной назидательной беседе.

Придя домой, мы поели похлебку из лапши. Казначей роздал нам по пять долларов и сказал, что мы можем обменять их на саудовские деньги. Исафил обменял свои доллары у одного менялы, я у другого, и мне дали на один риал меньше. Мы поняли, что курс денег зависит от совести менялы.

На всех деньгах Саудовской Аравии, бумажных и металлических, была изображена финиковая пальма и на ее фоне две скрещенные кривые сабли. В такой маленькой стране, подумал я, столь воинственная эмблема. Чтобы напугать труса, достаточно и одной сабли, а человек не из пугливых и глазом не моргнет, нарисуй ты на своих деньгах хоть тысячу сабель и мечей.

— Исафил, почему тут сразу две сабли?

— А почему ты спрашиваешь меня?

— Кого же спрашивать? Ты — мулла, много читал религиозных книг...

— Но я все-таки гражданин СССР!

— Господи! Ведь никто и не считает тебя подданным Португалии или Южно-Африканской республики!

— Что это за намек?!

— Ты, оказывается, слишком мнительный.

— Но не дурак.

Вот тебе и побеседовали!

Некоторое время мы молча шагали вдоль торговых рядов.

Удивительно беспечный народ здешние водители. По узким извилистым улочкам, битком набитым арбами, велосипедами, водоносами, пешеходами с кувши-

нами и корзинами на головах, они водят свои машины со скоростью сорок пять-пятьдесят километров в час. Иногда автомобиль какого-нибудь богатея пролетает на расстоянии спички от кальяна курильщика или локтя человека, пьющего чай из маленькой пиалы. Случается, что кувшин водоноса оказывается разбитым на мелкие осколки и вода обливает его ноги, давно не выдавшие мыла. Или велосипедист от неожиданного соприкосновения с крылом движущегося с большой скоростью автомобиля отлетает в одну сторону, а его велосипед в другую. Но несмолкаемый шум и гомон торговых рядов быстро поглощает одинокие крики жертв автолихачества, и происшедшая трагедия вскоре забывается.

Некоторые зажиточные паломники пожаловали сюда со всеми четырьмя законными женами. Мужчина важно, как гусь, шествует впереди. Старшая жена держится за ихрам мужа или за его руку. Вторая жена — за уголок чадры первой жены, третья — за вторую, а четвертая замыкает шествие. В Душанбе напротив моего дома когда-то находилась артель слепых. Идя по улице, они также цепочкой держали друг друга за руку или подол платья.

Увидев большие ворота, я потащил туда Исафила, чтобы посмотреть, что за ними скрывается.

Во дворе, похожем на двор караван-сарая, было что-то вроде кафетерия. Под навесами стояло множество железных столиков и стульев. Найдя свободное место, мы сели.

Поодаль, в одном из уголков, штук пятьдесят кальянов, больших и маленьких, сделанных из тыкв или медных, украшенных прихотливым чеканным орнаментом, ожидали клиентов. У некоторых чилим заменял длинный резиновый шланг. Такой кальян ставят в центр круга, и курильщики поочередно берут в

рот шланг и курят. В краю, где туберкулез, тиф, дизентерия и прочие болезни ежегодно уносят тысячи жизней, такой кальян является ближайшим помощником архангела Азраила.

Мы велели принести чай. В Аравии чай пьют черный, сладкий, сахар кладут прямо в чайник.

— Вижу тебе это не по душе,— вдруг заговорил Исфафил. Он все еще был мрачен, как туча.

— О чем ты?

— О нашем разговоре. Ты же спрашивал меня о двух саблях.

— Э, брат, хватился! Хвост кошачий в прошлом году сгорел, а запах только теперь дошел.

— Нет уж, сейчас ты меня выслушаешь. Вокруг много людей, а привязался я только к тебе. Хотя бы раз ты подумал об этом, неблагодарный! — Исфафил в сердцах поставил пиалу на стол и отвернулся.

«Бревно! Истукан!» — ругал я себя. Позабыл про семейные невзгоды и страдания приятеля и невольно обидел его. Душа у бедняги оказалась более нежной, чем я думал.

— Исфафил, дружище, извини меня. Ей-богу, я не хотел тебя обидеть. Поверь, ведь мы сидим под сенью Каабы.

— Ладно, что было, то быльем поросло,— сказал он и, грустно улыбнувшись, прибавил: — Хотя я и вижу, какую ценность для тебя представляет Кааба.

Пройдясь по базару и торговым рядам, мы уже приближались к дому, когда нас догнал запыхавшийся земляк Исфафила.

— Послушайте, вы хоть что-нибудь смыслите в здешних деньгах?

— А что?

— Кажется, меня надул продавец фруктов. Гляньте, я дал ему бумажку в десять риалов и взял четыре апельсина. Вот что он мне дал сдачи.

На потной ладони муллы Зульфикара лежали четыре риала и столько же курушей¹. Его обманули ровно на пять риалов. Нелегкое дело, имея в руках деньги, не знать, сколько они стоят. А может быть, произошла ошибка, и продавец принял десять риалов за пять?

Наше вмешательство не принесло никакой пользы. Сколько мы ни показывали знаками на небо, на стены и минареты Каабы, как ни старались, нам не удалось пробудить совесть лавочника. Напротив, владельцы соседних лавок, сбежавшиеся со всех сторон, обвиняли нас в глупости, обзывали клеветниками и лжецами.

В торговом мире есть железный закон: проверяйте деньги, не отходя от кассы. В противном случае можете жаловаться Аллаху. И хотя лавка пройдохи находилась у самых ворот дома божьего и жалобы и стенания муллы Зульфикара несомненно достигали ушей вездесущего, результат был нулевой.

Мы с Исфафилом извлекли из этого случая урок и начали усиленно изучать арабский язык, в особенности счет.

«Вахид, итнен, саласа, арбаа, хамса, ситта...» — повторяли мы от одного до десяти. «Сам будь начеку, а на соседа не думай, что он вор», — твердит народная пословица. Здесь не Уфа и не Душанбе. Если не сможем доказать, что нас обокрали, над нами будут смеяться даже обезьяны.

Дома меня ожидал мулла Ибрагим-ходжа. Старик сказал, что сегодня отправляется на Арафат. Он каж-

¹ Одна двадцатая риала; самая мелкая монета — два куруша.

дый год повторяет свой хаджж. После Арафата и долины Мина он на обратном пути заедет в благословенную Мекку, а затем вернется домой в лучезарную Медину. Когда мы, иншалла, посетим город, где почит прах пророка, мулла Ибрагим надеется удостоиться чести еще раз внимать моим беседам, а пока просит, чтобы я рассказал ему о его родном городе.

В последний раз я побывал в Ленинабаде года два назад. Обо всем, что видел там, рассказал старику. Я хорошо понимал, что наши паломники ежегодно рассказывали ему о бывшем Ходженте, но, по-видимому, он никак не мог насытить душу рассказами о своей родине, а может быть, и не мог поверить, что в советское время старинные города не разрушаются, а напротив, благоустраиваются и цветут. Ведь сведения, которые эмигранты черпали из радиопередач «Голоса Америки» рисовали именно такие картины.

— Говорят, базары закрыты? — осторожно спросил старик, стараясь не задеть мои чувства.

Я описал ему новый дворец-базар в квартале Пянджшанбе в городе Ленинабаде, один из самых красивых и больших колхозных рынков в Советском Союзе. Рассказал о знаменитом Дворце культуры колхоза «Москва», о комбинатах, заводах, рудниках, театрах, больницах, институтах и школах этого города. Поведал о славе его земляков, об искусных хирургах Комиле Тоджиеве, Зокире Ходжаеве и других врачах. Сообщил, что его земляк Султон Умаров является президентом Академии наук Таджикистана, Бободжан Гафуров в Москве руководит Институтом народов Азии, а книги писателя Рахима Джалила переведены на многие языки СССР и зарубежных стран...

И вновь слезы оросили морщинистое лицо старика, потекли по бороде и усам, слезы сожаления, слезы

разлуки и оторванности от родины. Эти горькие капли были плодом той жестокой ошибки, которая навеки останется для него непоправимой.

АРАФАТ

Взяв сумки, термосы и зонтики, мы погрузились в автобус.

Красный диск солнца прятался за пыльный горизонт. Бесконечные потоки тех же разноцветных автомобилей, которыми были вчера запружены улицы благословенной Мекки, теперь, подняв до небес облака пыли, устремились к священной горе Арафат.

Со всех сторон доносились голоса паломников, громко повторявших молитвы хаджжа. В нашем автобусе Тимурджан-кори распевал какой-то аят.

Смеркается. Мы проезжаем священную долину Мина. От края и до края ее разбиты палатки для паломников. Тысячи палаток, тысячи разноцветных и узорчатых шатров. Послезавтра сюда явятся правверные и трое суток будут предаваться молениям. Палатки и шатры установлены хозяевами гостиниц заранее, иначе их постояльцы останутся без крова. Мне, уже несколько дней облаченному в ихрам, перед светлыми очами Аллаха эти суэта и борьба за место кажутся по меньшей мере странными.

Мы проезжаем мимо второго палаточного городка, разбитого у священной горы Муздалифы. Провести ночь у подножия этой горы тоже наш священный долг.

Больше часа ищем свое пристанище в третьем палаточном городке. Хотя люди Сайфи Ишана заблаговременно заняли место, но пока что ими поставлено всего две палатки. В меньшей, открытой с одной стороны и напоминающей айван, разместился наш руководитель

со стариками. Вторую, попросторнее, заняли йеменские гости Сайфи Ишана с женами.

Мы лежим под открытым небом на каком-то старом паласе... На шесте горит керосиновый фонарь. Я и Исафил вынули из сумок московские сушки и запиваем их чаем. Мой термос, хоть и изящен, но зато мал. Благо, что Исафил взял с собой двухлитровый термос. Будто знал, что и на том свете предусмотрительность не мешает.

— Уже второе мая,— произнес я.

— Да, второе мая,— вздохнув, отозвался Исафил.

— В Таджикистане фруктовые деревья уже сбросили цветы и оделись в зеленые листья. Травы степей и лугов, молодая листва деревьев чисты и нежны, как изумруд.

— М-да,— протянул Исафил.— И в моем краю леса и поля сейчас удивительно красивы и привлекательны.

— Почему-то здесь я не ощущаю запаха земли. В Душанбе, особенно после весеннего дождичка, этот запах опьяняет.

— По-урусски не разговаривать! — раздался с дальнего конца нашего паласа окрик все того же Абдуракиджана.

Исрафил привстал, желая что-то сказать.

— Уважаемый вице-глава,—по-прежнему по-русски и нарочито громко, чтобы все слышали, обратился я к Исрафилу,— вот уже несколько дней я выполняю правила хаджжа о том, чтобы никого не обижать. Но кое-кто не соблюдает этого установления, и ты должен что-нибудь предпринять.

— Я вам говорю — по-урусски не разговаривать! — как тогда в Каабатулле с гневом и вызовом повторил Махсум-Жевака.

Если нельзя разговаривать по-русски с башкирами, казахами и татарами, то что же делать — повесить на рот замок? Порог дома Аллаха не подходящее место для споров, но надо было дать отпор Жеваке. Может быть, прочесть ему известное рубаи Авиценны о невежественных мудрецах? ¹

Некоторые из моих спутников знают таджикский язык, потому что изучение таджикско-персидских классиков входит в программу духовных школ Средней Азии и Казахстана. Но башкиры и татары не говорят по-таджикски. Что же прикажете делать?!

Может быть, лучше промолчать? Портить нервы спутникам — несовместимо с врачебной этикой. Однако, встав с места, я громко спрашиваю:

¹ Видимо, доктор имеет в виду следующее рубаи Абуали-ибн-Сины:

«С ослами будь ослом — не обижай свой лик!
Ослейшего спроси — он скажет: «Я велик!»
А если у кого ослиных нет ушей,
Тот для ословства — явный еретик!»

(Прим. автора).

— А почему, собственно, нельзя говорить по-русски?

— Не знаете почему?

— Нет.

— Не знаете, что это язык неверных?!

— Лет эдак двадцать пять назад слыхивал. Но теперь забыл. И, представьте, не встретил на своем пути умного человека, который своевременно напомнил бы мне об этом.

— Не надо быть таким забывчивым.

— Эти дни моя голова забита мыслями о хаджже. И еще мою голову не покидает одна мысль, мулла Абдуразикджан-ака, что пройдет еще несколько дней, и мы непременно вернемся домой. Там хорошо, Абдуразикджан-ака, хочешь, говори по-молдавски, хочешь, по-киргизски.

Все больше распаляясь, я продолжал свою речь. Исафил дергал и тянул меня за подол.

— Господа, — вмешался в спор мулла Нариман, — уважаемые господа, грех в такие дни затевать споры, нет, не возражайте, грех.

— Верно, дохтур-джан, нехорошо, — вставил мулла Урок-ака.

— Не я начал.

— Абдуразикджан-ака, ну что вы за человек? К чему все эти разговоры?! — мулла Урок-ака обернулся к моему противнику.

— Уж коли начался разговор, я должен вот что еще сказать, — не унимался я. — Вы знаете, что я таджик. Мой родной язык таджикский. Это язык Рудаки, Ибн Сины, Хафиза, Камола, Фирдоуси и Хайяма. Слава богу, на этом языке говорят десятки миллионов людей на земле. Я горжусь этим, но каждого, кто отзывается недобрым словом о другом языке, считаю самым что ни есть плохим гяуром. Мулла Абдуразикджан-ака, я это

вам говорю. Я и впредь буду разговаривать по-русски с кем захочу. От этого языка даже самому неблагодарному человеку досталось одно хорошее, но чтобы уразуметь это, мало обладать только тучной фигурой.

Махсум-Жевака поневоле проглотил эту колкость и смолчал. Другие тоже не раскрывали рта и сидели не шелохнувшись.

Из шатра нашего руководителя выглянул переводчик и окликнул муллу Абдурафика, сказав, что его зовет Кори-ака. Жевака ушел. Несколько минут прошло в тяжком молчании. Потом Тимурджан-кори и мулла Нариман один за другим поднялись и тоже ушли в шатер.

Подложив под голову сумку, я растянулся рядом с Исафилом. Усеянное звездами небо казалось очень близким. Протяни руку и дотянешься сразу до нескольких звезд. Но, оказывается, во сто раз лучше, если твоя рука коснется не звезд, а руки друга и единомышленника.

«Будь проклят тот, кто оторвался от родины. Кто оторвался от родины, тот раб на чужбине», — поется в народной песне. Попасть в чужую среду и выслушивать всякие глупые распоряжения и нотации от какого-то чурбана, по-моему, ничем не отличается от тяжелого рабства.

Хорошо бы, если человек перед выездом на чужбину брал с собой какой-нибудь знак своей страны и постоянно носил при себе. Пусть бы все встречные сразу видели, что ты из Союза Советских Республик, что все народы твоей родины всей своей мощью защищают тебя, хоть ты и находишься вдали от них. Да, это было бы хорошо, ведь земля еще носит на себе разных типов, для которых язык логики или уроки истории значат не больше пустой соломинки. Такие фрукты склоняют

голову только перед физической силой или силой оружия.

В какое общество я попал!

Уверен, что я первый гражданин СССР, выехавший вместе с соотечественниками за границу, который не гордится своими спутниками. Странный приоритет выпал на мою долю!..

— Курбан, не обижайся, я завтра поговорю с Кори-ака.

— Поговоришь с Кори-ака... Ты и сам начальство. Почему смолчал, не вмешался? Если этот заступник шариата еще раз сделает мне подобное замечание, ей-богу, дело не кончится добром.

Из шатра еще долго доносился голос Кори-ака, но разобрать его слова было трудно.

Мое туловище лежало на паласе, ноги — на песке. Я зарыл их поглубже в теплый слой песка и заснул.

...Канун Курбан-байрама начался с предрассветной молитвы, после которой паломники обычно часок-другой спят. Но сегодня молитва продолжалась без прерыва. Солнце поднялось уже высоко, когда нас позвали на завтрак. Прежде, приходя на место трапезы, я просил: «Подвиньтесь немножко», или попросту втискивался между сидящими и занимал место. Сегодня, как только я появился, мне без всяких просьб и разговоров освободили место. Может быть, это плоды моего вчерашнего красноречия? Или результат того, что Кори-ака как следует отчитал Махсума-Жеваку и других ученых мужей?

Дастархон украшали несколько ломтей черствой лепешки и блюдца с праздничной едой — нечто вроде жидкой мучной халвы, которую мы тоже едим в празд-

ники. Но от халвы так несло запахом прогорклого топленого масла, что я ограничился куском лепешки и пиалой чая.

— Дохтур-джан, отведайте, пожалуйста. Есть это блюдо — значит угодить богу, — потчевал меня мулла Урок-ака.

— Премного благодарен. Богу угодно, чтобы люди ели то, к чему у них лежит сердце.

Присутствие вашего покорного слуги становится все более неприятным кое-кому из моих спутников. Во взгляде Абдуразикджана-ака в это утро ясно было видно нечто близкое к ненависти. Хотя другие спутники были ласковы со мной, но за их мягкостью крылось что-то деланное, фальшивое.

— Уважаемые господа, — начал мулла Нариман, — с вашего позволения хочу напомнить, что благородство этой еды подчеркнуто в уважаемых и высокочтимых книгах, нет, не возражайте, подчеркнуто. Почтенная матушка Фатима... — и мулла Нариман принялся разглагольствовать о кулинарном искусстве высокочтимой супруги хазрата Али, льва господа бога. Он пересказал известное предание о том, как матушка Фатима сварила из черных булыжников обед для своих детей, и подчеркнул, что репа появилась на свет именно благодаря способности матушки творить чудеса.

— Не возражайте, нет, не возражайте, — закончил свою речь мулла Нариман, — репа появилась именно тогда.

Но уважаемый мулла напрасно настаивал на своем утверждении — ему никто не возражал. Все эти ученые мужи, начиная от старого муллы Мушаррафа-кори и кончая молодым Тимурджаном-кори, нисколько не сомневались в том, что репа является результатом чудотворства матушки Фатимы, что рис произошел от вы-

павшего зуба пророка, что пшеницу привез нам с седьмого неба хазрат Адам, что мышь вышла из ноздрей свиньи, а кошка из рта тигра, когда тому случилось однажды чихнуть на корабле хазрата Ноя...

Приволокли трех баранов, купленных на деньги Кори-ака, казначея Абдухалила-ака и кого-то еще из стариков. Животных сейчас зарежут. День жертвоприношения вообще-то наступит завтра, но сегодня в качестве штрафа приносят в жертву овцу или барана те, кто в Хартуме вынужден был нарушить установления хаджа, сняв с себя ихрам.

Слуга Сайфи Ишана, эфиоп-великан, взяв барана за шкуру и пришептывая какую-то молитву, легко поднял его в воздух и с силой ударил оземь; затем, придавив все четыре ноги барана огромной ступней, взмахом большого сверкающего ножа отделил голову от туловища. Меньше чем за полчаса эфиоп разделал трех баранов: содрал с них шкуры, выпотрошил и вручил туши повару.

Я не видывал столь проворного мясника. Он был куплен Сайфи Ишаном еще в детском возрасте и долгие годы провел слугой в доме. Его жизнь так и прошла на чужбине, без жены и детей, без своего угла, в рабском прислуживании своим господам. Впрочем цена его жизни была начертана в рано поседевших, но еще не потерявших пышность и курчавость волосах, в глубоких морщинах, прорезавших лоб и лицо вокруг губ, и грустных, глубоко запавших глазах.

До недавнего времени в благословенной Мекке в дни Курбан-байрама устраивался невольничий рынок. Ловкие дельцы из племени мусульманских негров, эфиопов и берберов, суля райский кейф¹ на том свете, уго-

¹ Блаженное состояние.

варивали невежественных правоверных, ради спасения души, совершить паломничество в святые места. Они везли их в благословенную Мекку, обещая несчастным после почтения дома Аллаха место в раю, и продавали в рабство. Ныне работорговля и рабовладельчество официально запрещены во всем мире, и правительство его величества торжественно объявило, что подобному бесчестию нет места в Саудовской Аравии...

Наш мутавафф сеид Абдуль Керим, подцепив на длинный шест пустую консервную банку, повел нас к священному холму Арафат. Для того, чтобы паломники не потеряли друг друга в этом скопище народа, руководители каждой группы шли впереди, подняв над головой, словно знамя, зонт, платок или баранью шкуру. Знаменем нашей группы служила консервная банка из-под ананасов, привезенная из Индонезии.

Выкрики «Лаббайка, Аллахумма, лаббайк!» и прочие священные возгласы перекачивались из края в край широкой долины. Вдалеке, километрах в трех отсюда, виднелась цепь невысоких гор. У подножия гряды выдавался вперед высокий холм. Туда мы и направились. По рассказам сведущих людей именно здесь в стародавние времена, через тысячелетия после изгнания из рая, встретились хазрат Адам и матушка Хава.

Широкая асфальтированная дорога была так забита взмок-

шими от пота людьми, мечущимися из стороны в сторону, что нам, как и в Каабе, приходилось плечами, грудью прокладывать себе путь вперед, все время держась за подолы друг друга. Несмотря на эту толчею, машины неотложной медицинской помощи американских, западногерманских и прочих марок, битком набитые паломниками, с душераздирающим завыванием мчались по шоссе, расшвыривая в стороны людей, словно моторная лодка, разрезающая воду. Я дивился, куда они так спешат. Ведь здесь нет ни радиотелефона, ни просто телефона, чтобы кто-нибудь мог вызвать их для экстренной помощи.

На склонах священного холма, от подножия до вершины, где возвышалась белая колонна, было множество искусственных источников (вода в них накачивалась из обычного колодца) и мест для обязательных молений. Паломники считали своим неременным долгом испить из каждого источника столько святой водицы, сколько мог вместить желудок. На каждом шагу на земле сидели истощенные немощные люди с побелевшими, покрытыми испариной лицами от неумеренного поглощения жидкости.

Подойдя к Кори-ака, я сказал, что было бы желательно по возможности воздержаться от употребления сырой воды. Собрав всех нас в кружок, Кори-ака важно сказал, что божья благодать, которая осеняет нас здесь, насколько не зависит от количества выпитой воды. Вполне достаточно испить по одному глотку из каждого источника, чтобы Аллах оценил нашу преданность вере. После этого высочайшего указания рекомендации врача обрели законную силу и, хотя и не полностью, но частично выполнялись.

Паломники все карабкались на священную гору. Более слабые скатывались вниз, вставали и вновь лезли

наверх, все в ссадинах, с окровавленными коленями и локтями.

При виде такого зрелища чувствуешь стыд, и душу охватывает боль. В течение веков мир находится в распоряжении человеческого рода, но люди, словно еще не встали на ноги и, как допотопные животные, ползают на четвереньках. Живя в светлом мире, под солнцем, эти несчастные будто топчутся в глухой пещере, в поисках неведомого им выхода.

...Наш предводитель сеид, гремя пустой консервной банкой, прошел мимо меня, и я пустился вслед за своей группой.

Шестерых из нас подселили к паломникам из Йемена, двум молодым людям лет двадцати четырех-двадцати шести, с женами. Протянув посередине палатки шнур и перекинув через него простыню, они разгородили палатку на две половины.

Один из молодых людей оказался учителем и немного говорил по-английски. Познакомившись, мы поведали друг другу, кто мы и откуда. Учитель из Йемена вынес нам из своей половины гроздь бананов. Исрафил, соблюдая этикет добрососедства, преподнес ему жестяную банку тахинной халвы. Некоторое время из-за занавески доносился спор обеих супружеских пар, после чего учитель вышел на «советскую» половину и, показав на жестянку, спросил, почему на ней нарисована собака. Халва была нетронута. По лицу было ясно, что наши соседи не очень довольны изображением на банке.

— Это Лайка. Первое живое существо, которое поднялось в небо... э... в космос.

— Ого! Лайка! Собака-космонавт! — воскликнул, по-детски обрадовавшись, учитель и юркнул за простыню.

С каждой минутой становилось все жарче и труднее дышать. Горячие испарения поднимались от раскален-

ного песка пустыни. Нас обдавали пышущие жаром струи воздуха, проникавшие в шатер. Из радиодинамиков, укрепленных на высоких шестах, по всей долине гремели суры Корана. Когда радио смолкло, йеменский учитель вышел к нам и, добровольно взяв на себя обязанности духовного пастыря, повелел повторять за ним вслух аяты, обязательные во время паломничества. Мы стали вторить ему. Из соседних палаток до нас доносились громкие голоса молящихся.

— ...И чтобы никогда не забыть о конце света,— читал учитель.

— ...И чтобы никогда не забыть о конце света,— вторили мы, как попугаи.

— ...И всегда заботиться об укреплении веры...

— ...И всегда заботиться об укреплении веры,— иступленно повторяли мы.

Потом по радио кто-то прочел проповедь о хаджже. Оказалось, что нынешнее паломничество является не простым хаджжем, а хаджж-акбаром, то есть великим хаджжем, который случается только в те годы, когда десятое число месяца зульхиджа выпадает на пятницу.

Я сказал Исфаилу, что родился в день праздника Курбан-байрама, в честь которого и назван Курбаном. Это известие оказало на моего приятеля странное действие. Он вдруг опустился на колени против меня, некоторое время, улыбаясь, смотрел мне прямо в лицо, затем крепко обнял за плечи и вышел вон.

— Эй, наиб¹,— крикнул я ему вслед,— спроси там у сеидов, собираются ли они сегодня кормить нас или нет?

Я проголодался, как волк. Вытерев полой ихрама пот с лица и шеи, тоже вышел из палатки. Если наши хозяева, потомки рода пророка, еще несколько дней будут нас

¹ Заместитель (араб.).

так же кормить и неписанное правило — кто смел, все съел — еще с неделю прогосподствует за столом, то «тот свет» непременно превратится для нас в постоянное местожительство.

Чтобы передвигаться по лагерю, необходим особый талант. Палатки и шатры воздвигнуты на расстоянии не более двух-трех аршин друг от друга. Все свободное пространство утыкано деревянными колышками, к которым крепятся веревки. Надо либо прыгать через переплетения веревок, либо, вонзив руки в обжигающий песок, ползти под ними на четвереньках. Все это требует от мужчины в юбке большой ловкости и терпения.

На каждые один или два шатра имеется один свой туалет; на пятачке между палатками вкопаны четыре шеста, укутанных куском старой материи. Это и есть укрытие для омовения и естественных надобностей, разместиться в котором можно лишь с большим трудом. От отхожих мест распространяется такое зловоние, которое в эту жару хуже, чем сто палок по покойнику.

Почтенный Коран говорит, что завтра, в день Страшного суда, все мертвецы без исключения услышат трубный глас хазрата Исафила и мгновенно восстанут из могил. Суматоха и толчея будут так велики, что брат не узнает брата, отец — сына, дочь — родную мать.

Вот и сейчас я наблюдаю знамение того света: из прибывшей нивесьть откуда автоцистерны распределяют воду. Вопли, крики, брань, звон медных и железных сосудов, сталкивающихся друг с другом у крана... Не думаю, чтобы схватка за воду у райского источника выглядела бы живописнее.

Вашего покорного слугу зовут в шатер начальства. Пойду. Послушаем, что мне скажут.

— Добро пожаловать, мулла Курбан!

— О, дохтур-джан, проходите, пожалуйста, сюда, поближе к Кори-ака.

— Пожалуйста, сударь, осчастливьте нас своим присутствием.

На нескольких блюдах принесли жаркое, приготовленное из мяса жертвенных баранов.

— Вы, сударь, оказались счастливымчиком,— произнес мулла Нариман,— родились в день великого хаджжа. Нет, не возражайте, родились. Совершаемый вами хаджж-акбар написан у вас на роду.

По правде сказать, я не знаком со сложностями лунного календаря и никогда не ведал, что являюсь столь важной персоной. Я с удивлением поглядывал на своих спутников. Они наперебой поздравляли и приветствовали меня. Даже на лице Максума-Жеваки, который первым схватил с блюда большую кость и грыз ее, увлажняя бороду и усы жиром и подливкой, я заметил промелькнувший на миг оттенок доброжелательства.

— Спасибо, благодарю вас,— не успевал я отвечать на поздравления.

Удивительно создан человеческий мозг! Услышав какой-нибудь афоризм или мудрое изречение, ты сразу решаешь, что все в нем понял. Однако проходят годы и, возмужав и поумнев, вдруг замечаешь в этом изречении новые грани. «Религия — опиум народа» — я впервые прочитал это еще в школе-семилетке на лозунге, который наши девочки вышили цветными нитками на шелковой материи и повесили в школьном зале. С тех пор прошло много времени, и я не сомневался, что до конца понял значение этих слов. Только теперь я вижу, что ошибся. Нужно побродить по белу свету, познакомиться с жизнью различных народов, многое пережить и передумать, чтобы понять, что породило это изречение.

Ученые мужи поздравляют меня, говорят, что я счастливчик. Пожалуй, они правы. Если счастье заключается в познании своего места в жизни, в понимании своего человеческого долга и в стремлении выполнить этот долг, то я, пожалуй, счастлив. Человек рождается на свет и по законам природы уходит из мира. Да, мысль о смерти, мысль, что в один прекрасный день ты навсегда закроешь глаза, не из приятных. Именно это и послужило причиной того, что люди выдумали утешающую сказку о том свете, об ином мире, о вечной жизни.

Когда-нибудь жизнь перед каждым поставит, как говорится, ребром такой вопрос: чего ты хочешь — сладкую сказку или горькую правду? Горькая правда в том, что ты живешь на свете один раз. Если ты настоящий мужчина, то проживешь эту жизнь достойно человека. Десять, двадцать, тридцать тысяч лет назад далекие предки делали для тебя доброе дело и сто лет назад среди миллионов людей было много таких, которые всю жизнь, все силы и способности отдавали на то, чтобы тебе сегодня было лучше, чем им. И ты должен выполнить свой долг и перед предками и перед потомками: положить хотя бы один кирпич в фундамент здания, которое называется Завтра.

Да, в этой единственной жизни не быть обманутым сладкой сказкой уже само по себе является немалым счастьем, подумал я.

— Дохтур-джан, вы что-то задумчивы сегодня, — сказал хаджи Абдухалил-ака.

— Да, вот, размышляю о том, какое странное все-таки создание человек, придумывающий разные вещи во вред себе.

— Все происходит по воле всемилостивейшего Аллаха, — вставил слово один из стариков.

— Вы имеете в виду вооружение? — спросил меня другой.

— И это, и многое другое. Например, вино и опиум. Хотя человек знает, что они вредны, однако ради нескольких мгновений путешествия в мир грез он отравляется вином и опиумом. Особенно опиумом во всех его разновидностях...

Собеседники согласно закачали бородами.

...Из пустыни несет жаром, как из раскаленной печи. Беготня пилигримов к холму Арафат и обратно по усеянной шатрами долине уменьшилась. Теперь больше шныряли машины неотложной помощи. От пронзительного рева их сирен нельзя вздремнуть ни на минуту. Только к вечеру я узнал, что поспешность, с которой метались по дорогам эти машины, не имела ничего общего с их назначением. Санитарные машины, как оказалось, использовались в качестве обыкновенных такси.

Учитель из Йемена, в третий раз прочитав с нами молитвы дня Арафата, скрылся на своей половине. Мы сидим, вытянув ноги, и, так как о стенки палатки опереться нельзя, прижимаемся друг к другу потными спинами.

Наше дыхание напоминает дыхание истомленных от жажды птиц, привязанных на солнцепеке.

В шатер сунул голову нищий-старик, прочел длинную молитву на арабском языке и попросил подаяния. Исафил дал ему монету. Учитель протянул из-за занавески два банана. С рассвета наш шатер посетило не меньше шестидесяти нищих. Получив милостыню, они уходили восвояси. Этот же тип, пока каждый из нас не дал ему что-нибудь, стоял, как истукан, не меняя позы, сверля пронзительным и требовательным взором каждого из нас поочередно. Я дал ему два куруша и спокойно продолжал курить. Однако он опустил на корточки и знаками показал, чтобы я дал ему еще и сигарету. Закурив и направив клубы дыма прямо в лица моих спутников, он что-то буркнул. Мы не поняли его. Он повторил свой вопрос. Из-за занавески ему что-то ответил йеменский учитель. Я разобрал одно только слово: «Русийя».

Услышав это, нищий вскочил на ноги, гневно замахнувшись в нашу сторону. Мы сидели, разинув рты от изумления.

— Русийя? — произнес нищий, тыча в нас пальцем.

— Русийя! — отозвался Исафил, с вызовом глядя на него.

— Русийя, — повторил нищий и, соорудив брезгливую мину, поднял недокуренную сигарету над головой, швырнул ее оземь и нервными движениями ноги стал ее топтать.

— Вон отсюда! — крикнул Исафил, дрожа от ярости. — Убирайся к...

Нищий насмешливо рассмеялся, не обращая никакого внимания на Исфафила.

— Русийя,— корчил он гримасы.— Русийя — плохо.

— Дурак! — крикнул Исфафил и, словно с ним спорил не попрошайка, а мы, обратился к нам:— Русийя — дружба! Русийя — мир! Русийя — родина братства и равенства...

В это время из-за простыни вышел йеменский учитель и пинками вытолкнул нищего из палатки. Тот растянулся среди паутины веревок. На шум прибежали братья Сайфи Ишана и с побоями прогнали нищего. Через некоторое время к нам зашел средний брат хозяина, сеид Абдулла, и недоуменно спросил, почему мы затеяли спор с безумцем.

— Это юродивый...— говорил он.— Он живет в нашем квартале...

Несколько минут прошло в молчании. Исфафил тяжело и глубоко дышал. Он никак не мог успокоиться. Вдруг мне стало нестерпимо смешно. Уткнувшись в подол ихрама (коль скоро громко смеяться воспрещено), я задышался от смеха.

— Чего хохочешь? — крикнул Исфафил.— Обезьяна показала тебе задницу, что ли?

— Мой друг один-единственный раз затеял праведный спор на чужбине, и то собеседник его оказался чокнутым.

Исфафил рассмеялся.

ХРОМЫЙ ДОКТОР

После полуденного намаза радио опять смолкло. Хозяева начали сворачивать палатки и шатры. Паломники тоже готовились в путь.

Мы должны пешком дойти до горы Муздалифы и ночь провести там. Пospорив с полчаса с муллой Нариманом, я наконец уговорил его ехать вместе с хозяевами на машине в Мина.

— Господа,— сказал мулла Нариман, поднявшись во весь свой огромный рост и покручивая усы,— уважаемые господа, слава богу, у меня достаточно силы, чтобы пойти пешком и заслужить величайшую милость Аллаха. Нет, не возражайте, достаточно силы. Но вижу, что ваше предложение, сударь, протекает из доброжелательства и благодеяния. Поэтому, сударь, я его принимаю, нет, не возражайте, принимаю.

Все три асфальтированные, идущие параллельно друг другу дороги забиты выстроившимися в несколько рядов автомашинами. Пространство между дорогами заполнено пешими и сидящими на ишаках и верблюдах паломниками. Однако никто не двигался с места. Нам объяснили, что этот огромный караван сдерживают солдаты. Как только настанет положенный час священного похода, будет произведен залп из пушек. Только тогда караван придет в движение. Выйдя на дорогу, мы стали позади группы смуглых бородатых паломников. Исрафил пересчитал всех нас и объявил, что одного не хватает. Потерялся один из старейших спутников. Назначив место свидания, мы разбрелись в разные стороны в поисках кори Мушаррафа. Это оказалось не легким делом — в толпе одинаково одетых людей отыскать нужного человека. Но старик все же нашелся. Он переел жирного бараньего жаркого и у бедняги заболел живот. Мой земляк мулла Тешабой обнаружил его за какой-то старой железной бочкой.

Впрочем, половина группы страдала желудком, и ваш покорный слуга ежеминутно раскрывал свою сумку и раздавал страждущим синтомицин и фталазол.

мгновение заволочла небо. Завеса была такой плотной, что даже приблизительно нельзя было определить, с какой стороны светит солнце.

Видимо, в этой бешеной гонке автомобилей, наездников и пешеходов есть что-то благостное для Аллаха, думал я. Ведь расстояние до Муздалифы можно пройти и спокойно. Но ни водители не остерегались того, что могут раздавить в начавшейся толчее какого-нибудь немогущего старца, ни пешеходы не думали об опасности превратиться в лепешку под тяжелыми колесами автомобилей. Матери с маленькими детьми на спинах бежали за своими мужьями, падали, вставали и вновь бежали по обочинам дорог, по вязкому песку междоузья. Ослы и верблюды в пестрых сбруях, обвешанные колокольчиками и побрякушками, обезумев от шума и криков, неслись во весь опор, брызгая пеной по сторонам.

На больших скоростях мчались тяжелые, длинные автобусы и грузовики из Турции. На крышах автобусов, по бортам грузовиков грохотали привязанные там железные бочки с водой и бензином. Спереди и сзади турецких автобусов латинскими и арабскими буквами красовалась надпись — «РАИС ОГЛУ». Очевидно, господин Раис оглу хозяин какой-нибудь большой транспортной фирмы.

Шагать по песку через колючие заросли янтака и полыни трудно, и Исфафил ежеминутно стремился выйти на обочину шоссе, а я тянул его назад.

— Дорогой, с точки зрения медицины, лучше быть истоптанным копытами верблюда, чем раздавленным колесами автобуса, даже принадлежащего высокочтимому господину Раис оглу.

— Верно говоришь, хаджи. Но еще лучше невредимыми вернуться домой.

Смеркалось. За плотным облаком пыли и песка неба по-прежнему не видно. Мы пришли в какое-то ущелье, одни паломники спешили, другие вылезли из машин, и все разбрелись по ущелью. Нам велели собрать камешки для завтрашнего обряда. В святой Мина находятся три каменных истукана, олицетворяющие проклятого шайтана. По законам хаджжа именно в этом ущелье паломники собирают по шестьдесят три камешка каждый и, разделив их на три части, в течение трех дней пребывания в Мина должны швырять их в дьявола.

Наощупь в темноте я собирал камни, как вдруг услышал голос Искандара:

— Эй, заслуженный врач, разрешите побеспокоить вас вопросом?

— Пожалуйста, о затворник темных рентгеновских кабинетов, несравненный знаток человеческого скелета! Спрашивайте!

— Сделайте одолжение, скажите, пожалуйста, почему вы бороздите своим святым носом эту священную землю?

— Ошибаетесь, о великий исследователь камней в печени и почках. Я ощупываю землю руками, а не носом. Ваш покорный слуга должен собрать на этой земле шестьдесят три камешка, чтобы завтра, послезавтра и послепослезавтра бить ими подлого дьявола.

— Так чего же ты мешкаешь? Неужели так трудно найти горсть камней в этом каменистом ущелье?

— О тончайший знаток человеческих ребер, сколько уже дней ваш покорный слуга обращает ваше просвещенное внимание на тонкости обрядов хаджжа? Выходит, что труды мои пропадают зря?

— Надеюсь, вы простите меня. Если не ошибаюсь, высокий титул хаджи будет теперь обязывать вас более милостиво, чем прежде, относиться к грехам и недостаткам простых смертных, особенно своих товарищей.

— Что поделаешь, простил. Так знайте, что для побиения шайтана годится не всякий камешек. Муджтахиды, то есть мудрейшие из ученых знатоков ислама, а также святые и духовные отцы прошлого и настоящего изволили указать, что камешек этот должен быть не меньше горошины и не больше финиковой косточки. Поэтому дело, которым я сейчас занят, требует чрезвычай-

чайного внимания и точности. Желаю вам радостей в жизни.

— А я вам желаю удачи. Если будет возможность, соберите несколько камешков сверх нормы и от имени вашего далекого товарища швырните их в темя великого провокатора шайтана, ибо все мои прегрешения рождены его интригами.

— Хорошо. Если хотите, я все шестьдесят три камешка швырну в голову дьявола, мстя за вас.

— Безгранично благодарен. Еще раз убеждаюсь, как много добрых людей на земле...

Исрафил, рядом со мной ковырявшийся в земле, тронул меня за локоть:

— Ты что-то сказал?

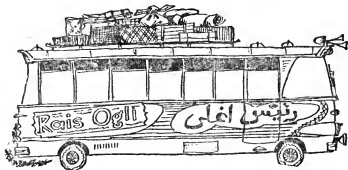
— Нет.

— Мне показалось, ты что-то бормочешь.

— Молюсь.

— Вот оно что!

Через минуту он снова спросил:

- Собрал?
- Собрал, но еще не сосчитал.
- Посчитай.
- Ничего если будет меньше или больше?
- Нельзя. Посчитай.

Завязав камешки в подол ихрама, мы пустились в дальнейший путь.

В полночь показалась долина Муздалифы. Так же, как и долина Арафата, она была освещена керосиновыми фонарями. Паломники, усевшись прямо на землю или на паласы, занимались запоздалым ужином и молитвами.

И тут у меня подвернулась нога, и я вывихнул лодыжку. С трудом, прихрамывая, добрался я до места, которое занял для нас сеид Абдуль Керим.

Состояние муллы Урок-ака после этого длительного перехода было не лучше, чем у меня. Тучный мужчина, не привыкший ходить пешком на дальние расстояния, он вторую половину пути передвигался, как беременная на сносях. Его растертые в кровь ляжки превратились в живую рану. Я дал ему марганцовки, велел растворить в воде и хотя бы приложить намоченную вату, если нет возможности сделать ванну. Сам же я, смастерив мазь из различных порошков и вазелина, туго забинтовал распухшую лодыжку.

Нам дали по куску лепешки. Кое у кого в термосах оставался чай.

Боль в ноге и жажда мучили меня. К тому же в эту ночь нам не на чем было спать. На семнадцать паломников, на гида и меня нашелся всего один старый узкий палас. Мне достался пятачок, на котором мог бы уместиться только среднего размера котенок. Но и того я лишился, когда вернулся после бесплодных поисков воды.

По одну сторону от места нашего ночлега стоял грузовой автомобиль из Ирака, по другую — машина неотложной помощи из Сомали¹.

Опершись спиной о кузов неотложки, я раздумывал о том, как проведу с больной ногой ночь на острых камнях. Ничего, убеждал я себя, когда станет неспособен и голым уснешь на камнях, а на тебе еще есть ихрам.

Что-то коснулось моих волос.

Шофер неотложки, который устроился на крыше машины, знаками звал меня к себе. В машине спали две толстенные сомалийки, видимо, из состоятельных семей. Ту ночь я провел на покато́й крыше автомобиля, рядом с душевным малым, водителем из Сомали. Он спросил, откуда я, и, узнав, что я суфиитий, спустился на землю и исчез, а спустя полчаса принес мне резиновую надувную подушку и полбутылки кока-колы.

«Сделай добро и брось его в реку.
И добро воздастся тебе в пустыне»,—

говорит поэт.

Мои соотечественники строят в Сомалийской пустыне госпитали, ирригационные сооружения и различные промышленные предприятия. Сомалийцы питают симпатию к советским людям за бескорыстную помощь, за поддержку их стремления к независимости и прогрессу. И вот благодарностью сомалийцев к Советскому Союзу в третьей стране пользуюсь я. Великий век, великое время все-таки XX век! Жители самых отдаленных

¹ На большинстве автомобилей, пришедших своим ходом в Саудовскую Аравию, сбоку или сзади, мелом или краской были написаны названия государства, компании или имя владельца этих машин (Ф. М.).

уголков земного шара поняли, что их судьбы неразрывно связаны с судьбой всего мира. Люди, жившие в джунглях, в пустынях, на вершинах целующих небо гор, столетиями не ведали ни друг о друге, ни о мире. Теперь они вышли из узкого круга прошлого на великую арену всех шести континентов...

На рассвете, едва мои спутники кончили молитву, из-за минаретов мечети у подножия святой Муздалифы грянул орудийный залп.

Оказалось, что мои старательные паломники начали молиться раньше времени. Пришлось им помолиться еще раз вместе со всеми.

Да, наши муллы так ревностно соблюдают все религиозные правила и ритуалы, что зачастую оставляют памного позади себя самых правовернейших собратьев по вере.

Долина Муздалифы пришла в движение. Подхватив свой скаרב, паломники взяли направление к долине Мина.

Однако наша группа осталась на месте. Сеид Сайфи Ишан обещал прислать за нами автобус. Водитель неотложки предложил подвезти меня до Мина, но я отказался, хоть и хромал. Разве найдешь потом своих в этом столпотворении?! Как и в Арафате, в долине Мина у них не будет точного адреса.

Муздалифа опустела. Один из слуг Сайфи Ишана принес известие, что автобуса не будет — на дорогах Мина такие пробки, что до самого вечера автомашины не смогут сделать и метра.

Воспользовавшись правами вице-главы группы, Ибрафил поручил мой чемоданчик с медикаментами кому-то из молодых кори. Затем достал где-то бамбуковую палку и, соорудив мне подобие костыля, взял под руку не ко времени охромевшего врача.

ПОБИЕНИЕ ШАЙТАНА

Часов в одиннадцать утра мы добрались до святой долины Мина. В чайхане, в углу, завешенном циновкой от солнца, остановились на отдых. Наш руководитель велел мне остаться здесь, пока другие сходят на скотный базар, купят овец и баранов и, после обряда жертвоприношения, отправятся бить шайтана. Кори-ака отдаст, мол, распоряжение, чтобы кто-нибудь из слуг пришел попозже за мной и за старым паласом, который мне оставили.

Все ушли. Вдруг появился Исрафил.

— Ты почему вернулся?

— Пойду попозже, — сказал он, потупившись.

Видимо, мой приятель устыдился, что оставил меня одного.

— Спасибо, друг, но не приведи господь, чтобы ты из-за меня опоздал на обряд жертвоприношения.

— Не опоздаю. У тебя утихнет боль и мы пойдем вместе. Скотный базар и место жертвоприношения недалеко отсюда. Мне показали где.

На дорогах стояли нескончаемые ряды автомобилей. Время от времени они продвигались на несколько шагов и вновь надолго застывали на месте. Водители, не удовлетворяясь пронзительными гудками, высовывали из кабин головы и нещадно крыли всех и вся на чем свет стоит.

По обеим сторонам дороги — ряды временных харчевен, ларьков, менял, бакалейных и галантерейных лавчонок, чайхан и киосков с водой. Торговля шла бойко. Торговцы, у которых не хватило средств поставить себе отдельный ларек, находили свободный клочок земли, растягивали над головой тент и, разложив товары прямо на земле, зазывали покупателей.

Арабский мальчонка лет двенадцати торговал фруктовой водой, а старик поодаль от него варил в медном кувшине над переносным очагом жидкую халву.

— Ишриб барид!¹ — звонко кричал мальчик, но прохожие не обращали внимания на его зазывные крики. — Кукола! Пепси-кола, маринда! — перечислял он названия вод.

— Эй, сынок, — по-башкирски обратился к нему Исафил.

Мальчик оглянулся.

— На тебе риал, дай пепси-колу.

Взяв у мальчика открытую бутылку, он спросил:

— Имя?

— Ибрагим, — ответил тот таким тоном, будто сообщал, что его отец является по крайней мере фельдмаршалом.

— Мактаб?²

Мальчик, не понимая, пожал плечами.

— Медресе? Учение? — повторил Исафил.

Мальчик снова не понял, хотя эти арабские слова известны всем мусульманам. По-видимому, у Исафила было плохое произношение.

Тогда мой товарищ сложил ладони корабликом, показывая, будто читает книгу, а затем жестами изобразил процесс письма. Мальчик безразлично ответил:

¹ Пей холодное (араб.).

² По-татарски школа, однако мальчик не понял, так как по-арабски это слово означает бюро, рабочий кабинет.

— Ла,— тут же отвернулся и громче прежнего закричал:— Маринда, маринда, маринда! Ишриб барид!

Видимо, жертвоприношения на площади возле рынка были в разгаре. Неимущие паломники и местные жители из бедняков тащили оттуда зарезанных, но еще не освежаванных овец и баранов. Наиболее алчные волокли целых баранов, однако раскаявшись на полпути, отрезали от своей добычи задние ноги, а тушу бросали позади какого-нибудь ларька или прямо на дороге под колеса замершего на месте автомобиля.

Эта картина увела мои мысли далеко-далеко. В одной из книг по истории древнего мира я видел изображения полураздетых первобытных людей, которые с блестящими от вождления глазами волочили по земле тушу какого-то допотопного животного. Чего только не увидишь, каких обычаев и нравов не насмотришься, путешествуя по белу свету!

Исрафил обмахивался подолом ихрама.

— Теперь можно потихонечку двинуться,— сказал я.

Исрафил прошел за чайхану и через несколько минут принес мне новую трость, подлиннее и покрепче первой, на которую можно было опираться, не опасаясь, что она сломается.

Оставив старый палас Сайфи Ишана и сумки с термосами у чайханщика, мы отправились на скотный рынок. В толчее покупателей и торговцев трудно было пробиться даже здоровому человеку. Исрафил ушел один, я раскрыл зонтик и уселся в сторонке.

Паломники приводили купленных на базаре овец и баранов на площадь жертвоприношений. В несколько параллельных рядов здесь были выкопаны длинные и глубокие рвы. Специально назначенные на дни праздника мясники, стоя возле рвов, принимали овец и баранов у ждущих очереди правоверных и за мзду, величина ко-

торой зависела от щедрости паломника, резали животных. Кто хотел, мог взять мяса сколько угодно. В первой половине дня желающих пользоваться бесплатным

мясом было много, но теперь, по-видимому, все уже нахваталось и возле мясников за короткое время выросли такие горы туш, что мясникам пришлось передвигаться на свободное место.

Пройдя таким образом вдоль одного рва, мясники переходили к другому, и тогда американский бульдозер, ждущий поодаль с незаглушенным мотором, подъезжал и сгребал в ров эти груды мяса. Второй бульдозер засыпал заполненный ров землей.

По свидетельству священных книг, скот, принесенный в жертву, сослужит своим жертвователям в день Страшного суда добрую службу. Зарезанные бараны узнают своих благодетелей среди множества мусульман, которые предстанут перед тронем господним, и перевезут их на себе прямо в рай через мост Сират, протянувшийся над огненными языками адского пламени.

Тоньше волосинки, острее лезвия сабли и горячее огня, вот какой он, мост Сират. В подобных условиях физическая сила и моральное состояние транспортного барана играют немаловажную роль. Мало того, что мост Сират, как видите, довольно узок, а под ним в преисподней кишмя кишат змеи и скорпионы, драконы, разевающие пасти в ожидании лакомого кусочка, он к тому же бесконечно длинный. Мусульманин, умудрившийся остаться целым и невредимым после дубины Мункара и Накира, после тумачков и пинков тысячи ангелов, состоящих при весах, на которых измеряют тяжесть грехов, должен тридцать тысяч лет ехать верхом на баране по мосту Сират: десять тысяч лет карабкаться вверх, десять тысяч лет плестись по ровному месту и еще десять тысяч лет — под уклон. В «Мираджном»¹, этой интереснейшей поэме о странствиях пророка и мучениях Судного дня, указывается, что один день на том свете равен тысяче лет на этом.

Своим костылем я нацарапал на земле цифры и пересчитал 30 000 лет, то есть время, которое занимает у правовеверного путешествие через Сират на баране, на наши земные дни. Получилось, что бедняга мусульманин едет через мост Сират 3 996 750 000 000 дней. Три триллиона девятьсот девяносто шесть миллиардов семьсот пятьдесят миллионов суток, день в день!

Я позавидовал неграмотным и полуграмотным людям, которым неведомо, что означает эта цифра. Знай человек, что, даже не согрешив в этом мире, он все равно на том свете будет десять миллиардов девятьсот пятьдесят миллионов лет ехать верхом на баране, он бы еще до появления на свет воскликнул бы: «Не нужно мне твоих миров, ни того, ни этого!»

¹ Книга мираджа — мусульманская легенда о чудесном путешествии Мухаммада в небо к Аллаху.

- Пришел Исафил. Я спросил:
— Твой баран был сильный, здоровый?
— Пуда на два мяса и сала.
— Тогда ничего.
— А что?
— Просто так, интересуюсь.

После полудня заторы на дорогах рассосались. Шоссе, обочины, все окрест было завалено шкурами, головами, внутренностями зарезанного скота. Время от времени какая-нибудь машина наезжала на взбухший желудок барана и нечистоты с треском обрызгивали пешеходов. Начиналась брань, крики, шум. В воздухе стояло тяжелое зловоние, от которого казалось, вот-вот остановится сердце. Однако никто не ударял палец о палец для очистки дорог. Лишь изредка встречались люди в военной форме с каким-то аппаратом, похожим на миномет, который изрыгал дезинфицирующий дым на людей, харчевни и чайханы. Единственная польза от такой поверхностной дезинфекции состояла, видимо, лишь в том, что она служила кому-то успокоением.

Побиение шайтана являло собой довольно грустное зрелище. Такое же чувство, наверное, испытывает человек, видя судорожные подергивания знакомого, внезапно потерявшего рассудок.

Белый каменный столб, якобы олицетворяющий дьявола, огорожен белой каменной стеной в рост человека. Собравшаяся вокруг ограды толпа человек в пятьсот забрасывает истукан сатаны камнями. Часть паломников, швырнув семь камешков, деловито переходила ко второму истукану, другие же, войдя в раж, как это случается со свихнувшимися заклинателями, иступленно хватали валявшиеся под ногами камни и забрасывали ими шайтана. Но и этого им казалось мало: срывая с ног

чувяки, они швыряли и их. Стоящие впереди колотили по ограде ногами, кулаками и даже локтями и головой, изливая на каменный истукан весь свой запас проклятий и ругательств. Время от времени приближались солдаты и оттаскивали в сторону наиболее рьяных правоверных.

Истукан был завален камнями. Они пересыпались через ограду, а обезумевшие паломники подбирали их и вновь метали в дьявола. Среди навала камней красными, белыми, зелеными, синими пятнами выделялись чувяки пилигримов.

Второй истукан отстоял от первого примерно на пятьдесят шагов и на столько же от второго — третий. Маленькие крепости-ограды вокруг второго и третьего истукана имели соответственно форму треугольника и квадрата. Собравшиеся вокруг них толпы с такими же воплями и проклятиями исполняли святой обет.

Во времена хазрата Ибрагима здесь не было ни этих шайтанских истуканов, ни оград вокруг них. По священным преданиям, в те времена тут бродил сам шайтан и, как говорится, развивал бурную деятельность.

Хазрат Ибрагим халидульлах хотя и выпроводил свою молодую жену матушку Агарь в раскаленную пустыню, но не смог вычеркнуть ее из сердца. Время от времени втайне от матушки Сары он уходил в пустыню и, отведя душу с матерью хазрата Исмаила, возвращался домой. Что ни говори, хоть он и халидульлах, а все-таки человек и не был лишен человеческих слабостей.

В один прекрасный день раздался голос с неба:

— Эй, наш искренний друг, ответствуй, кто из твоих сыновей наиболее близок отцовскому сердцу? Исхак, Исмаил или кто-нибудь другой?

— Исмаил, — отвечивал искренний друг Аллаха.

— В таком разе принеси его нам в жертву.

— Пожалуйста, мой владыка,— сказал халилулльлах и, быстренько отыскав юного хазрата Исмаила, потащил его в долину Мина на то самое место, где ныне огромные рвы заполняются тушами принесенных в жертву овец и баранов.

Исмаил, смекнув о намерении отца, бесконечно обрадовался. В самом деле, разве это не удача, если родной отец хочет принести тебя на алтарь милостивого бога?

Но не дремал неумный шайтан. Приняв человеческий образ, он стал подстрекать отрока.

— Батюшка,— обратился юный хазрат к искреннему другу Аллаха,— за мной по пятам ходит один дядя. «Не будь дураком,— говорит он,— скорее беги отсюда, а то пропадешь ни за грош».

— А ты не слушай его,— наставил сына хазрат Ибрагим.

Но шайтан продолжал свое шайтанское дело, трижды появившись в различных облициях, он всякий раз провоцировал хазрата Исмаила, и тот камнями отгонял шайтана прочь.

В конце концов халилулльлах положил сына на землю и резанул ножом по горлу. Однако нож не резал, потому что как раз в это время незаметно прилетел архангел Джабраил и, ударив своим крылышком по лезвию ножа, затупил его. Халилулльлах трижды провел ножом по горлу сына, но все без толку. И тогда искренний друг Аллаха, осерчав, швырнул нож оземь.

— Ты говоришь, режь, Аллах говорит, не режь,— вспылив, крикнул нож. От гнева он чуть не добавил: «Только голову морочите»¹,— но тут же сообразил, ка-

¹ Пусть уважаемый читатель не подумает, что говорящий нож плод фантазии нашего доктора. Нет, этот случай дотошно, слово в слово рассказан в книге прославленного ученого ислама XIV века хазрата Рабгузи «Кисас-уль-анбио». (Ф. М.)

кое высокое положение занимают те, о ком он говорит, и осадил свой гнев.

Вот почему ныне мясники-мусульмане, собираясь зарезать какое-нибудь живое существо, сперва трижды легонько проводят ножом по горлу и лишь в четвертый раз нажимают на лезвие. Поэтому-то здесь, в святой долине Мина, в трех местах установлены истуканы, воплощающие распроклятого шайтана, чтобы мусульмане ежегодно приезжали сюда и в течение трех дней мстили за оскорбление чувства своего халилুলльлаха и его достойного отрока.

Историки утверждают, что побиение шайтана камнями стало обычаем не случайно. Эта традиция существовала еще в первобытном обществе. И тогда чертей забрасывали камнями, комками земли или даже пометом животных. Арабка, например, после смерти мужа в течение года соблюдала траур, выполняя обет ифтидад¹. В годовщину смерти мужа, стоя у своего шатра, она швыряла помет в сторону кладбища. Да, такие обычаи существовали. Книг тогда не было, не было и наук, и бедная вдова верила, что дух ее мужа продолжает кружиться над ее шатром и что его надо прогнать, чтобы он не творил зла новому ее мужу и ей самой.

Честное слово, ваш покорный слуга чрезвычайно рад, что с течением времени люди все-таки забывают кое-какие былые обычаи.

Когда-то у древних племен существовала мода проводить нечто вроде экзамена на зрелость. Юноше делали обрезание, затем выбивали три-четыре зуба, чтобы убедиться в том, может ли он как мужчина мужественно переносить боль.

Но обычай выбивания зубов, слава Аллаху, забыт.

¹ Обет воздержания.

Ох-ох, представьте себе, что было бы, существой этот обычай и поныне! Может быть, зубные техники и не рады тому, что он канул в прошлое, но ваш покорный слуга, будучи терапевтом, несколько этим не опечален.

Исрафил, перебирая четки, шел молча, опустив подбородок на грудь. Я поинтересовался, почему он кидал камни только в два первых образа шайтана, а в третий нет. Он не ответил. Решив, что он не расслышал меня, я повторил вопрос.

— Ни о чем не спрашивай сейчас, дорогой,— грустно отозвался Исрафил, просительно глянув на меня.

Мы понуро брели дальше, пока не достигли своего нового обиталища у подножия горы.

Теперь мы избавлены от житья в палатках. Для нашей группы выделили одну комнату с навесом. В остальных комнатах, выходящих на тот же двор, живут другие гости Сайфи Ишана.

Мои спутники принялись брить головы, совершать полное омовение, снимать ихрамы и переодеваться. Мулла Нариман, разоблачившись прежде других, надел на себя длинную арабскую рубаху и, приблизившись ко мне, по привычке начал произносить речь.

— Уважаемый сударь, обо мне не беспокойтесь, самочувствие у меня отменное. Знайте, сударь, что мой отец, ходжа Кахрамон, до последнего своего дыхания носил такое же одеяние, нет, не возражайте, носил, да предоставит Аллах ему место в раю. Носить такое одеяние, сударь, весьма богоугодное дело. Обязательно купите, сударь. Всего двадцать пять риалов, нет, не возражайте, всего двадцать пять.

— Спасибо, возможно и куплю. Кто может знать, что сделает человек в следующую минуту.

— Да, да, сударь, именно, никто не может знать. Не возражайте, не может.

Бреясь, я увидел на своих висках несколько седых волос, которых прежде не замечал. До тридцати пяти лет я прожил без единого седого волоса, вызывая этим зависть сверстников.

Что же, теперь они успокоятся.

Подошла наша очередь за водой, и мы с Исфафилом, поливая друг друга, смыли священную пыль святого Арафата.

Возвращение к обычной человеческой одежде нашего времени явилось для меня большой радостью.

НОВАЯ ПРОФЕССИЯ

На рассвете пятого мая меня разбудил сеид Абдулла — Скорее, доктор, человек умирает.

От нашего дома до самой дороги раскинулись разноцветные шатры. У одного из них на циновке лежал мужчина. Над ним, всхлипывая, сидела женщина в черной чадре. Сердце мужчины давно уже не билось. Увидев, что я быстро встал, женщина испустила душераздирающий крик. В предрассветной тишине ее одинокий вопль был страшен.

— Что с ним? — спросил сеид Абдулла.

Я развел руками:

— Поздно.

— Да осенит его Аллах, — отозвался Абдулла.

Состояние кори Мушаррафа с вечера было неважным. Рези в желудке за два дня истомили старика. Увидев смерть чужого паломника, я забеспокоился и поспешил к старому кори. К счастью, сегодня ему стало лучше. Я строго предупредил его, чтобы он продолжал соблюдать диету и упросил сеида Абдулла готовить старику пищу отдельно.

Мы теперь щеголяли в своей обычной одежде и паломники из других стран, признав нас по тюрбейкам, вступали с нами в беседы. Мы бродили по торговым рядам, когда один из наших бывших соотечественников, поздоровавшись и расспросив о здоровье и самочувствии, поманил нас в сторонку:

— Я купил часы, прошу вас, посмотрите, пожалуйста.

— Но мы не разбираемся в часах,— удивленно ответил я.

— Досконально разбираться незачем, взгляните, и на том спасибо.

Он вынул из внутреннего кармана халата золотые часы и протянул нам. Ибрафил с видом знатока стал рассматривать их со всех сторон.

— Отменные часы. У моего сына такие же, хорошо ходят,— сказал он и, как это случалось с ним и прежде, вспомнив о сыне, насутился и взгрустнул.

— Я сам вижу, что хорошо ходят. Вы только скажите, это настоящее золото или нет. Иностранные буквы мы не можем читать.

Часы были марки «Полет». Мы объяснили незнакомцу, что часы эти выпускает московский завод, что корпус из чистого золота, пусть он успокоится.

Нас позвал в гости один из эмигрантов, Абу-Саадулла Ферганский. Мы отправились в его шатер. Перед нами расстелили дастархон, принесли фрукты, лепешки.

Саадулла Ферганский познакомил нас со своими братьями. Кори-ака в свою очередь представил каждого из нас. Один из братьев хозяина, сидевший рядом со мной, горделиво сообщил, что его старший сын летчик, а младший в этом году кончает полицейское училище. Я сказал, что отец таких способных сыновей должен чувствовать себя счастливым.

— Аль-хамдуллила! Слава всевышнему! — воскликнул он и, помолчав, без всякой связи с тем, что говорилось до этого, спросил: — Ну, а как в вашей стране идет борьба с пережитками?

— Неплохо. Там, где строят новый дом, непременно выметают остатки старого.

— А разве следует выметать такие «остатки», как поэзия Низами и Бедия, Саади и Навои?

— Простите, но ваши слова откровение для меня. Кто вам сказал, что поэзия Саади и других классиков — это ненужные пережитки прошлого? Кто вам это сказал?

— Так уж повелось в вашей стране...

— У таджиков есть поговорка: «С мельницы пришел я, а ты утверждаешь, что там закрома пусты». Можно очутиться в паутине лжи, но ведь за десятки лет не так уж трудно узнать правду о своей бывшей родине.

Я шепотом передал Кори-ака вопрос брата хозяина. Поскольку среди них я один не был муллой, мне хотелось, чтобы этот мужлан услышал ответ из уст человека, который является для него бесспорным авторитетом.

Кори-ака с улыбкой ответил, что у нас в стране никогда не запрещали произведений классиков, напротив, изучение их введено в программу обязательного обучения в школах.

Я добавил, что диваны поэтов и мыслителей прошлого издаются и переиздаются нашими крупнейшими издательствами во многих тысячах экземпляров и продаются по доступным ценам не только на языке оригинала, но и в переводах на языки народов Советского Союза.

Впрочем, только теперь я вспомнил, что самая хлопотливая часть паломничества завершалась со снятием ихрама. Теперь хаджи и их хозяева имели много времени для разговоров. Беседы с моими спутниками завязы-

вались прямо на улицах и рынках, им задавали разные вопросы и рассказывали разные новости.

Тимурджана-кори, например, вчера спросили:

— Говорят, в вашей стране жены обобществлены. Как терпят это положение джигиты-мусульмане?

Молодой кори рассказал нам, что он едва не схватился с этим пустобрехом, но, сообразив, что такой дурацкий вопрос тот мог задать только с чужих слов, сдержал гнев и спокойно разъяснил, как обстоят дела в действительности.

Другого нашего паломника известили о том, будто на родине мы питаемся из общего котла махаллы, то есть, взяв миски и чашки, дважды в день бегаем к квартальному котлу, где Советская власть варит суп из капусты для всех жителей квартала.

Догадываюсь, что источником подобных сведений является «Голос Америки» или радио «Свободная Европа». От их информации несет плесенью обветшалой антисоветской пропаганды. Некоторое время тому назад в Москве были опубликованы протоколы юридической комиссии сената Соединенных Штатов Америки. Еще в феврале и марте 1919 года эта комиссия пыталась вынудить прогрессивного литератора Джона Рида и его жену Луизу Брайант, Раймонда Роббинса и других американцев выступить в печати с заявлением о том, что жены в Советской России обобществлены, все питаются из общего котла, спят под одним одеялом и так далее.

Вся эта трепатня давно осточертела, но примечательно, что в своих передачах на русском языке «Голос Америки» остерегается сообщать такие идиотские сведения, зато на персидском продолжает то же самое и, как выяснилось в последние дни, делает это и на арабском.

По пути из шатра Саадуллы Ферганского мне и

Исрафилу снова пришлось выполнять роль знатоков-ювелиров. Какой-то человек показал нам пару женских золотых браслетов, которые вместе с изумрудными и рубиновыми камешками весили примерно граммов восемьдесят. Он попросил нас прочесть номер пробы и сказать из какого золота сделан браслет. Исрафил успешно справился с этой задачей, и владелец браслета, успокоившись и прочитав благодарственную молитву в наш адрес, ушел.

Во время обеда зашла беседа о грехе и благодати.

— Я и мулла Исрафил вот уже два дня как совершаем богоугодные дела. На рынке святого Мина нам не раз довелось подтверждать, что за часы и браслеты с советской маркой покупатели могут быть спокойны: они из чистого золота, — сказал я.

— При чем тут богоугодные дела? — спросил один из кори.

— А разве помогать ближним не является богоугодным делом?

На этом разговор прекратился. Не отрывая взоров от мисок, все сосредоточенно пережевывали пищу.

Кажется, большая часть моих спутников осведомлена о тайне тех их собратьев, которые одним выстрелом убили двух зайцев: и святой хаджж совершили и капиталец нажили на продукции Ювелирторга.

Что можно сказать этим подпольным купцам? «Грех — вынудить мусульманина покраснеть», — гласит поговорка, а все мы к тому же перед вылетом из Москвы подписали официальную декларацию, что не вывозим за рубеж никаких золотых и бумажных денег или драгоценностей. Этим самым мы торжественно заверили, что являемся паломниками, а не контрабандистами.

Виновный боится дышать. Вот и я сижу молча, ибо в этих махинациях есть доля и моей вины. Эгоист, я-то думал, что меня оскорбляют и накричал на работника таможи! А ведь он, проверяя мои вещи, выполнял свой долг и, конечно, обиделся, когда я крикнул ему, что я советский врач! Будто на лбу человека написано, насколько советским он является.

Если бы я не разбушевался тогда в Шереметьеве, может быть, более тщательно проверили бы мешки и чемоданы, широкие карманы и ичиги кое-кого из моих спутников. Черт побери эти закостеневшие традиции, из-за которых некоторые работники милиции, юстиции и других наших учреждений из уважения к религиозным убеждениям слишком почтительно смотрят на служителей культа. «Религия — тонкая штучка», — говорят они, не задумываясь над тем, занимается ли прислужник религии своим «тонким» делом или другими делишками.

Ну да ладно... После драки кулаками не машут. Можно ругать только себя. А все-таки из-за моей неопытности... Гм, видимо, человеку не стыдно до самого последнего дыхания все валить на неопытность. Поэт сказал: «Привычки детства не забываются до старости: даже в гробу я качаюсь, словно в люльке».

Я отправился к изваяниям шайтана. Толпа вокруг не убывала. Как было положено в этот день, паломники швыряли в бессловесных истуканов по двадцати одному камешку. Те, кто особенно близко принял к своему

чуткому сердцу оскорбления, нанесенные искреннему другу Аллаха и его сыну, как и вчера, с криками и воплями, проклятиями и бранью бились об ограды.

Из толпы, окружавшей столб, выбрались двое арабов и начали драться. Судя по одежде, оба принадлежали к зажиточным домам. Один высокий и худой, другой среднего роста и полный. Первый — человек средних лет; второй — парень лет восемнадцати. Противники колошматили друг друга изо всех сил и, наконец, сцепившись, покатались по земле.

Если бы ожило сейчас каменное изваяние шайтана, на его лице непременно бы выразилось довольство.

Да, шайтан продолжал творить свое шайтанское дело: вот уже второй день мусульмане трех континентов, лупят его камнями, чтобы он, наконец, начал вести себя, как порядочный, не сбивая правоверных с пути истинного. Но подлый никак не может образумиться и не творить зла.

Никто из окружающих пальцем не шевельнул, чтобы разнять драчунов. Раза два мои ноги непроизвольно потянули меня к месту драки, но я через силу сдержал себя. Кори-ака неоднократно предостерегал нас: ни в коем случае не вмешиваться в споры и дразни. Его предупреждение не казалось мне лишним резона. Вмешаешься в скандал, и кто знает, чем это кончится. Кто встанет на защиту

невинного человека, единственным желанием которого было умиротворить двух драчунов? Даже при поверхностном знакомстве с порядками этой страны становится ясно, что если влипнешь в какую-нибудь историю, то твои мольбы и крики о помощи — увы — не дойдут ни до чьих ушей.

Я впервые в жизни был сторонним наблюдателем драки. К счастью, появились солдаты и растащили драчунов. Водоносы, хаммали¹ и лавочники насмешливо разглядывали разорванную и запачканную одежду виновственных аристократов и, смеясь, переговаривались между собой.

Со мной заговорил по-таджикски напыщенный, как индюк, молодой человек:

— Вы с родины?

— Да, из Таджикистана.

— Это вашу группу возглавляет Кори-ака?

— Да.

— Один из моих рабов принес мне письмо, которое ему передал какой-то земляк. Вот уже два дня я ищу, где вы остановились.

— Мы гостим у Сайфи Ишана.

— Отведите меня туда.

Строгий приказ, не терпящий возражений. Ни намека на просьбу. Уголкем глаза я разглядываю его. Да, из породы Алланазара и Махсума-Жеваки. Такой же фрукт. О том, что он имеет рабов, говорит открыто. Здесь богатые люди, как и в средние века, имеют рабов и рабынь, но не все признаются в этом, потому что государство официально объявило, что в его владениях нет и не может быть подобной мерзости. А этому молодому человеку больше по душе бахвалиться своим бо-

¹ Грузчики (араб.).

гатством, нежели поддерживать международный авторитет своей страны. Он глубоко убежден, что сообщая о своих рабах, он тем самым возвысил себя в глазах чужеземца.

Он спросил, как меня зовут. В свою очередь я поинтересовался его именем и происхождением. Семья купца Исы-ходжи после Октябрьской революции эмигрировала в Кашгарию.

— После того как хозяевами в Китае стали коммунисты, мы приехали сюда,— рассказывал Иса-ходжа.

В благословенной Мекке и в святом Таифе у Исы-ходжи мануфактурные и бакалейные магазины. Он также владелец многих автомобилей, рабов и домов.

— На родине у меня остался двоюродный брат,— сообщил Иса-ходжа.— Я собираюсь подарить ему автомобиль.

— Похвальное намерение.

— А ему дадут там автомобиль, если я оплачу его здесь?

— Я не мастак в тонкостях торговли. Спросите у Кори-ака или у нашего переводчика Абдусамад-ака.

На этом беседа закончилась. Иса-ходжа принял свой прежний вид спесивого человека, который считает зазорным даже говорить с простыми смертными. Такие типы ступают по грешной земле, словно каменные статуи, будто аршин проглотили, а уж если вдруг улыбнутся, то убеждены, что род человеческий век должен быть им благодарен. У входа в дом Сайфи Ишана мой новый знакомый чуть шевельнул бровью, таким образом прощаясь со мной.

— Кто этот султан из султанов? — спросил Исрафил, поджидавший меня в дверях.

— Иса-ходжа, наш бывший соотечественник, владелец множества магазинов, автомобилей, жен и рабов.

— Вот оно что! Тогда понятно, почему он шествует так важно!

Вдали появилась грузная фигура муллы Урок-ака.

— Курбан,— сказал Исрафил,— хочешь, я предскажу, что будет?

— Валяй.

— Через минуту к нам подойдет Урок-ака и скажет: «Дохтур-джан, давайте подымим». Пари?

— Это и без пари ясно.

— Так почему же ты ничего не скажешь ему?

— Хочу узнать, когда он это прекратит.

— Чудак, если ты не скажешь, я скажу.

Мулла Урок-ака достиг крыльца и, тяжело ступая со ступеньки на ступеньку, с трудом поднял наверх свою тушу. По правде говоря, мне вовсе не улыбалось, что все эти десять дней он считал мои сигареты своими, но сказать ему об этом я почему-то стеснялся. Все-таки мулла и старше меня годами. На четыре дня Арафата и Мина я прихватил с собой восемь пачек сигарет, которые кончились еще вчера, на третий день. Теперь я был вынужден курить сигареты «Кент», пачка которых стоила столько же, сколько два килограмма сахара или риса. Из той мелочи, которую нам выдавали на воду и фрукты, мне приходилось выкраивать на дорогие американские сигареты.

Мулла Урок-ака нес, прижав к животу, стопку мужских носков, какой-то большой платок и итальянский гобелен. Отложив свои покупки в сторону, он присел рядом с нами и, утерев с лица пот, сказал:

— Дохтур-джан, давайте подымим?

Исрафил прыснул.

— Чему смеетесь, братец?

— Да так, кое-что вспомнил.

— Расскажите, чтобы и мы посмеялись.

Исрафил рассказал: жил-был на свете курильщик наса, который всю жизнь пользовался чужой табакеркой. Однажды, увидев нового знакомого, он воскликнул: «Асалам алейкум, как поживаете, все ли у вас в порядке, как ваша семья, как ваши родные, все ли в добром здравии? Позвольте-ка вашу табакерку».

На второй день они встретились снова. «Асалам алейкум, как поживаете, все ли у вас в порядке, как ваша семья, как ваши родные, все ли в добром здравии? Позвольте-ка вашу табакерку». Новый знакомый протянул ему табакерку, но при третьей встрече не успел любитель чужого табачка раскрыть рот, как он начал сам: «Алейкум салам, я поживаю хорошо, здоров, все у меня в порядке, родные и знакомые тоже здоровы, но если вам опять понадобилась моя табакерка, то отправляйтесь-ка сами знаете куда...»

И хозяин табакерки произнес такие слова, которые неприлично повторять вслух.

Мулла Урок-ака покраснел, затем повторяя:

— О господи, прости, всевышний,—взялся за общага халата и вдруг рассмеялся.

Он смеялся долго и с наслаждением. Его огромный живот колыхался. Наконец, насмеявшись всласть, он сказал:

— Господи, каких удивительных людей ты сотворил на свете! Такие штуки выкидывают, что просто... О милостивый Аллах, прости прегрешения рабов своих...

С ВЫСОКИМ ТИТУЛОМ!

По опустевшим улицам Мина мы направляемся обратно в благословенную Мекку. Наши хозяева хоть и взимают с нас риалы и доллары без усталы, но когда

речь заходит об услугах, не столь ретивы и подвижны. Мы сами ищем себе автобус. К счастью, моя нога поправилась и я могу обходиться без палки.

Лавочники уже убрали свои товары, сложили тенты и паласы. Теперь ничто не мешает осмотру места праздника. Каждый сантиметр земли покрыт шкурами, головами, ногами баранов и овец, гниющими кишками и внутренностями, горами обглоданных костей. И всюду человеческие испражнения. Сделать неосторожный шаг настолько опасно, что пешеход, зажимая нос тряпкой, должен беспрестанно глядеть перед собой, выбирая место, куда бы поставить ногу. Поскольку другая его рука занята зонтом, сумкой или какими-нибудь вещами, а туча мух кружится вокруг, он вынужден отгонять их все время мотая головой.

Третье и последнее побиение шайтана прошло без прежнего энтузиазма. Видимо, силы у правоверных иссякли. Или до сознания некоторых дошла наконец смешотворность этого деяния.

Несмотря на мои неоднократные и настойчивые запреты, один из старых кори остановил уличного водоноса. Третий день в святой долине Мина я без устали повторяю, чтобы не пили сырой воды: только чай или кока-колу. Да, да, ваш покорный слуга стал горячим пропагандистом кока-колы. Если об этом проводят хозяева компании, производящей этот напиток, авось поставят где-нибудь памятник советскому врачу — их рекламному агенту.

Мы ищем автобус. На каждом шагу встречаются свободные машины, но они заблаговременно заняты представителями других групп.

Сеид Абдуль Керим семенит впереди и время от времени успокаивает нас, говоря, что и мы, иншалла, найдем себе машину.

У обочины дороги мы увидели лачугу, вокруг которой был разбит огород и росли три-четыре финиковые пальмы; земля, разделенная на грядки, засеяна укропом, луком и чем-то напоминающим салат. Наши старики заявили, что они не в силах больше идти, пусть сеид Абдуль Керим отправится один и отыщет какой-нибудь транспорт.

Почесав в затылке, сеид исчез. Мы расположились в тени лачуги. Следуя нашему примеру, и другие паломники, топча ногами, взращенный на приносной воде огород, устремились в тень пальм. Хозяин гнал их су-

коватой палкой. Его уста, не умолкая ни на секунду, исторгали громкие ругательства.

— Хаджи, — обернулся ко мне Исафил, — осознаешь ли ты свое счастье?

— В каком отношении?

— В том, что не знаешь арабского языка и не понимаешь, какими словами награждает хозяин сада ни в чем не повинных жен и матерей этих паломников.

— Если так, то я действительно счастлив.

Сеид Абдуль Керим вернулся ни с чем. Опять пешком пустились мы на поиски транспорта. Впереди нас вышагивала большая группа хаджи из какой-то страны. Примерно через час нашелся свободный автобус. Все разом бросились к нему. Наши конкуренты действовали дружнее и поэтому сели в автобус раньше нас. Я и Исафил нарочно отстали.

Нещадно толкаясь, паломники заполнили автобус, но и там схватка за места поудобнее не прекращалась. Подняв сумку с термосом на плечо, я начал пробиваться в хвост машины, как вдруг чья-то палка обрушилась на термос и его хрупкий стеклянный баллон мелкими осколками осыпался внутри помятого кожуха. Один из чужеземных паломников метил палкой в голову Махсума-Жеваки, с которым подрался из-за места. Мой термос принял на себя удар.

Настроение у Исафила снова испортилось. Он не произнес ни слова. Я уже немного изучил его характер. Почему-нибудь рассердившись, он ни на кого не смотрит, только бросает гневные взгляды на небо или потолок и все время покашливает. Мулла Нариман обернулся ко мне и выразил сочувствие:

— Уважаемый дохтур-джан, какой красивый термос пропал зря! Как жаль, что пропал такой красивый термос. Нет, не возражайте, пропал.

— Все к лучшему, домулло. Легче купить новый термос, чем лечить разбитую голову.

— Ваша правда, сударь, нет, не возражайте, ваша.

Исрафил, услышав этот любезный разговор, улыбнулся. Лицо его прояснилось и, вынув из моей сумки смятый термос, он выбросил его через окно.

— Напрасно,— сказал я.

— А что бы ты с ним делал? — спросил Исрафил.

— Довез бы до благословенной Мекки и поставил там как памятник братства паломников, которое они проявляют с таким темпераментом.

— Как же, позволят тебе расставлять по благословенной Мекке памятники! Здесь тебе не тетин кишлак!

— Не позволили бы, так отвез бы в соборную мечеть в Душанбе.

Достигнув благословенной Мекки, мы устремились совершить таваф-аль-вида, то есть прощальный таваф дома божьего. На этом завершилась основная часть паломничества. Все поздравляли друг друга с высоким титулом хаджи. «С хаджем, со святым хаджем! С высоким титулом!» Старики бросались друг другу в объятия, исторгая по нескольку капель слез радости и умиления.

Согласно программе, теперь мы отправимся в город Таиф, осмотрим священные места, затем поедem в лучезарную Медину, где почтим гробницу последнего пророка. Правда, мы и без этого считаемся хаджи в полном смысле слова, но посещение Таифа и Медины, учитывая, что мы уже очищены от грехов, позволит нам прихватить на родину благословение про запас.

Мои спутники выпили из колодца Замзам столько воды, сколько могло вместиться в их утробе. Одного из стариков, у которого живот разбух так, что он не

мог двигать ногами, пришлось тащить под руки до самого дома.

Исрафил отправился вместе с кем-то в Идарат-уль-хаджж¹ за разрешением на дальнейшее путешествие. В одиночестве вышел я пройти по улицам и базарам благословенной Мекки. В одном месте мое внимание привлек невиданный шашлык. Около пуда мяса было нанизано на большой шампур, вертикально стоявший над большой жаровней. По форме нанизанное мясо напоминало деревянный бочонок. Шашлычник, сообразно полученным деньгам, отрезал мясо с подрумянившейся стороны, взвешивал и, положив на мягкую булку, протягивал покупателю.

Удалившись от Каабы метров на триста, я оказался в западной части города. Я еще, кажется, не говорил, что центр благословенной Мекки находится в похожей на котлован низине, посредине которой расположен дом Аллаха. Во все стороны отсюда ползет вверх множество улиц и переулков. Беспечно поглядывая сверху вниз, я вдруг открыл пресловутую тайну «висячего камня». С тех пор как мы прибыли в Мекку, я при каждом тавафе внимательно рассматривал аль-хаджар-уль-асвад и дом Аллаха, но не замечал ничего похожего на висящий в воздухе камень.

Сама Кааба — это кубическое каменное здание, каждая сторона которого равна в ширину примерно шести метрам, а высота метрам семи. Сверху оно покрыто парчовым покрывалом, скрывающим от крыши до фундамента все, кроме золотых дверей, у которых всегда стоят один или два солдата — те самые, что лупили жгутами по головам не в меру усердных богомольцев. Это покрывало называется кисвой и еже-

¹ Управление делами хаджжа (араб.).

годно накануне праздника Курбан-байрама обновляется. Прежнюю выцветшую кисву шейхи продают жаждающим благодати правоверным, которые платят за клочок этой реликвии цену одного-двух баранов.

Метра на полтора ниже крыши Каабы покрывало окаймлено широкой, чуть меньше метра, полосой с густо-густо написанными золотой арабской вязью святыми аятами. В жарком полуденном мареве, под ослепительными лучами солнца и издали, если прищуриться, могло показаться, что кисва разделена надвое и верхняя часть Каабы словно висит в воздухе. Если, повторяю, посмотреть прищурившись. Ну, а если посмотреть широко раскрытыми глазами? Или через темные очки? Или подойти поближе? Или посмотреть до восхода солнца или после его захода? Увы, тогда ты будешь лишен счастья лицезреть «божественное чудо».

Дома мои спутники мирно беседовали. Теперь все мы, восемнадцать человек, жили вместе. Старики еще утром второго дня пребывания в Мекке отказались от зловонной и полутемной комнаты на первом этаже и перетасили свои пожитки к нам.

Пожилые кори просили у муллы Наримана, чтобы он повторил те рубай, которые читал в шатре в долине Арафат. Мулла отнекивался, набивая себе цену, но когда просьбу стариков поддержал Кори-ака, смягчился и прочитал следующие строки:

Мир — чаша, небо — тамада, а смерть для нас — вино.

Мы, люди — врозь и сообща — пьем всякий раз вино.

Кто б ни был ты, о человек, они всегда с тобой.

И чаша та, и тамада, и смертный час — вино.¹

— Bravo, bravo! — одарили слушатели муллу Наримана, истинного аристократа и потомственного ходжу,

¹ Перевод Ю. Нейман.

и на некоторое время задумчиво приумолкли.

В комнату вошел Максум-Жевака. В руках он держал пол-арбуза. Видимо, другую половину он, не удержавшись, съел на месте покупки. Пристроив арбуз на шкаф, он укутал его поясным платком и, пройдя в угол комнаты, начал приводить в порядок свои вещи, сваленные в чемодане. При виде этого вдохновились и остальные, и каждый занялся своим барахлом. Эта процедура повторялась по три-четыре раз на дню, ибо с каждым новым днем нашего путешествия росли и приобретения. Приехав сюда с двумя чемоданами, многие из моих

спутников купили в благословенной Мекке еще по одному, а то и по два новых.

Сегодня мне повезло. Я оборудовал себе персональную лежанку и мог больше не опасаться еженощной борьбы за место. Довольно широкий подоконник проема, выходящего в переулок, был завален чемоданами, мешками и сумками паломников. Я перенес на шкаф всю посуду, стоявшую на столе у входа, а то, что находилось на подоконнике, перетасил на стол. На подоконнике оставался только железный сейф сеида Абдуллы, брата нашего хозяина. Стронуть его с места было невозможно. Он был наглухо приколочен гвоздями. Все же я мог лежать на подоконнике, держа ноги на сейфе.

Место не столь комфортабельное, но зато суверенное. Больные иногда неделями лежат в хирургических отделениях с подвешанными сверху ногами. Могут и я потерпеть.

Однако пользоваться этим ложем можно только при условии чуткого сна. Незастекленные рамы были сколочены, по-видимому, еще во времена халифа Харуна ар-Рашида и настолько обветшали, что если во сне, не дай бог, подвинуться чуть влево, можно за милую душу вместе с рамой вылететь на мостовую.

Во всяком случае, я рад своей находчивости. В комнате площадью не больше пятнадцати квадратных метров, в которой должны разместиться восемнадцать далеко не тощих постояльцев, иметь собственный уголок для сна — апофеоз блаженства.

Место ночлега вашего покорного слуги имеет еще одно преимущество, заслуживающее особого упоминания. Помимо моих спутников в комнате с раннего утра и до полуночи толкуются гости, приходящие по одному, по двое или группами. Это, как правило, эмигранты. Они бесконечно рассказывают о своих злоключениях или выясняют, каким образом мы остаемся жить в Советском Союзе, питаюсь одним жидким супом с капустой. По неписаным законам этики должно оказывать уважение гостю, не спускать глаз с его лица, слушать, что произносят его уста, чтобы, не дай бог, не оскорбить его чувствительную душу. Новое место дает мне возможность хотя бы на несколько минут покинуть гостей, вытянуть ноги и отдохнуть от кандалов жестокой этики наших предков.

Говорят, что семья сеида Сайфи Ишана сутяжничит с доброй половиной своей многочисленной родни по поводу доходов от вакуфных домов. Так-так, думал я. Если бы Сайфи жил в мире и согласии с родней, соро-

дичами и земляками-эмигрантами, то до чего возросло бы число гостей, приходящих повидаться с нами?! Даже те три-четыре часа, которые остаются нам для отдыха, пришлось бы тратить на увлекательнейшие беседы с гостями! Выходит, что и ссоры с людьми иногда идут на пользу.

Пришел мой знакомый кондитер Кулдош Ходжа и с ходу принялся рассказывать о своих приключениях.

Будучи объявлен кулаком, он убежал в Керки и несколько лет занимался там кондитерством, а в 1934 году улизнул за пределы СССР и, одевшись в лохмотья, под видом бедного продавца дров добрался до города Мазари-Шериф.

— У меня было при себе немного золота, домулло, — рассказывал он, — и, пока я находился на земле родины, носил его, знаете где? Зашил в пояс и в нательную рубашку, не так ли? А потом, когда нужно было переходить границу, я сказал себе: «Смотри в оба, Кулдош Ходжа, хорошенько пошевели мозгами, не дай бог, если у тебя обнаружат золото, табак твое дело». Нашелся надежный человек, который взялся переправить меня через границу. Тогда в одном караван-сараяе я выискал старое вьючное седло и, разворошив кошму, запихал туда золото. Ну да ладно, все это старая история, не так ли? Ай-ай-ай, как хорошо, что вы приехали, домулло. Я безгранично рад. Просто на седьмом небе от счастья. Увидев вас, будто увидел своего дорогого старшего брата, не так ли?

Прощаясь, кондитер пригласил к себе в дом Кори-ака, Тимурджана-кори и меня.

— Иншалла, завтра приедем, — сказал Кори-ака. — Разве можно отказаться от приглашения Кулдош Ходжи? Как вы думаете, мулла Курбан?

— Разумеется.

Лежа на подоконнике я наблюдал за людьми в переулке. Хотя время приближается к полуночи, бакалейные лавки все еще торгуют. Двое из наших спутников стоят на улице и с энтузиазмом ковыряют в носу, разглядывая прохожих. С того самого дня, как мы выехали из Хартума, никто им не делал замечаний по этому поводу. Здесь все ковыряют в носу, на улицах и базарах люди шлеются в полосатых ночных пижамах, даже заходят в таком виде в полицейское управление и управление по делам хаджжа. Здесь допускается, сидя у большой дороги, на виду у всех, совершать омовение. В Муздалифе Урок-ака, не найдя более укромного местечка, зашел за какой-то грузовик и совершил омовение, хотя вокруг были женщины и дети.

На уступе стены под окном сидят три голубя. Я их видел и накануне поездки в Арафат. Поздний шум и гвалт мешает им спать, и они, воркуя друг с другом, изредка встряхивают крыльями и меняются местами.

Жизнь, которую я наблюдаю вот уже несколько дней, иногда кажется мне сказкой и напоминает сказки. Порой я завидую героям сказок. Будь я на их месте, один из этих голубей обратился бы ко мне на человеческом языке и предложил свои услуги. Я бы написал записочку, и он полетел бы ко мне домой, на родину, и принес оттуда весточку от семьи и друзей.

На втором этаже надрывно кашляет старик цирюльник. С утра до позднего вечера, кроме тех минут, когда курит кальян или молится, он беспрерывно стрижет и бреет. Много верующих совершают паломничество, любым способом зарабатывая себе на дорогу и пропитание. Те, кто не владеет определенным ремеслом, долгие годы проводят на чужбине, работая хаммалями или кем угодно, лишь бы накопить денег на обратную дорогу.

Дороговизна проезда на самолетах, кораблях и автомобилях — одна из самых больших трудностей паломничества. За сумму, которую здешние владельцы такси берут за проезд десяти-двенадцати километров, у нас можно переехать из одного города в другой.

Москиты не дают спать. Подлые твари! Москиты наших пригородов и степей звоном предупреждают человека о своем приближении, и тогда, определяя на слух место их посадки, можно шлепнуть по какой-нибудь части своего тела и согнать изверга. Священный москит Мекки не таков. Он спокойно напьется твоей крови и улетит, а ты только потом узнаешь по зуду, в каком месте он наслаждался трапезой.

Досадно, очень досадно, что две недели вычеркнуты из жизни... Если бы мне поручили придумать сказку об аде и рае, то я, вместо весов, измеряющих на том свете грехи и богоугодные дела, поставил бы часы, отмечающие дни, напрасно прожитые мусульманином, и дни, прожитые с пользой на благо людям, и соответственно с этим определял бы наказание и поощрение.

Только я хотел уснуть, скорчившись в три погибели на своем новом ложе, как появился Искандар.

— Хаджи, — сказал он, — что это ты возгордился в последние дни и не зовешь меня на свои умные беседы?

— Всему свое время.

— Ого! К тому же ты становишься грубым, как полено! Не будь так суров, друг мой. Смирись со своей судьбой и сделай богоугодное дело.

— Какое такое еще дело?!

— С тех пор, как ты просвещаешь меня рассказами о замогильной жизни и дне Страшного суда, об Адаме и Хаве, у меня неудержимо возрастает интерес к этим вопросам. Прощу тебя, расскажи что-нибудь.

— Рассказать про преисподнюю?

— Валяй.

— В преисподней есть ущелье. В этом ущелье семьдесят тысяч зданий. В здании семьдесят тысяч келий, и в каждой келье по семьдесят тысяч черных змей, которые, свернувшись в клубок, поджидают нас с тобой. В брюхе каждой змеи столько смертельного яда, что им можно заполнить семьдесят тысяч хумов.¹

— Ай-яй-яй! Ох-ох-ох!

— В преисподней, кроме того, есть сорок углов. В каждом углу по сорок драконов. В брюхе каждого дракона по четыреста скорпионов. И в хвосте у каждого скорпиона накоплено столько яда мгновенного действия, что им можно заполнить четыреста хумов и еще останется на несколько тазиков. Одеание обитателей ада — из расплавленной меди, на ногах у них огненные кандалы. Мозг грешников булькает от кипения. Милостивый Аллах назначил директором ада своего ангела Маликшаха. Если мусульманин, поджаривающийся на огне, попросит воды, Маликшах подносит ему раскаленную чашу крови и гноя. Величина каждой искорки, вылетающей из громадных языков пламени, больше современного многоместного самолета. Когда грешника швыряют в пламя, кости его мгновенно взрываются и превращаются в мельчайшую, как мука тончайшего помола, пыль. Но по приказу милосердного Аллаха, ангелы быстренько собирают этот порошок, одушевляют, возвращают грешнику его прежнее обличие и снова бросают во власть драконов.

— Я в восторге.

— В восторге? От чего? От творца или хазрата Маликшаха?

— Я преклоняюсь перед всеми троими: и перед

¹ Большой глиняный кувшин для хранения зерна, масла.

творцом, и перед Маликшахом, и перед теми неизвестными людьми, которые использовали такое чудо природы, как воображение и фантазия, чтобы наплести подобные страсти.

— Ну, как удовлетворил свое любопытство?

— До некоторой степени.

— Еще что-нибудь нужно?

— У меня вопрос.

— Задавай.

— Говорят, будто в распоряжение каждого мужчины, переступающего порог рая, предоставляется семьдесят пять тысяч девушек-гурий и семьдесят пять тысяч юношей-гурий...

— Впредь никогда не говори «будто», болван! Это четко и ясно сказано в книге «Надир-аль-мирадж».

— Тем лучше. Но все-таки до моего сознания не доходит, как претворяется это обещание на практике?

— Тогда твое место в аду.

— Подожди, дорогой, вот что я хочу сказать: девушки-гурии — это ясно, ну и юноши понадобятся — послать их в магазин за папиросами, спичками или свежей газетой. Или приказать, чтобы взяли ведра и полили райские улицы. Одним словом, от них тоже есть польза.

— Ну?

— Я хочу знать, разом ли будут прикреплять к нам сто пятьдесят тысяч девушек и юношей или постепенно и будут ли заменять по мере их старения?

— Дурья голова, ведь я же говорил тебе, что в раю не стареют!

— Значит, их прикрепляют всех разом?

— Этого я точно не знаю.

— Выходит, сам ты болван. Обязательно уточни этот вопрос. Как мне известно, крупнейшие знатоки этих тонкостей собрались сейчас в Мекке...

— В благословенной Мекке!..

— Прости, в благословенной Мекке. Дорогой мой, ты не шути с этим. Обеспечить работой сто пятьдесят тысяч ангелов, не пустяковое дело. Это я знаю по собственному опыту. Помнишь, как-то раз нас послали собирать хлопок, и меня назначили вашим бригадиром? В тот день вы, бездельники, довели меня до того, что молоко матери подступило мне к горлу...

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРЫШЕ «ФОРДА»

На следующее утро за нами заехал сосед Кулдоша Ходжи, неразговорчивый и мрачный мужчина, чтобы отвезти в гости к кондитеру. Оказавшись на переполненной людьми улице, владелец машины, будучи вынужден сбавить скорость, очень рассердился. Какой-то паломник подвернулся под его горячую руку, и свой гнев на Ису он перенес на Мусу. Изможденный, едва передвигавший ноги и, видимо, очень больной пешеход не услышал гудков. Наш автомобиль, чуть не задев передним крылом бедро старика, проехал вперед, а когда согбенная фигура паломника, поравнялась с окошком водителя, тот ударил кулаком несчастного между лопатками.

Паломник растянулся вниз лицом.

Я машинально протянул руку к водителю, но Кориака удержал меня за локоть. «Спокойно, доктор,— с укором говорил его взгляд,— не вмешивайтесь в местные порядки».

Я выглянул в заднее окошко. Старик лежал на дороге. Со всех сторон к нему спешили прохожие.

Сколько же нужно времени, чтобы я привык к положению попавшего на чужбину человека и помнил,

что здесь Саудовская Аравия и действуют тут свои законы!

Кондитер демонстрировал на дастархоне все свое умение и богатство, но мне ничего не лезло в горло. Хозяин без умолку рассказывал о своем ремесле, о своих многочисленных домах, лавках и женах.

— Домулло-джан,— обратился он ко мне, когда мы прощались,— я дам вам банку животворной воды Замзам и молитвенный коврик, передадите, иншалла, моему брату, не так ли?

— Хорошо. Но, надеюсь, что коврик без узорчатой ленточки, а?

— Без ленточки, без ленточки... Э, да вы вспомнили прошлогодний случай?! Кто старое помянет, тому глаз вон, домулло, не так ли?

Хотя везти кому-то воду за двенадцать тысяч километров с точки зрения нашего Аэрофлота не является таким уж богоугодным делом, я все же обещал доставить подарок Кори Сладкому.

После полудня у ворот дома Сайфи Ишана появился микроавтобус «Форд». Поскольку все занимались укладкой чемоданов и проверкой крепости замков, мы с Исрафилом раньше других заняли места в автобусе. Уселись в кресла на крыше, над решеткой для багажа, чтобы после нескольких дней, в течение которых варились в жаре и духоте, хоть немного насладиться встречным ветерком.

Дорога в святой Таиф проходила по местам позавчерашних празднеств. Но теперь в Мина, Муздалифе и Арафате не было ни единой живой души. Ветер, подняв с земли клочья бумаги и тряпья, кружил их в небе.

Таиф расположен на плоскогорье, на высоте двух ты-

сяч четырехсот футов над уровнем моря. Пока автобус взбирался по зигзагообразной дороге, наши документы дважды подвергались проверке. Оказывается, в Таифе был расположен военный лагерь, и воздушные и наземные воинские части проводили там учение под контролем вездесущих американских инструкторов.

Там и сям возвышались горные пики, но ущелий не было нигде. Казалось, что здесь когда-то были настоящие горные хребты с ущельями и долинами, но с течением времени пустынные смерчи сравняли неровности почвы и теперь из-под земли торчат одни только вершины.

Встречный военный «виллис» преградил нам дорогу. Рядом с шофером — человек в военной форме. Одной рукой он держал пузатый, сверкающий на солнце кальян. Потягивая дым через резиновый шланг, он засыпал вопросами нашего водителя. Наконец он удовлетворился подробными ответами, в ко-

торых для меня понятно было только неоднократно повторяемое имя Сайфи Ишана, и «виллис» тронулся дальше. Продолжили свой путь и мы.

Нас разместили в отеле «Дар-ус-салам»¹. Здесь были хорошие номера для отдыха и сна. Администратор отеля Кори Латиф, человек лет тридцати с небольшим, оказался полиглотом — свободно говорил на турецком, фарси, арабском и английском языках.

Перед сном я вышел в коридор покурить. Кори Латиф почтительно усадил меня рядом со своим рабочим столом и на чистом персидском языке сказал:

— Я регистрировал ваши документы и, узнав, что вы таджик, очень обрадовался. Весьма польщен встречей. Ваш слуга — я поклонник персидско-таджикской литературы, особенно люблю Фирдоуси. Помните эти строки?

Воистину дело зашло далеко!
Араб, что верблюжье одно молоко
Да ящериц в знойной степи поглощал,
Теперь об иранском венце возмечтал!
О рок, за неверность и злобу твою
Тебе я в лицо, негодуя, плюю².

Да, в «Шахнаме», в послании Рустама к Саади Ваккасу, арабскому полководцу, который хотел захватить Иран, имеются такие строки. Но я был удивлен, почему этот поклонник Фирдоуси из ста двадцати тысяч строк «Шахнаме» цитирует именно эти байты. Ведь единственно, что хотели бы вымарать из творческого наследия поэта в арабских странах, так именно эти шесть строк. Мне осточертели всякие провокационные споры и диспуты. Мало им того, что на ни в чем не повинного чужеземца поглядывают с подозрением и относятся порой

¹ Дом мира (араб.).

² Перевод Ц. Вану.

открыто недоброжелательно и даже оскорбительно. Мало им всего этого, так время от времени кто-нибудь провоцирует споры и разговоры на политические, экономические или литературные темы и стремится во что бы то ни стало охватить хоть какую-нибудь сторону жизни моей страны.

Призвав на помощь все свои знания по истории, я сказал администратору, что хотя Фирдоуси и был патриотом, но к арабскому народу не питал ненависти или вражды. Его слова, видимо, следует объяснить теми разрушениями, злом, несчастьями, которыми сопровождались походы арабских полководцев тех времен. Мое объяснение не имело никакого успеха. В глазах Кори Латифа хазрат Али, Амир Хамза, Саади Ваккас и другие полководцы ислама были величайшими фигурами истории и совершали одни только благодеяния.

На другое утро мы осмотрели город. Таиф — курортное местечко. Летом сюда приезжают богатые люди со всех концов страны. Даже королевская семья проводит здесь нестерпимо жаркие в Аравии летние месяцы. Естественно, что население городка состоит из одних богачей и их прислуги.

Иса-ходжа-купец встретил нас на улице и потащил к себе в гости. Его гостеприимство было пышным и демонстративным. Слуги по обе стороны ворот склонились перед нами в поклоне. Два сверкающих автомобиля будто случайно стояли у дома. Ярко раскрашенная двухэтажная вилла, массивные с позолоченными финтифлюшками кресла XVII века, нивесть как перекочевавшие сюда из подвала какого-то разоренного европейского барона или герцога, позолота посуды и всего, что находилось в комнатах, даже золотой узор на чувяках хозяина дома и, наконец, надменный вид его самого, все это, казалось, криком кричало: «Эй, прищельцы, не

говорите, что не видели! Глядите, вот что такое богатство! Смотрите, какое бывает величие!»

Коварная штука — самомнение и самовлюбленность! Они делают из человека пустышку и так его опьяняют, что он мнит себя пупом земли. Иной тип барахтается в лужице и думает, что борется с гигантскими волнами и ему покорен великий океан. Другой фрукт, хоть и ходит в кандалах невежества, считает себя мудрейшим из мудрых, а третий нажимает кнопку автомобиля, поднимает и опускает стекла дверец в глубоком убеждении, что именно это и есть колесо истории и что движется оно по его велению.

Почтительно посетив мечеть хазрата Аббаса, дядюшки пророка, мы собрались в обратный путь в благословенную Мекку. Всем нам хотелось, пока будут готовы документы на поездку в лучезарную Медину, провести эти два-три дня ожидания в Таифе, где климат сравнительно мягок. Однако пришло известие, что нам сегодня же необходимо выехать в благословенную Мекку. Там собирается конгресс мусульманского мира, и участие в нем Кори-ака, Исфафила и одного из наших стариков обязательно. Как периодически созываются вселенские соборы католиков в Ватикане, а в Лхассе съезды буддистов, так и в благословенной Мекке собираются конгрессы мусульман мира.

Кори-ака рассказал нам предание из истории святого Таифа.

В свое время пророк божий, спасаясь от преследования курейшитов и других проклятых неверных, укрылся в этих горах. Но какой-то кафир¹ узнал пророка, и еретики приказали детям и юродивым побить камнями

¹ Неверный (араб.).

вестника Аллаха. Спасаясь от града камней и комков сухой земли, пророк укрылся вон на той горе. Господь бог, который до тех пор безучастно наблюдал эту картину, вдруг встрепетул и послал архангела хазрата Джабраила на помощь своему любимчику. «О, любимец Аллаха! — воскликнул хазрат Джабраил, в полмига покрыв расстояние от небесной канцелярии до таифских гор. — Меня послал творец Вселенной и приказал испросить у тебя разрешение сейчас же поднять эти горы до седьмого неба и обрушить их на головы неблагодарных, чтобы в мгновение ока разнести в прах этих сволочей». — «Не стоит, о предводитель всех ангелов, о несравненное украшение небесного трона!» — отвечал пророк, прячась поглубже в избранную им для спасения пещеру.

Кори-ака рассказывал, а мои спутники (мы в это время прогуливались по улицам святого Таифа) походя проливали слезы умиления и возносили слова благодарения в адрес милостивого владыки. Ваш покорный слуга тоже восхищался благородством великого пророка, благодаря которому эта местность осталась целой и невредимой. В самом деле, если бы архангел Джабраил, несмотря на хрупкость своих крыльев, оторвал эту гору от основания и, подняв в небо, швырнул с расстояния нескольких миллионов верст на головы вероотступников, то Аравия лишилась бы своего единственного прохладного курорта в горах.

Да, хазрат Джабраил всегда восхищал меня. Если у тебя есть приятель, хорошо, чтобы он походил на Джабраила — вернейшего и заботливейшего друга всех пророков. Когда кому-нибудь из них требовалась помощь, хазрат Джабраил был тут как тут. В день, когда последний пророк, любимец Аллаха Мухаммад, стал дедушкой, архангел Джабраил прихватил сверху с собой даже

акушерку. Он не стал размышлять над тем, что все ангелы это четырнадцатилетние девственницы и вести такую девочку к разрешающейся от бремени матушке Фатиме, по совести говоря, не этично. Нет, он не размышлял и, схватив одного ангелочка за крылышки, приволок в лучезарную Медину. Правда, говорят, этого ангела-девственницу никто в глаза не видел, но священные источники утверждают, что присутствие небесной повитухи каким-то неуловимым образом ощущалось при родах.

Хазрат Джабраил, бывало, не ленился выполнять даже всякие мелкие поручения и ради этого покрывал пятисоттысячелетние расстояния за несколько минут, а порою и в полмига. Как-то, например, ветер сорвал с одного из наших пророков, когда он спал, одеяние и обнажил его срам. Хазрат Джабраил специально спустился с неба, чтобы прикрыть наготу пророка от посторонних взглядов. Иногда какая-нибудь из жен уважаемого пророка забывала, куда положила иголку с ниткой. В таких случаях хазрат Джабраил, немедленно спустившись на землю, помогал в поисках.

От моего приятеля Исфаила одни только неприятности.

Оказывается, вчера вечером он так расхваливал блага путешествия на крыше, что сегодня наши места заняты Махсумом-Жевакой, муллой Урок-ака и обоими молодыми кори. Мы еще находились в отеле, а они уже восседали на крыше автобуса.

По извилистой горной дороге мы спустились из Таифа в долину, как вдруг погода испортилась. Поднялся сильный ветер и небо заволокло песком и пылью. Гигантские смерчи бешено заплясали по пустыне. Они

хватали и кружили песок, вместе с корнями вырывали и уносили в небо кусты янтака и полыни.

Автобус остановился. Дороги не видно. Наш «Форд» содрогался под могучими порывами ветра. Камешки и крупные песчинки с треском бились в стекло и в борта.

Водитель, обвязав лицо сдернутым с головы платком, по одному стащил наших завидующих товарищей с крыши и впахнул в автобус.

— Дохтур-джан, мы заняли ваше место и за это духи предков наказали нас, — сказал мулла Урок-ака, вытирая грязь, скопившуюся в уголках рта и глаз. — Но это ничего, напротив, даже хорошо, мой сладкий братишка, ведь на крыше, на сильном ветру, невозможно закурить! А ну, достаньте-ка те, с золотыми буквами... Покурим и забудем про невзгоды.

Напуганные паломники читали шепотом молитвы и просили у неба пощады и прощения.

Так прошло несколько минут. Затем черные колонны смерчей, кружась, удалились на запад, в сторону благословенной Мекки, и наш автобус медленно тронулся в путь, среди дождя из пыли и песка, все еще сыпавшегося с неба.

ГЛАВА ВО СЛАВУ ДЕНЕГ

Нас разбудили в полночь. Автобус ждет. Иншалла, отправляемся в лучезарную Медину.

На улице уже стоял «студебеккер». На десяти двухместных сидениях уселись двадцать семь суданцев. На стольких же одноместных креслах справа разместились мы, восемнадцать человек. По обе стороны водителя на полу сидели с детьми две женщины в чадрах.

Три дня мы готовились к поездке в лучезарную Медину. Мои спутники в который уже раз проверяли замки чемоданов, временно оставляемых в доме Сайфи Ишана. Наше начальство произвело расчет с хозяевами за десятидневное гостеприимство в Мекке, Мина и Арафате.

За ночлег и шатры Арафата, за те самые вермишелевые супы и завтраки-невидимки, про которые можно сказать словами поговорки: «Губы говорят — пришел, живот спрашивает — где?» хозяева потребовали за каждый день такую сумму, на которую в лучших гостиницах у нас на родине можно припеваючи прожить целую неделю. Однако по выражению лиц переводчика и казначея во время расплаты было ясно, что, приведи они хоть тысячу доводов, на наших хозяев все равно не воздействуешь.

Вскоре после расчета во всех кухнях и комнатухах четырехэтажного дома, в которых жили члены семейства Сайфи Ишана и его братьев, сеидов Абдуллы и Абдуль Керима, поднялся неимоверный шум. От крика мужчин и женщин со стен и потолков осыпалась штукатурка. Мы спросили у переводчика о причине этой внезапной бури.

— Деньги делят, — коротко ответил он.

Шариат не позволяет, чтобы голос женщины или девушки выходил за пределы дома, но сейчас указания священных книг подвергались ревизии с неописуемым темпераментом.

Мы с Исрафилом дали тягу на улицу, чтобы уберечь барабанные перепонки. Вернулись через два часа, но финансовые дебаты все еще продолжались. Мы вынуждены были снова уйти. Только после вечерней молитвы несогласные смирились с судьбой и в доме восстановилась тишина.

Сейчас хозяева вышли проводить нас. Только наш постоянный гид — сеид Абдуль Керим — куда-то исчез. Он должен был вернуть мне семь риалов сдачи из тех денег, которые я дал ему расплатиться за стирку моего белья. Бедняга, каждый день втолковывал мне при встрече, что никак не может разменять мою десятириаловую ассигнацию.

Хозяева благословили нас на поездку. Петляя по темным улицам благословенной Мекки, «студебеккер» выбрался наконец на дорогу, ведущую к городку, где покоятся останки пророка всех времен.

— Прощай, умм-аль-кура, мать городов! — произнес я про себя. — Если мне суждено еще раз увидеть тебя, пусть это будет в твой хороший день. Старинная арабская пословица утверждает, что человека ожидают все худшие и худшие дни. История свидетель, что это не так. Значит, и тебя впереди ждут хорошие времена.

Становилось прохладнее. Мы оставили теплую одежду еще в Хартуме. Я озяб. Хромым я уже был. Не хватало еще простудиться и слечь.

Исрафил вынул из вещевого мешка оба куска своего ихрама и, сложив один из них вчетверо, прикрыл мне спину.

— Дай бог тебе тысячу лет жизни, Исрафил. Если

бы все наши братья были такие заботливые и чуткие, как ты!

— Ладно, ладно, спи.

— Скажи, пожалуйста, это какая часть твоего ихрама? Та, что служила юбкой?

— Какая разница, ведь ты же видел, что я стирал его.

— Да, да, вспомнил, извини.

В святой Мекке говорили, что подарить ихрам после использования како-

му-нибудь бедняку — богоугодное дело. Я выполнил это наставление, но потом увидел, что те, кто давал этот совет, даже мой друг Исрафил, сняв ихрамы, припрятали их на дно чемоданов.

Мулла Урок-ака разъяснил:

— Ихрам паломника это редкая штука, сладкий мой братишка. Если дома раздать мусульманам по маленькому, размером с человеческое ухо, кусочку ихрама, они сошьют себе туморы и от счастья будут витать в небесах. А самому хаджи достанется и божья благодать и еще... кх-кхм... кое-что из бранных мирских благ...

Нет, не зря мой друг Искандар говорил, что после хаджа нетрудно стать миллионером. Сказать о хаджи, что у него высокий титул и большой авторитет, это значит ничего не сказать. Если у верующих есть деньги, они готовы при каждом твоём шаге жертвовать их тебе, а если денег нет — согласны пожертвовать ради тебя жизнью. Один мулла, к примеру, вскоре после войны

привез из благословенной Мекки бутылку воды святого источника Замзам и до самого последнего времени все сдаривал людей склянками с животворной влагой, естественно, получая за это хорошую мзду.

В душанбинском аэропорту я своими глазами видел, каким почетом окружают не только хаджи, но и кандидатов в хаджи. Пока я сидел в уголке с родными и товарищами в ожидании посадки, проводить муллу Тешабоя пришло человек пятьдесят. Я знал кое-кого из них. Они работали лепешечниками, парикмахерами, продавцами или же от имени колхоза и колхозников занимались на базаре продажей фруктов и овощей. Мой дядя, бывший с большинством из них в приятельских отношениях, а для муллы Тешабоя чем-то вроде мюрида¹, как челнок, носился между Тешабоем и мной.

— Ищущие божьей благодати дарят мулле Тешабоеу деньги пачками, — нагнувшись ко мне, шепнул он.

— За что?

— Он еще спрашивает, за что? Таков обычай. Тому, кто отправляется в святой хаджж, каждый дарит сколько может и тем самым удостоивается милости Аллаха.

— А! Вот оно что!

— Он еще говорит «а»! Будь ты порядочным человеком и хоть изредка заходил в мечеть, то и твой нож был бы сейчас в курдюке. А твои друзья все голодранцы, вроде этого Искандара. Носом чертит небо, а в кармане ни гроша...

Звезда моего дяди никак не сходилась с звездой Искандара. Однажды я оставил их на несколько минут одних, а сам пошел в магазин. Когда я вернулся, мой дядя уже в ичигах и калошах спускался по лестнице.

— Что случилось, дядюшка?! Почему вы уходите?

¹ Последователь духовного наставника.

— Он еще спрашивает, что случилось? Нашел с кем оставить меня наедине! Ведь он безбожник!

— Странный вы человек, дядюшка, — сказал я. — Знаете, сколько крови попортили себе учителя, пока он стал безбожником?

Дядя не разговаривал со мной целую неделю.

Но он был прав, говоря о той пользе, которую извлекают для себя хаджи, посещая мечеть. Накануне вылета из Москвы Кори-ака повел всю нашу группу паломников в мечеть. Исрафил потянул и меня. Пока мы осматривали здание и подарки, преподнесенные мечети доктором Сукарно и Гамаль Абдель Насером, на полуценную молитву собралось множество людей. После молитвы имам объявил, что гостями мечети является группа мусульман, отправляющихся в хаджж.

Тимурджан-кори звучным голосом, проникающим в душу, и чисто произнося арабские слова, прочитал главу из Корана. Все это легло на наши плечи дополнительным грузом похвал, которые расточали в наш адрес хозяева, и слава нашей группы вознеслась до небес. Во дворе мечети нас окружила толпа прихожан. Несколько стариков, не ведая, что среди восемнадцати служителей религии находится и один служитель науки, жали нам руки, ласково поглаживали по щекам, по голове и доброжелательно похлопывали по плечам, желая доброго пути и подвигов на религиозном поприще. При этом они доставали из карманов и совали нам деньги. Несмотря на настойчивые просьбы, я решительно отказывался брать их. И все же, с трудом выбравшись из толпы и выйдя на улицу, я обнаружил в карманах пиджака двадцать два рубля.

Даровые деньги никогда не приносили мне добра. Это не предрассудок и не пустые слова. Я убедился в этом по многолетнему опыту. Если я найду на улице

гривенник, то непременно потеряю свои честно заработанные тридцать копеек. Как-то в годы студенчества я решил подзаработать в летние каникулы и отправился в район по командировке санитарной эпидемиологической станции. Когда я отчитывался в командировке, бухгалтер станции в графе расходов на транспорт начислил мне лишних двадцать пять рублей, старыми деньгами. Черт его знает, то ли деньги показались мне сладкими и мне было жалко с ними расставаться, то ли шайтан попутал, но я промолчал. Буквально на другой же день моя гордость, фотоаппарат, купленный за сто восемьдесят рублей, стал добычей речки. Поэтому двадцать два рубля, полученные в дар от верующих, я завернул в бумагу и все время держал в кулаке. Когда Искандар освободился от работы и мы встретились с ним в столовой, я положил перед ним деньги.

— Почему ты взял их? — попытывался он.

— Я не брал. Мне сунули их в карман. В толчее я и не заметил.

— А где была твоя голова? Если тебе сунут в карман булжик, ты тоже будешь таскать его и говорить, что не заметил?

— Ты мне не аксакал, понял? Ты трепач и демагог. Гость пришел повеселиться, а его заставляют колодец копать. Можешь — посоветуй что-нибудь, не можешь — я сам что-нибудь придумаю.

Искандар, обругав меня и взяв деньги, пошел к буфету. Вернулся он с пачкой лотерейных билетов.

— Что это ты надумал?

— Не твое дело. Но когда доберешься до священных дверей Каабы, хорошенько помолись и попроси у Аллаха, чтобы на эти номера выпали самые крупные выигрыши. Как раз к твоему возвращению будет тираж. Тогда и посмотришь, что я с ними сделаю.

Но у золотых врат Каабы я забыл об этом. Мне было не до того. Я думал о том, чтобы не оказаться растоптанным паломниками, впадшими в неистовство и не удостоиться преждевременной чести посещения небесной канцелярии...

...Рассвело. Автобус остановился. Чайхана еще не начала работать, но чайханщик уже проснулся. Кто-то из наших отправились к нему просить воды для омовения. Я последовал за ними. Паломники окружили чайханщика и о чем-то спорили. Тот не хотел давать воду без денег, а они твердили ему о богоугодных делах и добродетели. Чайханщик в ответ согласно качал головой, но воду не давал. Мне стало стыдно и я протянул ему риал. Спор тут же прекратился. Шесть кувшинов были наполнены водой. Ее хватило всем и даже осталось.

Конечно, не так уж удобно вспоминать все эти мелкие расходы, тем более, что два с половиной суданских фунта, ушедшие на такси, и семь-восемь долларов, израсходованные на сигареты и разные мелочи, не такие уж большие деньги. Но как ни старался я не замечать чрезмерную экономность некоторых моих спутников, мне это не удавалось.

На другой остановке мы купили жареную рыбу и позавтракали. Один из участков дороги к лучезарной Медине проходил вдоль берега Красного моря. Из автобуса виднелись морские заливы, сунувшие свой нос на территорию пустыни. Редкие лодки, перевернутые вверх дном, покоились на песчаном берегу. Далекие паруса быстро исчезали из поля зрения.

Наш автобус, несмотря на перегрузку, шел быстро, оставляя позади легковые «Форды», «Кадиллаки» и «Мерседесы». Что касается автобусов, тут и говорить не-

чего, мы их обгоняли так же легко, как реактивный самолет обгоняет простые винтомоторные.

Женщина с двумя детьми, сидевшая справа от водителя, и женщина с одним ребенком, сидевшая слева от него, были его женами. Та, что справа, выглядела моложе и время от времени, открыв лицо, закуривала, а вторую сигарету, раскурив, протягивала мужу.

Тимурджан-кори громко распевал арабскую песню о четырех верных сподвижниках пророка. Махсум-Жевака, расстелив на коленях поясной платок, дожидывал рыбку, оставшуюся после завтрака, а затем, вынув мешочек с леденцами, принялся за них. Мой новый приятель кондитер со словами: «Это вам на дорогу», — подарил мне целлофановый мешочек, около килограмма очень кислых леденцов собственного производства. Махсум-Жевака, заявив во всеуслышание, что надо помочь доктору нести поклажу, забрал этот мешочек себе.

Асфальтированное шоссе шло на северо-восток. Кончилась ровная пустыня и по обе стороны дороги потянулись Столовые горы. Оказывается, что все здешние горы такие невысокие, больше похожие на холмы. Почти со всеми придорожными холмами и оврагами здесь связаны легенды и предания. Абдухалил-ака, наш дважды хаджи, знаток истории этих мест, время от времени привлекал наше внимание к какой-нибудь скале или холмику необычного вида и рассказывал или предание из жизни пророка, или что-нибудь из приключений хазрата Али и хазрата Амира Хамзы, или о похождениях смертельного их врага лживого и неверного Мусейлимы¹

— Посмотрите-ка вон туда, — говорил хаджи Абду-

¹ Один из арабских халифов, т. е. пророков, призывавших арабов к единобожию; выступил против Мухаммада, был разгромлен и убит (VII в. н. э.).

халил-ака, показывая на какую-нибудь скалу, торчащую над дорогой может быть миллионы лет.— Именно эту скалу хазрат Али, лев господа бога, будучи на горе Каф¹, заложил в свою пращу и швырнул на головы неверным.

— Вот этот котлован, который вы видите, не что иное, как след от копыта Дульдудля, коня льва господа бога...

— Вон ту гору, разделенную надвое, расколол никто иной, как Амир Хамза.

Как правило, после каждого намаза или сам Кори-ака, или Тимурджан-кори, или кто-нибудь из стариков подревнее прочитывали одну или две суры из Корана. Сегодня на рассвете, слушая чтение Корана, мулла Зульфикар задумчиво ковырял песок около своего молитвенного коврика и нашел маленькую раковинку. Он показал ее Абдухалилу-ака, и наш дважды хаджи тут же поведал нам предание, согласно которому на том самом месте, где мы совершали молитву, тысяча четыреста лет тому назад произошла кровопролитная битва лживого Мусейлимы, подлеца, еретика, мерзавца и веротступника с правоверными. Кафиров было больше и поражение мусульман казалось неизбежным. Вдруг, по директиве господа бога, войску нашего любимого пророка подоспела помощь: рыбы со всех морей и океанов мира обрели крылья и, прилетев на поле брани, затмили небо от горизонта до горизонта. Ударяя хвостами и ногами по глазам неверных и их распроклятых верблюдов, храбрые рыбы ослепили их всех в одно мгновение. Благородное и героическое войско ислама саблей справедливости отсекло головы всем врагам веры. Таким образом, раковинка, которую Зульфикар нашел в песке, оказы-

¹ Так называется в восточных легендах Кавказский хребет.

вается, была священным напоминанием о подвиге великих стай летающих рыб, которые с тех времен удостоились благословения вестника Аллаха.

— Хаджи! Эй, хаджи!

Это голос Искандара возвращает меня на землю от раздумий.

— Слушаю, дружище. Что скажешь?

— Уже целых три дня, как ты лишил меня благочестивых бесед. Чем обидел я твою нежную душу? Что сделал? Почему меня, беднягу, ты теперь не жалеешь?

— Ого, белым стихом заговорил! Видно, ты в духе.

— Аль-хамдулилла! Надеюсь, что и ты не горюешь и доволен своей судьбой.

— Да, доволен, настолько доволен, что никакой талант не в силах изобразить степень моего довольства. При каждой молитве я добрым словом вспоминаю тебя и молю Аллаха, чтобы то благодеяние, которое ты подстроил мне, воздалось тебе сторицей.

— Ладно, хватит, знаю я твои молитвы. Расскажи лучше, что ты делал последние три дня?

— Жил в благословенной Мекке. Продолжал привыкать к праздному времяпрепровождению. Мои подопечные были в добром здравии. Изредка ко мне приходили больные чужеземцы, которых я лечил. Чемодан с медикаментами стал вдвое легче.

— Да благословит тебя Аллах! А что ты еще делал? Неужели три дня подряд в Мекке...

— В благословенной Мекке!

— ...Да, да, в благословенной Мекке ты не совершил чего-нибудь примечательного?

— Примечательное было то, что мы раздавали бакшиш.

— Бакшиш? А кому? Зачем?

— Начальству из управления хаджжа, для того, чтобы получить разрешение на путешествие. Каждый божий день туда ходили наш казначей и переводчик вместе с одним из сеидов. Однако в упомянутом управлении какое-то из колесиков машины, которая ставит печати на разрешение, начало скрипеть. Чтобы смазать это колесико, объясняли наши ходоки, нужно поднести бакшиш какому-то администратору — по десять риалов от каждого паломника. Поскольку казна у нас общая, нам сообщали об этом для сведения, чтобы потом, увидев ведомость расходов, мы не спрашивали, куда ушли деньги. Демократия, понимаешь?

— Да понимаю, раз демократия, то понятно.

— На следующий день опять говорили, что денег на смазку не хватило, надо еще дать бакшиш, на этот раз, слава Аллаху, по семь риалов с души. Что поделаешь, коли тут такие обычаи? Если помнишь, я говорил, что в почтенной Джидде нашу группу разделили на ташкентцев и казанцев. Мы, ташкентцы, в течение двух дней четыре раза давали бакшиш и благополучно получили разрешение на продолжение путешествия, но шестерым казанцам пришлось и на третий день платить дань.

— С чем связана такая привилегия? С природой казанцев или же должностных лиц управления хаджжа, которые ведали ими?

— По-моему, это одна из тех тайн, время раскрытия которой еще не пришло.

— Возможно. Ну да ладно. Скажи мне, хаджи, ты больше не забывал, что находишься на чужбине?

— Забывал, черт побери, дважды забывал! От этого чуть не произошла катастрофа. Вернувшись из святого Таифа, наше начальство поспешило на конгресс мусуль-

манского мира, а остальные отправились побродить по рынкам. Твой покорный слуга вышел покурить на лестничную площадку. Стою я, курю и вдруг слышу чьи-то шаги. Глянул наверх, вижу по лестнице спускается молодая женщина. Помнишь, как наши классики восхваляли в своих стихах луноликих красавиц с глазами серны, с кипарисовым станом, белым, словно серебро, лицом?.. Вот именно такая красавица спускалась по лестнице. А я в эту минуту задумался о своем крае, о семье, друзьях, забыл, где я нахожусь, и спокойно посмотрел на молодую женщину. Ведь у нас, если увидишь красивую девушку, смотришь на нее, как на произведение искусства или картину природы, за это тебя никто не станет ругать.

— Кроме жены, конечно, хочешь ты сказать.

— Разумеется, жена исключение. Так вот, в рассеянности я невольно поздоровался с ней. Она слегка кивнула в ответ на мое приветствие. Кивнула и, восторженно улыбаясь, вдруг быстро закрыла лицо чадрой, воскликнула: «Киф!»¹ и гневно топнула ногой. Только тогда я опомнился, торопливо сунул окурочек в карман и быстро нырнул к себе в комнату. На крик молодой женщины сверху и снизу сбежались другие. Некоторое время они с жаром швыряли кирпичи на могилы моих предков, а потом разошлись.

— Но ведь ничего не произошло?

— Ничего?! А появившись в это время кто-нибудь из столпов шариата? Твоего друга быстренько выволокли бы на площадь и осыпали градом камней. Или в лучшем случае бросили бы в зиндан² своей справедливости, где, по уверениям моего знакомого кондитера, самый силь-

¹ Как! (араб.).

² Тюрьма, темница.

ный, самый выносливый человек не протянет больше года.

— Тогда по случаю избавления ты должен пожертвовать семь лепешек или же бутылку коньяку!

На другой день в Каабе во время полуденного намаза мулла Нариман, совершив суджуд¹, не мог подняться. Тебе известно, что полуденный намаз состоит из десяти элементов. А состояние нашего муллы Наримана ты сам мог видеть в Шереметьеве... Поскольку я головой отвечаю за здоровье каждого хаджи, я был вынужден нарушить благолепие молитвы, взвалить на себя почтенного старика и оттащить его в сторонку. Как только кончился намаз, столпы шариата окружили нас тесным кольцом и принялись поносить меня. Мулла Нариман сидел, бессильно прислонившись к колонне, не в состоянии произнести ни слова. Твой покорный слуга, мешая таджикские, узбекские, русские и арабские слова, пытался объяснить, что, дескать, я доктор, а этот почтенный старец, хоть и из непорочного рода ходжей, но сердце у него слабое, он болен, и прочее и прочее. Но все было безрезультатно. Окружавшие продолжали ругаться, а один старый араб с кучей бороденкой, угрожающе размахивал тяжелым чугунным кувшином, иногда как бы нечаянно касаясь моего плеча. А истинного хожу он даже пнул ногой. К счастью, откуда-то появился один из моих земляков, навещавший нас в доме Сайфи Ишана, и, вмешавшись, объяснил в чем дело нашим разгневанным братьям по вере...

Поддерживая заболевшего муллу Наримана, я отвел его домой, вспоминая по дороге твои рассказы о весенних горных потоках. Помнишь, ты рассказывал, что,

¹ Кульминационный момент ритуальной молитвы, когда молящийся, распростертый ниц, касается земли носом.

когда был маленьким, на твой кишлак каждую весну обрушивался горный поток и смывал на своем пути сады и огороды. Как и ты в свое время, я будто видел деревянные колыбели, медные самовары и доски от разрушенных домов, которые неслись в грязной пене бурлящего потока...

— Тогда ты должен пожертвовать еще семь лепешек. Таков обычай, мой хаджи, не мне тебя учить.

АЛЬ-МАДИНАТ-УЛЬ-МУНАВВАРА ИЛИ ЛУЧЕЗАРНАЯ МЕДИНА

В этом сорокатысячном городке, наверное, больше мечетей, чем во всех городах мира вместе взятых. Кажется, что здесь больше минаретов и купалов мечетей, чем дымоходов.

Один из слуг Ахмада Султана Самаркандского, встретив нас у остановки автобуса, погрузил наш скарб на арбу, в которую был впряжен ишак, и сам зашагал впереди. Мы будем жить в доме его хозяина. Еще в благословенной Мекке Ахмад Султан Самаркандский, зайдя к Сайфи Ишану, договорился с Кори-ака о здешнем нашем местожительстве.

Ахмад Султан оказался сыном одного из богатейших духовных лиц Самарканда, знаменитого ишана Султан-хана, накануне революции отдавшего богу душу. Неглупый и предусмотрительный сынок, почуяв куда и откуда дует ветер, «добровольно» отдал новой власти стада скота, недвижимую собственность и самое громоздкое из имущества — около двадцати тысяч десятин пахотных земель своего папаши, расположенных по дороге к Пенджикенту, а сам вскоре пустился наутек. После двухгодичных скитаний, кажется, в Азербайджане, он, наконец, перешел границу и через Иран и Турцию добрался до Аравии.

У себя на родине я иногда встречал людей, о которых говорили, что они «сбежали из-под виселицы». Выражение это воспринималось метафорически. Теперь я видел человека, который действительно бежал из-под виселицы.

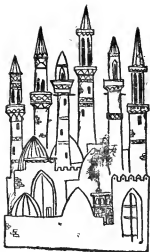
Ахмад Султан был низенький, но плотно сбитый и довольно подвижный словоохотливый человек лет семи-десяти. В те дни он разместил восемьсот паломников из Ирана и Афганистана в своих домах, обеспечив их пищей, ночлегом и транспортом. День и ночь его зычный голос доносился то с улицы, то с внутреннего или наружного двора. Ахмад Султан не давал передышки своим четырем женам, трем сыновьям и многочисленным слугам, поминутно выкрикивая всякие распоряжения и не позволяя ни минуты посидеть на месте.

Мы заняли три маленькие комнатенки с отдельными выходами на внешний двор. В остальных кельях первого этажа и в помещениях второго жили паломники из Афганистана и Ирана. Не дав перевести дух после пятисоткилометрового переезда, нас повели в мечеть пророка, где находилось место его вечного упокоения.

На улицах — паломники трех континентов. Шум и гвалт, давка и толчея, крики и суматоха не хуже, чем в благословенной Мекке.

Мечеть пророка оказалась довольно большой и в ней, а также на прилегающих площадках, молились одновременно свыше трех тысяч верующих. Здание было построено из жженого кирпича по лучшим образцам архитектурного искусства Востока. Пол мечети и его суфы из чистого мрамора устланы дорогими коврами.

Нас проводили в юго-восточный предел мечети. Здесь расположена усыпальница пророка, внешние стены и двери которой выложены изразцами, раскрашенными во все цвета радуги. Теперь нашим муршидом¹ был Ахмад Султан. Обратившись лицом к первой двери усыпальницы и воздев руки к потолку, он громким голосом возвестил:

¹ Ведущий, руководитель, гид.

- Ассалам вас-салат¹, о чистый свет!
Все повторили за ним:
— Ассалам вас-салат, о чистый свет!
— Ассалам вас-салат, о любимец Аллаха!
— Ассалам вас-салат, о великий провидец!
— Ассалам вас-салат, о раис всех ученых мужей!
И так далее и тому подобное.

Затем Ахмад Султан прочитал молитву и все произнесли «аминь». Паломники, пришедшие чуть раньше нас, продвинулись к следующей двери, а мы заняли их места. Напротив каждой двери повторялось «Ассалам вас-салат», молитвы, благословение и «аминь».

Найдя для нас место возле святой суфы, на которой в свое время совершал молитвы вестник Аллаха со своими сподвижниками, одним движением усов решая судьбы племен, принявших или раздумывающих, как бы не принять мусульманство, муршид удалился к святому месту с другими группами пилигримов, чтобы совершить обряд причащения. В ожидании вечерней молитвы наши кори, бормоча под нос молитвы, погрузились в самосозерцание. Ваш покорный слуга разглядывал богатое убранство мечети.

В одной книге, между прочим, говорилось, что христианская вера за свою двухтысячелетнюю историю принесла человечеству и кое-какую пользу, а именно — вдохновила Рафаэля, Джорджоне, Микельанджело и прочих великих мастеров эпохи Ренессанса, так же, как и Андрея Рублева и многих других, на создание немеркнущих произведений искусства на религиозные темы. Посетив огромную мечеть хазрата Аббаса в Таифе, мечеть Каабы и эту мечеть пророка, я пришел к мысли, что искусство, вдохновленное религией, в свою оче-

¹ Привет тебе и хвала.

редь, принесло религии еще бóльшую пользу. Если тот, кто хоть капельку верит преданиям о воскресении хазрата Исы (Иисуса), кто верит в обетованную землю хазрата Мусы (Моисея) и преданиям о том, что творец создал всю вселенную за шесть дней, побывает в величественных соборах Парижа, Москвы, Рима, Киева или Лондона и посмотрит шедевры изобразительного искусства, тот еще больше укрепитя в своих религиозных убеждениях.

Верящий в то, что хазрат Али, лев Аллаха, одним взмахом сабли отрубал голову сразу двумстам неверным, еще больше укрепитя в своей вере при виде внушительности этих гигантских мечетей.

Раньше таджикские и узбекские певцы распевали мелодию муноджот на стихи, посвященные богу и его вестнику, а также мукам, которые ждут смертных на том свете. В волшебных мелодиях муноджот, как и в произведениях Иоганна Себастьяна Баха, было столько глубокого и эмоционального содержания, что переворачивало душу; если бы их услышал человек с поколебленной верой, то он криком закричал бы: «О, прости, Аллах!» — и бросился бы к подножию кафедры проповедника.

Спросите любого, кто не может слышать эти рассказы без снисходительной улыбки, был ли он в знаменитых мечетях или церквях? И что он там почувствовал? Если он человек правдивый, он ответит, что это здорово, что это впечатляюще, что он пришел в умиление. Да, удивительно тонкое архитектурное искусство, с которым создавались крупные мечети и церкви, таинственные мелодии церковной музыки и песнопений, торжественное чтение святых книг, проникающий в душу голос проповедника, тяжелый, степенный ритм религиозных ритуалов — ведь все это плоды искусства,

все это плоды разума тех самых земных чудотворцев-людей, которые, не подозревая о своих безграничных способностях и силах, поклонялись чему-то неизвестному, неведомому...

Возня и женские голоса нарушили дрему правоверных. Выйдя из состояния самосозерцания, пилигримы обернулись к высокой, украшенной орнаментами кафедре проповедника, где затеяли возню две женщины в чадрах, незаметно проникшие в мечеть и почти достигшие усыпальницы пророка. Обе, очевидно, имели намерение оплакать и убажить дух пророка и совершить здесь вечернюю молитву. Однако бдительные служки мечети вовремя открыли опасный заговор и принялись изгонять нахалок. Женщины сопротивлялись, что-то доказывали, говорили о милосердии и жалости, но четверо молодцов, конечно, одержали победу над двумя представительницами слабого пола.

Необыкновенными качествами обладал все же наш почтенный пророк. У него было не больше, но и не меньше двадцати двух жен, и до конца дней своих наш хазрат довольствовался как их услугами, так и услугами бесчисленных рабынь. В своде законов и правил, которые пророк повелел соблюдать всем, он не считал уместным поставить женщину выше обыкновенного домашнего скота. Сам хазрат тоже, конечно, родился от матери, но тем не менее, в священном Коране наказал записать золотыми буквами, что «женщина происходит от низшего существа и не имеет цены в глазах Аллаха».

Или мы, последователи мудрости хазрата, ошибаемся? Может быть, и обиды и огорчения, которые достались нашему многострадальному пророку от женского пола, были несколько не меньше полученных наслаж-

дений и радостей? В самом деле, если внимательно прочитать прославленный Коран и познакомиться со священными преданиями, то увидишь, что жены пророка и даже его невесты доставляли хазрату немало хлопот и беспокойства.

Как-то раз пророк в пышных одеждах жениха направлялся в один из своих многочисленных покоев, довольно почесывая бороду. В то время борода хазрата имела уже не цвет маша¹ с рисом, как говорится у таджиков, а цвет риса с небольшой добавкой маша. Итак, направляясь в свои покои, хазрат предвкушал, какими нежными ласками встретит его новая невеста, дочь одного из приближенных.

Он вошел в покои невесты и увидел перед собой красавицу. Но ни поклонов, ни приветствий с ее стороны. Пленительные очи невесты источали не свет преданности и любви, а пламя ненависти и презрения. Девушка была далеко не покорным созданием, как того ожидал высокочтимый жених, а рычащей львицей.

— Явился все-таки? А ну убирайся побыстрее, чтобы я не видела твою пакостную рожу! — были первые слова, которые услышал хазрат от своей нареченной.

Наш пророк, привыкший за последние годы к бесконечным победам, обомлел.

— Тебе не приходилось видеть свою седую бороду? Ты уже забыл, сколько лет назад ты стал дедушкой? — так же грозно вопрошала непокорная. — О небо, до каких пор будешь ты терпеть эти мерзости и подлости?!

Хазрат поспешно вышел из покоев и с рассеянным видом направился к своим сподвижникам, которые сидели вот здесь, на этой самой святой суфе.

¹ Сорт гороха темного цвета.

— Наш высокочтимый, горячо любимый хазрат чем-то обеспокоен? — осторожно высказался один из сподвижников. — Или невеста не приглянулась?

— Нет, невеста недурна, — отвечивал хазрат, усаживаясь на свое почетное место. — Она весьма приветливо встретила нас и клятвенно заверила в глубокой любви и уважении. Но архангел Джабраил принес нам с неба повеление всемогущего Аллаха. Владыка изрек, чтобы его вестник не разделял ложе с этой девушкой, хотя она несомненно достойна его и происходит из благородного дома. Повеление творца обязательно даже для его любимца.

— Воистину повеление Аллаха обязательно для всех.

— Аллах велик, Аллах велик! — раздались возгласы.

— Наш дорогой Абу-Бекр, — обратился пророк к своему приближенному, который после его смерти стал первым халифом мусульманского мира, — выполните наше желание, верните эту девушку в дом ее отца.

Как говорится, можно запереть городские ворота, но закрыть рот сплетникам значительно труднее. Спустя несколько дней происшествие в опочивальне пророка стало известно всей лучезарной Медине, и люди наградили девушку кличкой Непокорная Невеста, под которой она и вошла в святые предания, дошедшие до наших дней.

Да, такие казусы в дражайшей для правоверных жизни нашего пророка приключались не раз. Разве случай с матушкой Айшой не похож на эту историю? Матушка Айша, дочь Абу-Бекра, то есть одного из четырех вернейших друзей пророка, и законная жена самого вестника бога, представьте себе, втрескалась в молодого раба по имени Сафван, своего ровесника. Любовь матушки Айши и Сафвана сперва была скрыта от люд-

ских глаз, но однажды влюбленные отстали от каравана верблюдов в пустыне к югу от лучезарной Медины и исчезли на целые сутки. Множество воинов было послано на поиски. История эта не избежала людских уст. Ноги не на шутку рассерженного пророка не будет больше в покоех Айши! Все думали, что любимец Аллаха выгонит матушку Айшу, а хазрат Абу-Бекр будет ходить с низко опущенной головой. Черта с два. Матушка Айша была хороша собой. Через две недели после разразившегося скандала люди увидели, как на рассвете пророк вышел из ее покоев. Это известие быстро распространилось по всему городу. В тот день любимец Аллаха, заметив во время полуденной беседы вопросительные взгляды и выражение недовольства на лицах сподвижников и учеников, изволил объяснить:

— Вчера к нам пожаловал предводитель ангелов. Всемогущий Аллах передал нам через архангела Джабраила: «Мы простили проступок Айши и больше нет надобности, чтобы наш посланец продолжал избегать ее».

Услышав разъяснения пророка, все стали издавать радостные возгласы:

- Нескончаемая хвала великому Аллаху!
- Слава всемилостивому владыке!
- Воистину повеления творца священны!

Пророк разъяснил этот случай двенадцатью аятами, повелев ввести их в прославленный Коран, чтобы заткнуть рты недоброжелательным сплетникам и сослужить службу последующим поколениям в том смысле, чтобы впредь мужья строго-настрого наказывали своим женам закрывать лицо от всех посторонних мужчин. Чадра, паранджа, парда, чапонча, чачван и другие тому подобные штуки появились именно по повелению этих аятов и сперва успокоили нашего пророка, а затем и

других мужчин тем, что пресекли ухаживания разных сафванов и возможность возникновения у женщин-мусульманок всяких там чувств, именуемых любовью.

Совершив молитву возле усыпальницы пророка, мы вернулись в дом Ахмада Султана. Хаджи Ибрагим Ходжентский и Хаджи Исмаил Казанский пришли навестить нас. Хаджи Исмаил, тощий, чернявый, пожилой человек с козлиной бородкой, одет, как все арабы, и кожа под воздействием горячего солнца и жарких ветров Аравии у него темная, как у арабов. Хаджи Исмаил служит инспектором в управлении колодцами лучезарной Медины. Он выпрашивал наших татар и башкир о Татарии, о Казани, о том, как живут там его соотечественники.

А Хаджи Ибрагим сказал только, что рад нас видеть, и умолк. Я спросил, каким образом он очутился здесь. Старик ответил, что покинул родину в 1932 году, шесть лет жил в Афганистане. Вот уже больше двадцати лет, как он в лучезарной Медине. Мысль жениться вторично никогда не приходила ему в голову, его никогда не покидали воспоминания о покинутой семье и родных. Двадцать два года прослужил он в мануфактурной лавке, в торговом ряду лучезарной Медины, а три года назад ушел от всех дел и целиком посвятил себя молитвам.

Устав с дороги, я рано уснул.

Всю ночь снились какие-то дурацкие сны. Будто рядом с овощным колхозным ларьком напротив мединститута я открыл свою торговлю кока-колой и пепси-колой. Искандар работает у меня подручным, но, каков подлец, как только к лавке приближается кто-нибудь из знакомых сотрудников или врачей, он, улучив минуту, когда я отворачиваюсь, шепчет им на ухо: «Полюбуй-

тесь на вашего коллегу! До чего дошел наш паломник!» А я, желая привлечь в свое торговое заведение как можно больше покупателей, воплю на весь проспект Ленина:

— Ишриб барид! Кукола! Кукола! Маринда!..

Утром второго дня, сев в автобус под водительством ишана Ахмада Султана, мы отправились почтить святы места лучезарной Медины. Сперва автобус остановился у низенького дувала, огораживавшего знаменитейшее кладбище этих краев — Джаннатулбакия, что примерно означает место почивания тех, чье место в раю. Под глинобитным дувалом, укутавшись в чадры, сидело около сорока паломниц. Они ожидали, когда уйдут мужчины.

Мы стали обходить могилы приближенных и потомков пророка. У могилы третьего халифа хазрата Усмана, а также дочери пророка матушки Фатимы молитвы пилигримов были особенно усердны. Под воздействием окружающей обстановки и рассказов ишана Ахмада Султана, а также того, что повествовал Кори-ака, все мои спутники плакали навзрыд. Над могилой матушки Фатимы, матери имама Хусейна и имама Хасана, лили слезы паломники-иранцы. Они рвали на себе волосы, царапали в кровь лица, причитая, посылая головы землей с могилы. Ваш покорный слуга в душе ругал себя за свою черствость — даже возле святой могилы я не мог выдавить хоть бы одну слезинку.

Задержавшись возле одной из могильных плит, Кори-ака сказал:

— Здесь погребен драгоценный прах благородной женщины, светлая любовь к которой пророка Мухаммада, любимца Аллаха, была особенно ревностной.

Кори-ака и здесь прочитал молитву, но не назвал имени женщины. По-видимому, имелась в виду Зейнаб. Обычно, когда речь заходит об этой особе, наши духовные отцы без большой охоты принимают участие в беседе, а между тем предания о Зейнаб весьма примечательны и поэтому занимают достойное место в священных писаниях.

Дело в том, что однажды наш уважаемый пророк почему-то без предупреждения вошел в шатер своего приемного сына Зайда в тот момент, когда Зейнаб, его жена, купалась. При виде молодой красавицы, да еще обнаженной, хазрат на минуту забылся. Затем, с трудом собрав растерянные мысли воедино, он обратился к господу богу:

— Тысячу раз слава и хвала тебе, о, владыка, сотворивший существо такой красоты и привлекательности. Только ты один способен на подобное чудо...

Прошло немного времени, и любимец Аллаха уговорил Зайда развестись с Зейнаб, и красавица вступила в святой брак с нашим пророком.¹

Мы пошли к горе Оход, где находится братская могила семидесяти трех безвременно погибших за веру. В этой местности сто двадцать последователей пророка сражались против тысячи двухсот вероотступников. И хотя семьдесят три война за веру сложили тут свои головы, но все-таки победа правоверных над превосходящим их ровно в десять раз войском была достигнута. Я вспомнил чудесный меч хазрата Али — Зульфикар. Когда Зульфикар покоился в ножнах, он был длиной всего в два аршина, но стоило лъву господу бога извлечь

¹ В одном предании говорится, что наш уважаемый пророк принудил Зайда совершить этот шаг. Хотя, по логике вещей, это предание весьма похоже на правду, но оно уж слишком далеко от мусульманской этики (Ф. М.).

его из ножен и размахнуться над головами своих врагов, как он удлинялся до двухсот аршин и при каждом взмахе сносил с плеч головы двухсот гяуров, отправляя их души прямым путем на вечную прописку в ад. Вспомнил я также мудрого, говорящего иногда человеческим языком коня хазрата Али, бесстрашного Дульдудля, который в случае необходимости мог проскакать в один миг расстояние между Аш-Шамом и Ас-Сином, то есть от Средиземного до Китайского моря. Если, не приведи господь, мусульманскому войску приходилось плохо, то Дульдудль брал инициативу в свои руки (и ноги, конечно), камнем бросался в гущу неверных и в одну минуту наворачивал горы из мерзких трупов.

Всюду по святым местам сидят менялы, которые обменивают риалы на серебряные монеты. Помимо менал, тут и там, бродят сотни нищих. Они перебегают от одной группы паломников к другой и, окружая их плотным кольцом, не дают прохода, требуя подаяния, мешают молиться до тех пор, пока не изымают у них все имеющиеся в наличии куруши. Мелкие монеты быстро переключиваются затем из кармана нищих в медные чаши менал, а бумажные риалы переходят в собственность нищих. Уши паломников ни на секунду не отдыхают от возгласов: «Бакшиш! Хаджи, бакшиш!» В выгоде оказываются все: и менялы, и попрошайки, и даже паломники, карманы которых хоть и заметно облегчаются, но зато все тяжелее и весомее становятся их деяния во славу Божию.

Рядом с горой Оход торговали несколько бакалейных лавок. Махсум-Жевака уже возвращался оттуда, одной рукой прижимая к груди что-то похожее на тыкву, а другой отрезая ножом большие куски и отправляя себе в рот. То, что он ел, называется тарра и по вкусу напоминает наши огурцы.

Увидев Жеваку, Исафил отправился в торговый ряд и вернулся с американской жевательной резинкой. Через минуту добрая половина нашей группы жевала чуингам. Эта штука понравилась и мне. Когда жуешь, все мрачные мысли улетучиваются из головы и на душе становится легче. Правда, и у этого занятия есть свой недостаток — лицо жующего лишается того облика, который отличает человека от жвачного животного.

Над могилой Вахши-Меткого стрелка Кори-ака рассказал одно предание. Оказывается, Вахши и в самом деле был метким стрелком. Достаточно сказать, к примеру, что, находясь в лучезарной Медине, он мог без промаха поразить левый или правый глаз муравья, ползущего в горах Таифа. Одна женщина из неверных, сына которого прикончил полководец ислама Амир Хамза, раздобыв подарками Вахши-Меткого стрелка, уговорила его убить Амира Хамзу, а печень его отдать ей на съедение. Вахши-Меткий стрелок так и сделал. Съев печень полководца ислама, убийцы ее сына, гяурка успокоила свое мстительное сердце.

Глаза молодых кори, слушавших это предание, сверкали воинственным блеском, и они, словно боевые кони, топтались на месте. Окажись в эти минуты поблизости войско неверных, я убежден, что наша молодежь, несмотря на отсутствие Зульфикара или бесстрашного Дульдудля, ринулась бы в гущу сражения.

В тот день мы посетили также места первых молений пророка — пять маленьких мечетей, а затем поехали к мечети Кубо. Перед тем, как войти в нее, Кори-ака предупредил, что святость этой мечети весьма высока и ее можно поставить на второе место после Каабы Аллаха.

Перед алтарем мечети была дважды сотворена молитва. Мулла Исафил прочитал суру из Корана. Па-

ломники еще не успели подняться с места, как к ним стремительно подскочил имам мечети и заявил, что мы должны дать ему бакшиш, иначе наш хаджж не будет утвержден Аллахом. Поскольку риалы кончились, Абдухалил-ака дал ему несколько долларов. Взамен мы удостоились пышного благословения.

Потом подошел другой служитель мечети и сказал, что он мутавалли. Пришлось нам взамен благословения дать несколько долларов и ему.

Мы уже спускались по лестнице мечети Кубо, когда еще один служитель преградил нам путь и потребовал поднести ему бакшиш в честь прославленного Корана. Его довод был из веских, и наш общий кошелек снова потерял в весе. К счастью, авангард нашей группы заметно ускорил шаги, иначе не было бы конца святым са-нам и священным поводам, которые могли бы дотла опустошить нашу казну.

Но подлинный штурм нам предстояло испытать впереди. По меньшей мере шестьдесят подростков лет двенадцати-тринадцати отроду взяли нас в окружение, требуя своей доли. Когда у кого-нибудь кончались заранее приготовленные монеты и в ответ на просьбы о подаении раздавалось «куруш мафи», то есть «куруш нет», они хватали паломника за рукава, за подолы и силком тащили к менялам.

В этих краях мир капитала называют свободным миром, и в нем Саудовская Аравия занимает не последнее место. Она вторая по запасам нефти. Каждый год компания «Арамко»¹ выкачивает отсюда восемьдесят-девять миллионов тонн нефти и по нефтепроводам, протянувшимся на юго-восток от Аравийского полуострова

¹ Сокращенное название Аравийско-американской компании.

до Средиземного моря, перебрасывает ее в порты Ливана, а оттуда вывозит на европейский рынок. Часть прибылей уходит в святую мощу короля, другая часть в карманы заокеанских дядей. Неспроста король Сауд в списке богатейших людей мира занимает после миллиардеров Соединенных Штатов Америки четвертое место. Однако, говорят, что его величеству приходится нелегко. Только чистокровных принцев крови насчитывается у него триста пятьдесят штук, и если у кого-нибудь число легковых автомобилей, упаси боже, окажется меньше десяти, они закатывают такие скандалы, что день делается черным для всех окружающих.

Я вспомнил все это утром, увидев на одной из центральных улиц пустой деревянный барабан из-под кабеля. У нас их в лучшем случае используют на дрова, здесь же старый барабан установлен на перекрестке и над ним от солнца водружен тент. Барабан выполняет роль подмостков для полисмена-регулирующего.

И сейчас при виде того, как вымогатели бакшиша штурмуют паломников, мной вновь овладели раздумья на экономические темы.

Среди нищих встречались однорукие мужчины с развевающимися по воздуху пустыми рукавами. Они ли-

шились конечностей в наказание за воровство. Здесь достаточно украсть что-нибудь хоть на десять риалов, чтобы вору отрубили руку. Прославленный Коран, если память мне не изменяет, в сорок втором аяте пятой суры предписывает:

«Вору и воровке отсекайте руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха».

При повторном воровстве повторяется и воздаяние, то есть вору отсекают и другую руку. Никто не спросит несчастного, почему он украл, почему это случилось, как докатился он до этого? Закон крепок, как сталь, и меч правосудия востер.

«На сколько ты украл фруктов?» — «На десять с половиной риалов, мой господин». — «Положь сюда руку, вот сюда на плаху. Вот так, молодец, правильно...»

В прежнее время больше половины обездоленных, попавшихся на кражах и получивших за это такой урок воспитания, приказывали долго жить. Палач отрубал руку и уходил восвояси, дальше ему ни до чего не было дела. Наказанный отдавал богу душу от кровотечения или же погибал в невероятных муках от заражения крови.

Иное дело теперь. По совету американских братьев за исполнением приговора ныне наблюдает врач. По одну сторону плахи палач делает свое дело, а по другую — врач оказывает медицинскую помощь. Это «гуманное» новшество впервые было введено во владениях «Арамко», где работает и живет большинство американских братьев, а уже оттуда перекочевало в другие города страны. Вполне возможно, что в один прекрасный день представитель Соединенных Штатов, выступая в Организации Объединенных Наций, либо с другой высокой трибуны, потребует, чтобы и это доброе начинание было вписано золотыми буквами в списки благодеяний, со-

вершенных Америкой для народов Ближнего Востока. Возможно, такое и будет. Жизнь полна подобных казусов.

Голодные и уставшие вернулись мы в свое пристанище в предвкушении вкусной и обильной мясной шурпы. И тут случилось такое, что надолго запечатлелось у меня в памяти. Нам, шестерым постояльцам третьей кельи, молодой слуга принес шесть мисок с шурпой, но забыл ложки. Трое паломников, мгновенно разломив лепешки, принялись макать их в шурпу и есть, держа миски в руках. Они дули на суп, чтобы он побыстрее остыл, но шурпа была как огонь и обжигала губы. Тогда они сердито поставили миски на дастархон, нетерпеливо поглядывая на дверь. Слуга, наконец, появился и, остановившись в дверях, швырнул несколько ложек. Три представителя духовенства поймали ложки на лету с такой ловкостью и проворством, что слуга рассмеялся от удовольствия. М-да, увидеть такой номер удастся не каждому даже в цирке.

Исрафил кивком показал в их сторону и улыбнулся мне. «Каков талант!» — будто говорил он. И вдруг насутился, лицо у него потемнело. Не притрагиваясь ни к лепешке, ни к шурпе, он некоторое время сидел молча, поглядывая на потолок и покашливая.

— Сделайте любезность, скажите мне, — вымолвил Исрафил наконец, обращаясь сразу ко всем трем жонглерам, — что за номер вы сейчас выкинули? Неужто вам не пришло в голову, что о нас могут подумать плохо?

Фокусники слушали чрезвычайно корректную речь вице-главы с поникшими головами, но не переставали есть. Только мулла Тешабой на секунду оторвался от миски, недоуменно взглянул на Исрафила и тут же, как ни в чем не бывало, стал поглощать шурпу.

Исрафил вышел из комнаты.

До недавнего времени при виде того, как эти почтенные люди спорят, бранятся и, словно дети, выхватывают друг у друга еду, занимают место для сидения или ночлега, я бывал опечален до глубины души. Несколько раз я пытался вмешаться. Они вроде бы внимали моим словам, но через час-другой я видел, что Ахмад как был, так и оставался Ахмадом. Опять Махсум-Жевака или мулла Тешабой, захватив кувшин для воды, клали его на ночь себе под подушку, чтобы на рассвете прежде других совершить омовение. Опять кто-нибудь отнимал у своего соседа бутылку кока-колы, которую тот не успел даже пригубить... Но теперь я делаю вид, будто ничего этого не замечаю. Руководителем группы является Кори-ака. Исрафил — вице-глава. Кроме того, каждый из этих мулл считается учителем этики в своих краях. Ну, да бог с ними. Мои соотечественники там, на родине. Хорошо, что среди мусульман распространена поговорка: «Делай так, как говорит мулла, но не делай так, как делает он».

Не желая отказываться в знак протеста от еды, я доел шурпу и отправился разыскивать Исрафила. Во дворе его не было. Я нашел его в чайхане рядом с домом ишана. Он сидел в самом дальнем углу, запивая чаем сухую лепешку. Я подсел к нему. Он велел чайханщику принести еще одну пиалу. Некоторое время мы молчали.

— Ты, кажется, говорил, что у тебя маленькие дети? — спросил наконец Исрафил.

— Да. Старший учится в четвертом классе.

— А мой сын, иншалла, будет большим ученым. А может быть, он уже большой ученый, только не говорит... Нельзя, наверное...

Исрафил задумался.

По-видимому, он вспомнил что-то приятное, улыбнулся самому себе, разгладил усы и продолжал:

— Я знаю только, что они получают электрическую энергию из пламени очень высокой температуры и используют ее в этих самых... космических ракетах. Ты слышал что-нибудь подобное?

— Я слышал только, что, пропуская электрический ток через пламя высокой температуры, можно привести в движение какой-то мотор, устроенный по совершенно новому принципу.

— Может быть, это то самое и есть... Я мало сведущ в таких вещах... Слава богу, завтра поедем в святую Джидду, а оттуда — в Хартум, — облегченно вздохнув, закончил Исфафил.

Да, почтение Медины закончилось. Завтра мы поедем в Джидду.

Все ушли в мечеть всеблагого Мухаммада. Я остался дома один.

В тени высоких финиковых пальм, росших посреди двора, подложив под себя два сырых кирпича, сидел старый слепой афганец. Он живет на втором этаже, и за два дня я несколько раз видел, как он забирается туда по не очень высокой лестнице, ощупывая ее руками и отдыхая через каждые несколько ступенек. Бедняга страдает астмой. Когда он поднимается по лестнице, свист от его дыхания слышен на соседних дворах. И в таком состоянии он отправился в паломничество и проделал несколько тысяч километров!

Как-то наше телевидение вело передачу из зала суда. Одна женщина, состоявшая в секте пятидесятников, по повелению своего духовного пастыря, принесла в жертву двухлетнего сына. Когда я вижу таких людей, то с сожалением думаю, что если бы направить их приверженность идее в другое русло на пользу земных

дел, то мир в течение одной недели можно было бы превратить в рай для всех. Но, увы, жизнь это клубок противоречий.

Паломники — афганцы и иранцы — бродят по двору, наполняют из бочек и хумов с водой свои кувшины и, таясь за дувалами и по углам двора, совершают омовение. Будто их всех мучает нестерпимая боль, они ходят с кислыми минами, насупленные, опустив головы на грудь и еле волооча ноги.

Улицы и площади, дома и торговые ряды лучезарной Медины забиты людьми, но нигде не слышно ни смеха, ни шуток, ни даже песни.

— Л'абан! Л'абан! Л'абан!¹ — доносится с улицы заунывный крик торговца.

Ему вторит другой, расхваливающий свой товар.

ПОТЕРПИТЕ ДО ЗАВТРА

Утром тринадцатого мая наша делегация вместе с Ахмадом Султаном отправилась в управление хаджжа, чтобы получить разрешение на возвращение в святую Джидду. Но разрешение дано не было. Без объяснения причины. Велели потерпеть до завтра, и все.

Остается только считать часы.

Утром пришел хаджи Ибрагим. Он привел к мулле Тешабоя своего земляка, владельца книжной лавки, который принес полную коробку браслетов, колец, бус и прочих безделушек. Он просил муллу Тешабоя доставить эти вещи в Ленинабад в подарок его родным. Потом они принялись беседовать о достоинствах и недостатках типографских изданий и различных рукописных

¹ Молоко (араб.).

списков святого Корана. Мы с хаджи Ибрагимом пошли в чайхану, расположенную по соседству. Старик, хоть и был неразговорчив, но зато являлся единственным человеком, который не скрывал привязанности к родине, не таил сожаления, что когда-то по собственной воле отправился на чужбину. О бывшем своем отечестве он не произносил ни единого недоброго слова. Было видно, что он искренне казнил себя за содеянную ошибку.

...Сижку один в келье с высоким потолком и со стенами, почерневшими от времени и копоты, в которой и днем не светлее, чем в могиле. В Судане мне доставляло удовольствие пройтись по улицам и поговорить с незнакомыми, но душевными и любознательными людьми. Здесь же, выйдешь на улицу, сам не будешь рад. На чужеземцев смотрят свысока, давая понять, что шестая часть населения земного шара — это мусульмане и что их Мекка и Медина являются центрами великой и единственно истинной религии, а сами они столпы и этих центров и этой религии.

Паломников из других стран считают здесь за баранов. Такое отношение можно было бы еще стерпеть, но глупые, провокационные, с подковыркой вопросы могут переполнить любую чашу терпения, как бы велика она ни была.

— Почему вас заставляют есть свинину?

— Почему того, кто носит тибетейку, не принимают на работу?

И так далее и тому подобное. Пока ответишь, пока вдолбишь ему в башку истинное положение вещей, печень истечет кровью.

Некоторые из них упрямо держатся за свои, шайтан его знает откуда, полученные сведения. Правда,

кое-кто, видя, с каким волнением ты отвечаешь на клеветнические вопросы, выказывает сожаление и миролюбиво просит прощения, старается загладить инцидент. Вчера один бакалейщик спросил, почему в Советском Союзе не разрешается молиться. Полчаса я твердил ему, что молиться у нас не запрещено. Любой желающий может пойти в мечеть, а если хочет, молиться дома. Мусульманская, христианская, еврейская, буддийская религии — все одинаково свободны у нас и каждая существует сама по себе. Бакалейщик слушал, слушал и, наконец, гневно затряс головой и воскликнул:

— Амрико хаб'ис!¹

Второй день замечаю, что в лучезарной Медине какие-то типы постоянно следят за нашей группой. Возможно, то же самое происходило и в благословенной Мекке, и в святом Таифе, просто я не замечал. Один человек в Мекке говаривал, что каждый раз после того, как гости разъезжаются по домам, представители власти тащат всех, кто хоть раз вступал в беседу с паломниками из Советского Союза в свои канцелярии и допрашивают: «Что он сказал?» — «А ты что сказал?» — «А он что?» — и так до бесконечности. Некоторым не дают спокойно жить три-четыре месяца подряд.

Интересно все-таки узнать, в чем это так можно подозревать наших паломников? Если бы спросили меня, я бы вмиг их успокоил. Напрасно тревожитесь, господа, сказал бы я. Разве человек, который на своей далекой родине проповедует ваши идеи, суры Корана и удивительнейшие священные предания, не является вашим несомненным другом? Меня подозревайте, меня! Вот это уже другой разговор. Один мой вид говорит этим соглядатаям, что со мной дело обстоит иначе.

¹ Бессовестная Америка! (араб.).

Но и в темной комнате я не остался без надзора. В полдень, вынув блокнот, я принялся составлять список израсходованных медикаментов. Ведь бóльшая их часть ушла на лечение больных из других стран. Наши бухгалтеры, хоть и хорошие люди, а все-таки бухгалтеры. Мне нужно хотя бы отметить, из какой страны те больные, которых я лечил, чтобы потом, в случае надобности, составить более подробный отчет с графами, разделами и пунктами.

Я был занят этим, когда ко мне подсел один из ресторанных слуг Ахмада Султана.

— Дохтур, ох и много же вы пишите,— сказал он, и я понял, что сей тип уже давно интересуется моей особой. Я мог бы растолковать ему, что я пишу или прочитать написанное, но при виде его подобострастия в хитро поблескивающих глазах во мне закипело упрямство и я нарочно сказал:

— Я заношу на бумагу некоторые очень важные сведения, чтобы не забыть.

— Да, да, хорошо, хорошо,— быстро закивал он, в то же время придумывая, как бы продлить разговор. Но, видимо, в голову ему ничего не пришло, он попрощался и вышел вон.

А я еще привез в Саудовскую Аравию свой фотоаппарат! Ну, не простофиля ли?! Хорошо, что я не потревожил его покой, не вынул из чемодана.

Слышу, что в соседнюю келью вернулись мои спутники. Прежде эти две кельи сообщались между собой. Теперь дверь заколочена досками. Постелив на пол тюфяк и соорудив из другого нечто вроде подушки, я прилег.

Через стену до меня донесся разговор старших.

— Кори, купили саканкур?

— Одну баночку. Дороже змеиного яда, будь он проклят!

— Ну-ка, дайте посмотреть... Ох, и противный же на вид! Лучше купить в порошке.

— А ишан Ахмад Султан сказал, что лучше в таком виде, здесь уж жулики не смогут примешать муку.

— Да, да, он в самом деле так говорил...

Интерес наших пожилых спутников к саканкуру является результатом вчерашней беседы с ишаном Ахмадом Султаном. Вчера мне выпал случай стать невольным свидетелем болтовни хозяина дома о кое-каких его приключениях.

...После того как он передал новой власти богатства своего отца и с тремя паспортами колесил по всей России, ишану приходилось попадать в разные переделки.

В Астрахани он влюбился в одну девушку. Старая сводница татарка, желая облегчить его муки, сперва на много облегчила его кошелек, но лишь после долгих ожиданий и проволочек он добился свидания, о котором мечтал.

Ишан Ахмад Султан весьма подробно описал волнение, испытанное им во время встречи с любимой, нежную красу девушки, воспроизведенную им до мельчайших подробностей. При этом слушатели поддерживали его поощрительным хихиканьем.

Молодой ишан совсем опьянел от ласк и лобзаний. В ту минуту он не мог поверить, что на долю представителя рода человеческого может выпасть большее счастье, как вдруг возлюбленная возьми да и заяви ему:

— Если ты хочешь еще чего-нибудь, кроме объятий и поцелуев, то поспеши, мне некогда.

Молодой и неопытный ишан тогда только понял, что старая сводница обманула его, утверждая, что эта де-

вушка — ангел, которого не целовала еще даже родная мать. Оказывается, этот ангелочек, прежде чем очутиться в объятиях ишана, побывал уже в десятках гуляхах.¹

В этом месте рассказа раздался взрыв хохота. Некоторые из слушателей, позабыв где они находятся, ржали во всю глотку. Кори-ака поспешно осадил их.

— Ну, а больше вы не попадались на обман, ишан-ака? — сдержанно смелся, спросил кто-то из слушателей.

— Слепой теряет палку один раз.

И как бы в подтверждение того, что палка не была потеряна вторично, ишан рассказал такую историю.

После того как слава об ишане, молитвы которого из невозможного делали возможное, распространилась по лучезарной Медине и ее окрестностям, один богатый меняла пригласил его в дом, прося не оставить без благотворного влияния чудодейственных молитв его больную жену.

Жена старика лежала посредине комнаты на одре болезни. Ишан Ахмад, усевшись возле нее, начал читать молитвы. Уголком глаза он заметил, что из-под покрывала, которым была закрыта больная, высовывается белоснежная изящная ручка молодой женщины. Повысив голос, ишан с удвоенным рвением продолжал чтение. Когда рука высунулась из-под покрывала выше локтя, хазрат ишан, вконец потеряв выдержку, проворно вскочил с места, сквозь дверную щель посмотрел в прихожую, а через окно — во двор и, также бегом вернувшись к изголовью больной, сорвал с нее покрывало

¹ Задняя сторона бани, откуда ее топят, как правило, выходящая в какой-нибудь тупик или закоулок. Обычное место ночных сборищ картежников, пьяниц и гуляк.

и, целуя точенные, словно мраморные ручки красавицы, с жаром восклицал:

— О ангел небесный, увидев согбенный стан твоего мужа, я сразу догадался, чем ты болеешь. Беру в свидетели вездесущего Аллаха, пусть мне будут запретны все другие занятия до тех пор, пока я не вырву тебя из когтей этой хворобы!

«Лечение» продолжалось шесть месяцев. За это время красавица полностью избавилась от своих неврастенических недугов и прочих болезней, одной из которых было бесплодие.

Когда ишан окончил рассказ, слушатели отблагодарили его одобрительными возгласами.

Все мои сожители, кроме Исафила, сидевшего со злой усмешкой на устах, уже давно переключались в соседнюю комнату послушать рассказчика.

Они засыпали вопросами словоохотливого хозяина.

— Ишан-ака, сколько бог послал вам детей?

— Шестерых, слава Аллаху. Трое из них уже стали моими помощниками.

— Жен сколько?

— Слава Аллаху, четыре. Жены, как на беду, подорожали. Раньше было хорошо. Когда в Египте было другое правительство, я, самое большое за двадцать-двадцать пять динаров, привозил с собой из каждой поездки шикарную девочку. Младшая, ваша рабыня, уважаемые гости, из Эфиопии. Она досталась мне по дешевке. Дешевое не бывает без изъяна, говорится в поговорке. Но оказывается, не всегда, или же ваш покорный слуга — счастливый раб божий. Хоть она и досталась мне почти задарма, но оказалась бесценным кладом.

И хазрат ишан пустился в рассказ о неопишемом темпераменте своей темнокожей подруги и о подвигах, которые он совершает на супружеском ложе.

Господи, думал я, выходя на улицу, как не похожи друг на друга люди, которых ты сотворил. Я встречал самых различных типов, слышал самые разнообразные рассказы, но до сих пор мне не приходилось быть свидетелем того, чтобы кто-нибудь выкладывал посторонним интимные подробности своей семейной жизни. Встречались субчики, для которых единственным предметом гордости и бахвальства был длинный список обманутых женщин. Честь и совесть для них пустой звук. Но даже они не доходили до такого бесстыдства.

Что заставляет хазрата ишана рассказывать все это? Желание вызвать восхищение своих слушателей? Или возрастное скудоумие? Или мужское бессилие, толкающее его на циничную болтовню? Что бы то ни было, но вместо благости и святости, куда более присущих его возрасту, в голосе ишана звучали сальные интонации.

Я вернулся в комнату. Беседа святых хаджи продолжалась. Ишан-чудотворец разглагольствовал уже о медицине и восхвалял чудеса саканкура. Саканкур —

это один из видов пустынной ящерицы. Ее убивают, высушивают, затем толкут в ступке и принимают в виде порошка. Говорят, будто это лекарство дарит старикам вторую молодость.

...Поздно вечером Ахмад Султан суетился со своими слугами во дворе. С внутреннего двора доносился плач его младшего пятилетнего сына, страдающего трахомой.

Закурив сигарету, я вышел во двор. Из дома слышались старческие вздохи и стенания больных паломников. Время от времени по соседству раздавался вопль ишака или собачий лай.

На низком аспидно-черном небе Аравии равнодушно мерцали звезды. На самой середине небосвода поблескивала Большая Медведица. Созвездие Весов будто было подвешено на ветке финиковой пальмы, растущей во дворе. Наш Аллах, спеша закончить строительство вселенной, видимо, поторопился и равновесие подарил только небесным телам. Даже Весы он поместил на небе. До лучезарной Медины от них доходит лишь холодное и далекое мерцание.

Ахмад Султан подошел ко мне.

— Ах, ну и устал же я! Давайте-ка я вам составлю компанию, дохтур,— предложил он.

Я протянул ему сигареты.

Конечно, не легкое дело обеспечить восемьсот паломников ночлегом, пищей и транспортом, сопровождать их по святым местам. Особенно трудно в эти дни, когда наступила пора расчетов.

Сегодня утром на этом самом дворе произошел скандал, и я понял, как тяжело даются деньги нашему хозяину. Группа афганцев, живущих в одном из домов ишана, с претензиями явилась к нему, спрашивая, почему он вот уже несколько дней зря держит их здесь.

Ишан ответил, что разрешение на путешествие за-

висит от управления хаджжа. Паломники афганцы требовали, чтобы хозяин во что бы то ни стало ускорил их отъезд, ибо они не имеют ни денег, ни времени для безделья. Ишан повторял свои доводы. Тем не менее кольцо афганцев вокруг него все сжималось и голоса спорящих, ругань и проклятия становились все громче. Не будь хазрат ишан ловкачом и не подчеркни в самый подходящий момент свое превосходство над гостями, вряд ли его спор с разъяренными гостями окончился бы добром. Он задумался на несколько секунд, оглядел окружающих его людей и, выбрав из них того, кто выказывал свой гнев и протест громче остальных, крикнул:

— Ты чего выпучился, ишак? Этим никого не устрашишь! Здесь Саудовская Аравия!

Всем известно, какой гордый и отважный народ афганцы. Но эти многозначительные слова сделали свое дело. Паломники из Афганистана, будто увидев за спиной ишана неисчислимое войско или готовых к его услугам архангелов Джабраила и Азраила, не пикнув, ретировались...

Ишан Ахмад стоит напротив меня, курит и тоже смотрит в небо. По тому, как он неумело держит сигарету, видно, что он выбрал это занятие как предлог завести со мной беседу.

— Дохтур, мне сказали, что вы в своей комнате слышали мою болтовню...

— Ваши занимательные рассказы слушали все, слушал и я.

— Не обессудьте.

Я пожал плечами.

Слова ишана и не пахнут самокритикой. Больше похоже, что он стремится втянуть меня в беседу. Я вспомнил поведение его чрезмерно любознательных слуг, которые вот уже три дня следят за каждым нашим ша-

гом. Ахмада Султана позвали к Кори-ака. Единственный электрический вентилятор, который был в келье нашего руководителя, перестал работать.

Булькающий храп муллы Наримана, спящего в средней келье, разносился по всему дому. Алланазару-кори, видимо, не спалось и время от времени он громко восклицал: «Аль-хамдулилла!» А может быть, он уже спал, но и во сне не переставал славословить Аллаха?

ТЕРПЕНИЕ, СЫНЫ МОИ, ТЕРПЕНИЕ

И наутро четвертого дня наши представители вернулись из управления хаджжа с постными физиономиями.

Непонятно, почему нас задерживают здесь. Мои спутники, которые большую часть времени проводят на улицах и рынках благородного города, утверждают, что собственными глазами видели, как в сторону святой Джидды отправляются целые вереницы автобусов и такси.

Кори-ака позвал нас к себе и укоризненно заметил, что грех роптать по поводу задержки путешествия. Каждый день и час, которые мы сверх намеченного плана проводим в этом высокочтимом крае — знак любви милостивого Аллаха. Счастье дышать светлым воздухом священных мест выпадает на долю тех рабов божьих, чьи деяния прищлись по душе творцу всех миров.

Сидя после этой душеспасительной беседы в комнате, я раздумывал, какое же из моих деяний прищлось по душе творцу восемнадцати тысяч миров.

За стеной мулла Нариман произносит речь, подчеркивая, какое большое значение имеет возвращение домой с пышными подарками для жены. По-видимому,

он при этом демонстрирует собеседникам купленные презенты.

— Да, господа,— говорит он,— сердце женщины живет дарами и подношениями. Послушайте, господа, что по этому поводу сказал поэт:

Чтоб милая твоя к тебе явила милость,
Чтоб, стыд отбросив прочь, она душой открылась,—
Не требуй, не моли, а золота ей дай.
Вот — средство лучшее, чтоб даже сталь
смягчилась¹.

Нет, не возражайте, господа, даже сталь смягчится!

Пришел Исфафил и сел рядом со мной. Видно, он хочет мне что-то сказать.

— Курбан, ты не говорил хозяину дома, что являешься его земляком? — наконец спросил он.

— Нет. Разве это обязательно?

— Не знаю. А если бы и сказал, не беда.

— Наши паспорта у него в руках. Ему хорошо известно, откуда родом каждый из нас.

Исфафил несомненно что-то знает, но по каким-то соображениям не говорит мне. Черт побери, мало того, что меня грызет тоска, тут еще ишан плетет какую-то паутину!

— Он тебе нравится, этот ишан? — спросил я у Исфафила.

— Я с тобой, не беспокойся,— с открытой улыбкой произнес вице-глава нашей группы и ласково потрепал меня по плечу.

— Помнишь, когда мы были в благословенной Мекке, наш хозяин заходил в дом Сайфи Ишана?

— Помню.

¹ Перевод Ю. Нейман.

— Знаешь, что он сказал, заведя меня в уголок? «Дохтур-джан, дайте мне какое-нибудь лекарство, чтобы моя борода стала черной». Я спросил, сколько ему лет? «Вступаю в восьмой десяток, но ваши верные рабыни, мои жены, еще молоды. Я подумываю, не жениться ли мне на какой-нибудь четырнадцатилетней».

— Знаю, знаю, Курбан, вчера он всем рассказывал о своих похождениях.

— Что поделаешь, за хорошего человека, тем более за земляка, не жалко и жизнь отдать, но к этому ишану я с первой встречи не питаю симпатии.

— Согласен с тобой, Курбан. Только не беспокойся.

— «Я с тобой... Только не беспокойся...» Да что с тобой стряслось сегодня?

— Ладно, дорогой, оставим все это. На, американскую резинку, жуй. Сразу позабудешь все свои горести. Мы принялись жевать резинку.

Переводчик принес известие о том, что Кори-ака послал телеграмму его величеству королю, прося содействовать нашему скорейшему отъезду. И впрямь, ведь семь последних дней нашей поездки мы должны прове-

сти в Объединенной Арабской Республике. Виза на эти семь дней, с такого-то по такое-то число, заранее представлена на наших заграничных паспортах и подкреплена печатями и штампами посольства, и нам необходимо соблюсти эти сроки.

Мы попросили Абдусамада-ака, чтобы он почитал нам газеты лучезарной Медины.

«Священные дни великого паломничества благополучно подходят к концу,— сообщалось там.— Представители властей и официальные лица, ответственные за организацию великого хаджжа, обеспечили образцовый порядок святости паломничества сотен тысяч правоверных».

В другой информации говорилось, что в эти дни войска Саудовской Аравии и Соединенных Штатов Америки проводят совместные учения, в которых участвуют семьдесят военных реактивных самолетов Аравии.

Это известие, видимо, должно было пробудить в сердцах чужестранных гостей глубокое восхищение перед центральным мусульманским государством и его могущественным братом из-за океана.

Исрафил и переводчик ушли. Я остался один.

На родине сейчас как раз пора полуденного концерта по радио. Я истосковался по песне. Сестра моя, Барно! Сестры мои, Ханифа и Лайло... Услышать бы ваши голоса. О, если бы какая-нибудь мелодия донеслась сейчас до меня и осветила хоть немного эту мрачную келью!..

Когда слышишь любимую песню, кажется, будто кто-то посадил тебя на ладони и поднимает под самые небеса. Но не потому, что ты маленький, напротив, ты огромен и силен, как никогда, сильнее всех. И будто вся нежность и красота мира, собравшись воедино и преобразаясь в мелодию, пронизывают твое существо.

Любимые мелодии записаны у меня на пленку. Например, «Кёр углы», удивительная опера Узеира Гаджибекова. В финале этой оперы звучит радостная и легкая мелодия, зовущая к танцу, которая своей нежностью берет в полон каждого слушателя. Постепенно она переходит в хватающую за душу персидскую песню. Спокойные и изящные аккорды льются один за другим, словно нанизанные на нитку алмазы появляются перед глазами и заполняют мир своим сиянием. Иногда перед мысленным взором открывается чуть розовое от утренней зари чистое лазурное небо, в глубине которого, вытянувшись в ряд, плывут на свою родину журавли. Вдруг, все то, что окружает тебя, земля и небо, вся вселенная заполняется звучным возгласом поэта:

Разожги, о виночерпий,— в чашах винное сиянье!

Объяви, о сладкопевец,— мир — не наше ль

достоянье?

Да, именно возглас, крик души, в котором воплотились и торжество свободного сердца, и те муки, которые поэт перенес на пути к этой свободе:

Мы увидели в фиале отражение любимой,

Вы ж подобное блаженство испытать не в состоянье!..¹

Вы ж подобное блаженство испытать не в состоянье!..

Испытать не в состоянье!..

Кто-то громко кашлянул. Это Исрафил нарочно кашляет, чтобы привлечь мое внимание. Он стоит возле меня. В дверях уселся на корточках пронырливый раб ишана Ахмада Султана и ехидно улыбается. Из-за решетки окна на меня с удивлением взирают мулла Урок-ака, Тимурджан-кори и мулла Тешабой.

¹ Перевод Ю. Нейман.

Оказывается, забывшись, я громко пел. Черт побери это заточение! Оно расшатало мне нервы.

Вытерев пот со лба, я пошел в чайхану. Попивая чай, рассматриваю черные, неровные, все в комьях и буграх стены помещения, чтобы хоть немного рассеяться. Была бы резинка, пожевал бы, развеялись бы тяжелые мысли. Вот пойду и куплю у бакалейщика полный карман жвачки. Видимо, еще не раз пригодится, пока вернусь на родину...

В полутемном уголке чайханы сидят двое мужчин с желтыми лицами и курят кальян. Предварительно они мочат табак и потом ждут, пока он загорится, а затем, попеременно булькая водой в кальяне, втягивают себе в легкие ядовитый дым.

Несомненно, что хозяйский шпик с радостью донесет своему господину о случившемся.

«Разве истинные хаджи поют в лучезарной Медине?! — с жаром будет он шептать на ухо ишану. — Тут что-то не так!..»

Да, действительно, что-то тут не так. Ваш покорный слуга у себя дома иногда подсоединяет магнитофон к радиоприемнику и репродуктору, которые стоят по углам, а сам, усевшись посерединке, слушает любимые мелодии. И хотя сердце мое от этого щемит, но после рабочего дня, после того как примешь в поликлинике десятки больных, я не знаю лучшего отдыха, чем музыка.

Однажды Искандар застал меня за этим занятием. Битый час он молча проеидел за моей спиной.

— Наслушался наконец? — спросил он, когда я очнулся. — Уже сто лет, как я сижу позади тебя.

— Прости, не заметил.

— Я не видел ни одного сумасшедшего, который бы слушал музыку на такой манер.

— Варианты сумасшествия бесчисленны. Их — как листьев на одном дереве или камешков на дне горной речки.

— А все-таки я поговорю завтра с Али-заде.

Али-заде наш коллега, невропатолог. Искандар и в самом деле рассказал ему, что он увидел у меня дома.

— Ну что, донес? — спросил я приятеля на следующий день.

— Да, но он похвалил тебя, а меня изругал. И это взамен благодарности, — с недовольным видом ответил Искандар.

— Так тебе и надо. Доносчику — первая пощечина.

САФАР МАФИ!

Утром разнесся слух, что позавчера в аэропорту святой Джидды скончались пятьдесят паломников. Столько же хаджи отдали богу душу и в морском порту города. Некоторые говорили, что началась чума и это ее первые жертвы. Другие утверждали, что они умерли от солнечного удара. Людей, ожидавших самолеты и корабли, так много, что не всем нашлась защита от иссушающих мозг лучей солнца.

На лицах моих подопечных запечатлен траур.

И Абдухалил-ака еще подсыпал соли на рану. Надо было ему вспомнить, что несколько лет назад паломники десятками тысяч умирали здесь от разных эпидемических болезней и от солнечного удара!

В святой долине Мина до нас ежедневно доходили вести о смерти одного или нескольких паломников. Тогда мои спутники утверждали, что «счастливчик тот, кто умер, верх счастья умереть на пороге благословенной Мекки или лучезарной Медины». Сейчас это известие

ни у кого из них не вызвало радости. Видимо, они не очень-то спешили расстаться с жизнью во славу Аллаха.

Ишан Ахмад Султан пригласил меня вместе с ним пойти в управление хаджжа.

— Прогуляемся, чего скучать дома,— сказал он.

Я потянул за собой Исафила, и мы втроем вышли на улицу. От вчерашних намеков Исафила у меня неспокойно на душе. Не приведи Аллах, чтобы под большой миской любезности ишана скрывалась еще какая-нибудь пиала поменьше...

Бодро шествуя впереди, ишан громко произносил названия улиц, кварталов и мечетей, которые встречались по пути. В небольшом скверике с полужавядшими двух-трехлетними саженцами каких-то деревьев, трава в котором была вытоптана паломниками, ищущими тени, нашего ишана окружила группа правоверных из Ирана. Они хором жаловались на то, что у них кончились деньги и требовали побыстрее добыть им разрешение на выезд. Обильными посулами ишан освободил свой подол от их рук и снова зашагал впереди нас.

Двухэтажное здание управления хаджжа было забито просителями. В коридоре второго этажа высокий тучный человек устало и монотонно отвечал на вопросы о дне выезда:

— Сафар мафи, бас!¹

Тем, кто интересовался, есть ли какие-нибудь новости, говорил:

— Хабар мафи, бас!²

Не добившись другого ответа, люди в отчаянии уходили. Их места тут же занимали вновь пришедшие. Чи-

¹ Дороги нет, все! (араб.).

² Известий нет, все! (араб.).

новник, поворачивая во все стороны свое крупное тело, словно попугай, повторял:

— Сафар мафи, бас!

— Хабар мафи, бас!

Наш ишан, выйдя из управления, таинственно объявил:

— Я поведу вас в такое место, испытаете наслаждение! Называется «Аз-зухур-аль-кузино», то есть «Казино-сад».

«Казино-сад» оказалось небольшим, примерно в четверть гектара, садиком, расположенным метра на три ниже уровня улицы. По одной его стороне тянулся навес и стоял стол для пинг-понга, показав на который, ишан с гордостью сообщил, что вечерами здесь собирается молодежь.

Это была единственная спортивная игра, увиденная мной в этой стране за две с половиной недели. В стране, где не говоря уже о театре или дворце культуры, не было хотя бы крошечного киношки, стол для пинг-понга казался представителем чужого, далекого мира. Еще в благословенной Мекке один зубной врач рассказывал мне, что младший брат его величества короля, принц Фейсал, сторонник западной культуры, решил открыть в столице Аравии кинотеатр. Шейхи и вожди племен, узнав об этом, не находили себе места. Засыпав короля Сауда посланниками и посланиями, они прямо заявляли, что если слухи о намерении принца построить «дом шайтана» соответствуют действительности, то в этой любимой всемогущим Аллахом стране останутся либо Фейсал, либо они. Пришлось принцу отречься от своей затеи.

Мы посидели немножко под навесом «Аз-зухур-аль-кузино». Там никого не было, кроме нас и слуги, который принес нам кувшин воды со льдом.

Обратно ишан повел нас другой дорогой, не переставая рассказывать о лучезарной Медине. Вдруг он замедлил шаг и спросил, в каком квартале Самарканда я родился, как зовут моего отца и чем я занимался. Я ответил, что родился в квартале Яланбек, сообщил о профессии моего отца и даже о том, кем были мои деды.

— Яланбек... Яланбек....— задумчиво повторял ишан.— Разве там есть такой квартал?

— Есть. По дороге в Пенджикент. С одной стороны его окружает квартал Мирзо Пулод, с другой стороны Дари Занджир, а с третьей— Факех Абулайс...

— Да, да, вспомнил.. Ну, что ж, хорошее место. И сами вы, дохтур, сын хороших родителей. О Аллах, пусть он (имелся в виду ваш покорный слуга) достигнет совершенства и познает блаженство от своих детей,— ишан прочитал молитву и провел руками по лицу и бороде.

Исрафил произнес «аминь».

Я тоже провел руками по щекам, при этом поглядывая на ишана. На его лице ничего нельзя было прочесть, кроме доброжелательства и искренности.

Ишан оставил нас в какой-то чайхане и, сказав, что скоро вернется, куда-то исчез. Рядом с чайханой была стоянка легковых такси, среди которых я увидел нашу «Волгу». Я принялся обхаживать машину вокруг, гладя ее крылья, капот, стекла. Подбежал владелец такси, приняв меня за пассажира. Я поздоровался и спросил, нравится ли ему машина.

— Нравится, да, да. Квайс автомобиль!— ответил таксист с открытой улыбкой: Он тоже ласково гладил кузов и что-то сказал, видимо, хвалил прочность машины и то, что она хорошо, без перебоев и капризов работает в здешних пустынях.

Спросив разрешение, я уселся за баранку. Подошел Исафил и сел рядом.

— Соскучился по дому, — сказал он.

Некоторое время мы были заняты своими думами. Мои дети сейчас уже вернулись из школы. Наверно, прямо с порога швырнули в комнату портфели и пустились скакать по двору. А мать, высунувшись из окна кухни или свесившись с балкона, зовет их. А они отвечают: «Сейчас! Еще одну минуту, мамочка!» До тех пор, пока жена не потащит их силком, ни за что не явятся домой!

Интересно, что нового в поликлинике? Как вышел без меня праздничный номер стенгазеты? Черт побери, пусть это бахвальство, но надо сказать, что без меня и Искандара наша стенная газета получается так себе. Вырежут из республиканской газеты передовую статью, одно-два стихотворения подлиннее перепечатают на машинке и газета готова.

Искандар уже, наверное, вернулся в Москву. Срок его практики в Институте рентгенологии и радиологии еще не кончился. Сидит, наверное, сейчас в темном кабинете и рассматривает снимки чьего-нибудь позвоночника или тазовой кости в поисках отклонения от нормы. Разглядывает снимки почек или печени и бурчит себе под нос: «Гм-гм, так, так...»

У чайханы появилась низенькая, подвижная, словно ртуть, фигурка ишана. Мы с Исафилом, покинув «Волгу», пошли следом за ним.

БРАТ НАВЕКИ

Поздним вечером нам разрешили ехать. Процесс прощания с ишаном Ахмад Султаном прошел очень

умилительно. Кроме вашего покорного слуги, все мои спутники, старые и молодые, и даже мой приятель Исфафил, горячо обняли ишана, выражая благодарность, и особенно подчеркивали, что теперь они братья навеки. Старые наши кори вытирали слезы, которые в подобных случаях были у них всегда наготове.

И в самом деле, гости не имели оснований жаловаться на гостеприимство ишана. Им неплохо жилось здесь после двухнедельного полуголодного прозябания у Сайфи Ишана: всегда вовремя подавалась разнообразная вкусная пища, ночлег был сравнительно удобным и даже сверх ожидания ежедневно два-три раза нас угощали фруктовыми соками или нашим старинным национальным напитком — сладкой, ароматной розовой водой. К тому же все четыре свободных дня ишан ублажал гостей рассказами о своих похождениях как в собственном гареме, так и в чужих.

У меня в крови, по утверждению Искандара, видимо, избыток шариков упрямства. Несмотря на оказанное гостеприимство, я не смог заставить себя обнять ишана или объявить его своим братом или отцом навеки.

Наш автобус взял направление на Джидду. Примерно каждые два часа водитель тормозит возле придорожной чайханы. Под навесами пустуют дощатые суфы, где можно отдохнуть от дорожной тряски. Однако чайханщики не подпускают к ним уставших путников, пока не получат один риал.

Исфафил, которому опостылела эта жажда к наживе, сказал одному из них:

— Побойтесь бога, постыдитесь его рабов! По каждому поводу вы талдычите только одно — риал, риал, риал, риал!

Исфафил говорил по-башкирски, но араб-чайханщик отлично понял его.

— Да! Да! Риал! Риал! — и, презрительно улыбнувшись, он удалился.

И на этот раз наш автобус легко обгонял все другие машины. Казалось, водитель умышленно спешит, словно кто-то приказал ему гнать во весь дух потому, что пассажиры хоть и паломники, но приехали сюда из страны первых космических ракет.

С первыми лучами утреннего солнца мы прибыли в Джидду. Вскоре появился помощник Абдуллы Бухарского и, отведя нас в укромное местечко, предупредил:

— Никому ни слова о том, что вы из Советского Союза. Если спросят, говорите, что приехали из Судана и возвращаетесь в Судан.

Философ древности Диоген, недовольный тем, что цивилизация развивается слишком уж быстро, решил в знак протеста жить в бочке. И, представьте, прожил там очень долго. Существуют, видно, и среди государственных деятелей XX века такие, что хоронятся в бочке. Иначе они не оставались бы в неведении и знали, что мир уже не тот, что прежде, что он меняется, что в наше время нет иного выхода, кроме сосуществования.

Будто бы земля разверзлась в аэропорту и исторгла из своих недр толпы людей. Большое четырехэтажное здание аэровокзала, двор и прилегающие к нему улицы переполнены пассажирами. В ожидании вылета мужчины и женщины спят во всех помещениях аэровокзала прямо на бетонном полу, впритык друг к другу, голова к голове. Вдоль стен длинных коридоров, по специально сделанным желобкам, течет грязная вода! Сидя на корточках, паломники совершают здесь омовение. Те, у кого есть примус или керосинка, тут же варят себе еду. Запах пота, пар от котелков и мисок, смрад от примусов, керосинок и гниющих отбросов под ногами — хоть топор вешай. Дышать нечем.

В нижнем этаже, где находятся лавки, магазины, столовые и конторы воздушных агентств, идет бойкая торговля, со всех сторон радиодинамики, хрипя, выкрикивают фамилии пассажиров и на разных языках Востока сообщают о прибытии или отправлении самолетов.

Принесли наши вещи, которые Абдулла Бухарский привез из благословенной Мекки. Все чемоданы перерыты. Коробки с лекарствами вскрыты и заклеены вновь. Достав свой зонтик, я вышел на улицу. Там все-таки меньше шума, да и воздух посвежее.

Когда мы улетим, неизвестно. В этом аэропорту не существует таких понятий как график или расписание движения. Когда служащим компании вздумается, тогда и выделяют самолет. На вопрос о дне и часе вылета, подобно тому чиновнику из управления хаджа в лучезарной Медине, тебе сто раз повторяют одно и то же: — Терпение, терпение! Иншалла, будет!

Мои хаджи спустились с третьего этажа раскаленного здания во двор. Заняв клочок земли в тени, они поочередно сидят на чемоданах. В углу двора большая каменная суфа. Наши хаджи решили по мере освобождения занять ее всю целиком.

Пот заливает лицо, ест глаза. На оставшиеся риалы паломники покупают животворную воду Замзам. Предприимчивые торговцы благословенной Мекки, заполнив железные банки водой Замзам, наглухо запаяли их. Святая вода значительно подешевела. В первые дни тавафа две банки стоили один риал, теперь на риал дают до шести банок.

Питаемся в столовой. Несмотря на голод, каждый старается как можно медленнее двигать челюстями, чтобы растянуть время обеда и насладиться прохладой: в зале установлено несколько мощных вентиляторов, напоминающих большие черные прожекторы. Приняв

ваказ, официант включает один из вентиляторов и направляет на тебя струю прохладного воздуха. Рассчитавшись, выключает вентилятор: ваши права на прохладу кончились, освобождайте места. Если кто-нибудь не понимает намека или делает вид, что не понял, его спокойно берут под руки и провожают до дверей.

У кого бумажники потолще, тем неплохо и здесь. Жирный рыжий турок со своей семьей с самого утра занимает один из столиков и, сидя в мягком кресле, дремлет. Официант попеременно (по мере того, как они нагреваются) включает то один, то другой вентилятор и направляет струю воздуха на богатых клиентов.

К вечерней молитве половина каменной суфы была занята нашими. Сегодня надежды на самолет нет.

Вечером перед аэродромом возник рынок ковров. Торговцы расстелили на асфальте турецкие, персидские и иракские ковры и, хотя покупателей не видно, громко нараспев расхваливали свой товар.

Вскоре улицы наполнились потоком сверкающих автомобилей. Богатые господа, закончив деловой день, возвращались в свои виллы. Хотя возраст и внешность этих людей разные, вид у всех одина-

ково суров, даже несколько печален, будто в их краю произошла какая-то катастрофа или объявлено военное положение.

В шикарных автомобилях восседают американцы. Они служат в морском и воздушном портах Джидды, на заводе кока-колы и на других предприятиях. Они име-

ют право жить только на территории компании «Арам-ко», в столице страны и в Джидде. Но эти ограничения, общие для всех немусульман, вряд ли огорчают их, ибо они хорошо знают, что их доллары проникли аж в самое сердце благословенной Мекки и лучезарной Медины.

Ночью часть моих спутников расположилась на каменной суфе, остальные улеглись где попало. К стене одного из магазинов прислонен туго закрученный проволокой тюк. Я отвалил его и сел. Никто не сделал мне замечания, и я растянулся на тюке. Но лежать на его выпуклом боку оказалось не очень удобно. Проволочные и веревочные узлы впивались в тело. Если пролежать в одном положении более получаса, начинает нестерпимо болеть хребет. Ко всему этому беспрестанный хрип радиодинамиков, который теперь казался в два раза громче, чем днем, рев прилетающих и улетающих самолетов не давал сомкнуть глаз.

— Терпение! — повторял я про себя слова чиновника аэропорта. — Иншалла, всему этому придет конец.

Утром администрация аэропорта не сообщила нашему представителю ничего нового.

— Терпение, терпение! Иншалла, будет!

С каждой минутой становилось жарче, и даже на свежем воздухе усиливалось зловоние. Раскрыв над головой зонт, я пошел вон с шумного двора.

И здесь будто не часы состояли из минут, а минуты состояли из часов. День тянулся, словно нескончаемый зимний вечер.

— Дохтур, идите, вас зовет Кори-ака, — принес известие Алланазар.

— Что случилось? Все здоровы?

— Из лучезарной Медины приехал ишан к вам.

Выходит, что позавчера мы преждевременно сказали «прощай» брату навеки ишану Ахмаду Султану.

Ишан стоял возле суфы, беседуя с паломниками. Увидев меня, он холодно поздоровался. Кори-ака сообщил, что у ишана неожиданно захворала третья жена и он приехал в святую Джидду за знакомым врачом.

Допустим, что я поверю этой легенде, сказал я себе. Ишан столько лет довольствовался услугами врача из своего города, а тут вдруг проделал пятьсот километров ради совета здешнего врача?! Что-то здесь не так. Что же ему нужно?

— Случайно я встретил двух земляков из вашего квартала, — начал разговор ишан Ахмад Султан. — Они хотят видеть вас и ждут на улице.

Под тентом одного из ларьков стояли два пожилых мужчины, одетых, как зажиточные арабы. После обоюдных приветствий, ишан представил нас друг другу.

— Это хаджи Саадула, а это хаджи Шукрулло, сыновья муллы Мухсина-парфюмера, — сказал ишан, показывая на братьев и, многозначительно глянув в мою сторону, прибавил: — Они из квартала Яланбек города Самарканда.

Братья откровенно изучающе рассматривали меня.

— Мы, оказывается, из одного квартала, — произнес один из них.

— Да, я родился в Яланбеке, но покинул квартал, когда мне было шестнадцать лет.

— Знали нашего отца?

— Нет, но слышал. Он умер, когда я был совсем маленьким.

— А сколько вам лет?

— Тридцать пять.

— Да, вы тогда действительно были маленьким.

Я совершенно отчетливо понял, что хотя беседа и

протекала на улице возле бакалейной лавчонки, но явилась настоящим допросом. Нужно было оставить свое упрямство и беспечность и доказать этим людям, что я есть я, и никто другой. Ведь речь шла о достоинстве гражданина моей страны, на честь которого очень бы хотел наляпать грязное пятно ишан.

— Вы знаете наш дом? — спросил старший из братьев.

— Конечно. Он находится на границе с кварталом Зари Занджир, — сказал я и прибавил: — Я учился в одном классе с вашей сестрой Кубаро.

Я не забыл имя этой девушки потому, что во всей школе у нее был самый красивый каллиграфический почерк и учителя часто забирали ее тетради на выставки в районный Дом пионеров и в отдел народного образования.

Лица братьев прояснились. Особенно у старшего, который, мельком бросив укоризненный взгляд на ишана Ахмад Султана, в знак подтверждения моих слов, беспрерывно тряс седой бородой. Братья задали мне еще несколько вопросов о нынешней жизни, о занятиях и здоровье старых знакомых. Вопросы, как правило, относились к бывшим богатеям квартала, которые в свое время держали большие кожевенные, ткацкие, кондитерские и прочие мастерские и лавки. Впоследствии за неподчинение новым порядкам они были выселены и спустя несколько лет, вернувшись в родные края, стали жить плодами своих трудов. Я рассказал хаджи Саадуле и хаджи Шукрулло все, что знал об этих людях.

К концу этого неофициального допроса, настроение обоих братьев переменялось. Пожелав мне доброго пути, они выразили сожаление, что я не располагаю временем побывать у них в гостях. В их тоне мне послышалось извинение.

Ишан Ахмад Султан, вернувшись во двор аэропорта, еще раз обнялся со всеми на прощание и затем, подойдя ко мне, взял мои руки в свои и сказал:

— Ну вот, дорогой, теперь вы вернетесь на родину. Передайте привет всем землякам, которые меня еще помнят.

Я кивнул.

— Не обессудьте за мои рассказы, — повторил он уже однажды высказанную в Медине просьбу. — Чтобы гости не скучали, я хотел занять их своими приключениями.

— Вы очень гостеприимны.

На мгновение что-то блеснуло в глазах ишана, щека у него дернулась, но, изобразив на лице детскую радость, он сказал:

— Какое уж там гостеприимство, к сожалению, я был сильно занят...

— Что вы, что вы! — запротестовал я. — Вы оказали нам верх гостеприимства.

Ишан отпустил мою руку и, обратившись к остальным, еще раз пожелал доброго пути и прочитал молитву.

Через полчаса объявили посадку в самолет.

Лисье коварство ишана обидело меня. Что плохого я ему сделал? Ему и его Аравии? Неужели мой грех в том, что я не брею головы? Или ему не понравилось, что я не стал, подобно другим, славословить святость мечетей Мекки и Медины? Но ведь, если подумать, должен же врач чем-то отличаться от почтенных кори?! Если бы я не сопровождал их, разве сидел бы сейчас так спокойно, мирно подремывая, мулла Нариман и восьмидесятивосьмилетний кори Мушарраф, который, заболев животом в святой долине Мина, чуть не оставил там свои старые кости...

МОЯ СЕДИНА

И снова нас встречали работники нашего посольства. Они отвезли нас и разместили на пароходе-отеле, который по-прежнему стоял, прижавшись к берегу Нила. Я занял свою прежнюю каюту вместе с Исфафилом. За три недели я впервые побрился в нормальных условиях, перед настоящим большим зеркалом, над сносным умывальником. Посмотрев в зеркало, я не узнал себя. Цвет лица у меня был такой, будто я только что перенес длительную болезнь. Волосы на висках поседели.

Исрафил подошел и остановился сбоку. Он был в чистой одежде и повязал голову белой чалмой, купленной в Аравии.

— Я это заметил уже давно,— сказал он, кивая на мою шевелюру.— Но что толку было говорить тебе? Не тужи, брат,—ласково прибавил Исрафил.— Однажды во время войны я также вдруг поседел. А спустя несколько лет седина исчезла.

— А разве ты участвовал в войне?

— Да,— сказал он и, словно устыдившись чего-то, наклонил голову и тихо произнес: — От начала до конца. От Курска до Вены. Награжден орденом и четырьмя медалями... Ну, мне пора,— сказал он и вышел.

Я проводил его на улицу. Вместе с Кори-ака, Тимурджаном, четырьмя старыми кори и Тешабоем он уселся в микроавтобус посольства и уехал на прием к главному кадию Республики Судан.

...Вечером, поднявшись на верхнюю палубу, я вновь принялся разглядывать огни, мерцающие вдоль берегов Нила, и отражения, колеблющиеся в воде.

Завтра вылетаем в Каир и пять дней проведем там. Мечта увидеть Каир, великие пирамиды фараонов древнего Египта живет у меня в сердце со школьных лет. Но как было бы хорошо, если бы мы осмотрели их за два дня и скорей вернулись на родину!

Алланазар-кори тоже поднялся на верхнюю палубу.

— Дохтур-джан, можно присесть рядом с вами?

— Пожалуйста, кори, места много, всем хватит,— ответил я.

С тех пор как колеса самолета оторвались от земли Саудовской Аравии, я вижу со стороны своих спутников самое предупредительное отношение, как это было в Москве, в гостинице у выставки. Теперь они снова с готовностью отвечают на мои вопросы, то и дело повторяя «спасибо, дохтур-джан», «не беспокойтесь, дохтур-джан». Чемоданчик с медикаментами, который стал совсем легоньким, молодые кори несут, не ожидая, чтобы кто-нибудь из старших велел им это сделать. Перемена отношения до того явная, что меня иногда разбирает смех.

Когда мы приземлились на аэродроме Хартума, я увидел в группе встречавших нас сотрудников посольства стоявшего в сторонке человека, который с добродушным любопытством наблюдал новоявленных хаджи. В своих чалмах и халатах на фоне современного лайнера они выглядели презабавно. В одной руке человек держал черный квадратный микрофончик, а через плечо у него висели звукозаписывающий и фотографический аппараты. Я догадался, что это корреспондент одной из центральных газет. Я подошел к нему, поздоровался и попросил рассказать о новостях с родины.

— Вы давно путешествуете? — в свою очередь спросил он вместо ответа.

— Три недели и один день.

— Ну, если так, то расскажу, — согласился он.

Поблагодарив его за рассказ, я присоединился к своей группе. Махсум-Жевака со вздохом произнес:

— Счастливчик вы, дохтур-джан, хорошо знаете русский язык. Вот и сейчас поговорили с этим человеком, узнали, как дома дела.

У меня в ушах будто звенел его окрик: «По-урусски не разговаривать! Не знаешь, что это язык неверных?!»

За время поездки я научился держать себя в руках и не давать разгораться пламени гнева. И сейчас это выручило меня.

— У кавказцев, — сказал я, — есть поговорка, мулла-ака. Она гласит, что если жизнь даст человеку крылья, пусть даст орлиные крылья; если судьба уготовит смерть, пусть это будет смерть героя; если подарит друга, пусть будет верный друг; а если встретится враг, пусть будет честный враг. Как вам нравится эта поговорка?

— Неплохая.

— Если неплохая, то завяжите узелок на память, может, пригодится. Замечу между прочим, что и эту поговорку я прочел на русском языке, а то ведь где я, а где Кавказ...

Лицо у Махсума-Жеваки потемнело, и он зашагал к автомобилю, в который уже садился Кори-ака.

После ужина мы все расположились под навесом «Гранд-отеля». Кори-ака, коснувшись в разговоре совершенного нами хаджжа, заметил наставительным тоном, что если мы обидели когда-нибудь друг друга, то должны простить обиду, а не держать ее в сердце. Затем Кори-ака сказал, что наш доктор, домулло Курбан,

очень хорошо ухаживал за всеми, и выразил мне благодарность.

Один из братьев, поддержав слова руководителя, прибавил, что по возвращении на родину надо рассказать о хорошей службе доктора и сообщить также по месту его работы, чтобы Министерство здравоохранения со своей стороны тоже поблагодарило его.

И без благодарностей и грамот ваш покорный слуга никогда не забудет свое великое паломничество. Ни один человек в мире не в силах забыть те дни, когда у него седеют волосы.

Мои спутники вернутся на родину с высоким титулом хаджи, с возросшим авторитетом и станут проповедывать Коран и рассказывать предания о жизни пророка с удвоенным энтузиазмом. А мой дядя, его друзья, их братья и сестры, верующие пациенты нашей поликлиники будут слушать теперь их беседы с удвоенным вниманием и благоговением.

Но и ваш покорный слуга не останется, как прежде, в стороне. Где бы я ни был, по любому поводу и при любом случае я буду рассказывать о тех людях, шейхах, ишанах, сеидах, тех картинах и эпизодах, которые мне привелось увидеть. У моего Искандара есть друг писатель. Я непременно расскажу ему всю эту историю. Пусть напишет. Пусть все узнают, что такое хаджж и кто такой хаджи, что такое великий хаджж и кто такой великий хаджи.

1+17

Стюардессы были те же, с которыми мы 27 апреля летели в Хартум.

— Ну, доктор, едем вместе домой? — спросила, проверяя мой билет, жизнерадостная девушка.

- К сожалению всего полпути.
- Ну, ничего. В другой раз до самого дома довезем.
- Да, умоляю не забыть меня на чужбине.
- Девушка мило улыбнулась.
- Мы с Исафилом сели рядом.
- Опять будешь спать всю дорогу,— сказал я.
- Нет, давай разговаривать... Тауфику, мне кажется, было очень грустно... Когда мы поднимались в самолет, он с такой тоской смотрел на нас... Понятно, молодой еще... Из всех работников посольства и консульства он, по-моему, самый молодой...
- Дело не в возрасте.
- А в чем?
- Не знаю.
- Не знаешь, тогда сиди и слушай, что говорят старшие.
- Что же они говорят?
- Знаешь, что бы я сделал, будь я Председателем Президиума?
- Какого Президиума?
- Президиума Верховного Совета СССР, конечно!
- Ого! А как, интересно знать, ты бы им стал?
- Очень просто. Вызывает меня, к примеру, раис и говорит: «Вот что, Исафил, на неделю я назначаю тебя на свое место».
- Я расхохотался.
- Чего смеешься? Сам просил разговаривать с тобой...
- Исафил обиженно отвернулся и, откинув спинку кресла, закрыл глаза. Лишь после долгих моих извинений и упрасиваний лицо его вновь прояснилось.
- Сел бы я в кресло председателя и приказал моим секретарям,— Исафил принял строгий, по его мнению, подходящий председателю вид: «Ну-ка, быстренько по-

дайте мне список работников посольств и консульств». Водну секунду мне бы все принесли. «А теперь составьте-ка список всех шоферов, врачей, переводчиков и прочих служащих посольств», — сказал бы я. В миг бы все выполнили, и я всем подряд присвоил бы звание Героя Социалистического Труда.

— Но почему всем, дорогой?

— Гм... Да, пожалуй, это я переборщил. Не всем, конечно, а только тем, кто служит в таких местах, где мы с тобой побывали. В таких странах, где человек человеку ничего не сделает без бакшиша, без риала, динара или доллара.

Некоторое время мы сидели молча. Вдруг Исфафил спросил:

— Ты знаком с работой библиотек?

— Насколько может быть знаком рядовой читатель.

— Как думаешь, найдется ли мне там работа?

— Ну и чудак же ты, Исфафил! Сразу с кресла Председателя Президиума опустился до подвалов книгохранилищ.

— Я серьезно спрашиваю, Курбан!

— Какую библиотеку ты имеешь в виду?

— Ну, к примеру, самую большую библиотеку Ленинграда.

— Вот как! Что ж, я думаю, там тебе найдется работа. В крупных библиотеках хранятся арабские книги и рукописи, которые необходимо переписывать или переводить...

— Сын мой Шарифджан как-то писал, что, если я перееду к нему, он устроит меня на работу в библиотеку...

Исфафил задумался, его лицо изредка освещалось улыбкой. Иногда, словно стыдясь своих мыслей, он

хмыкал, сгонял радость с лица и, принимая сосредоточенный вид, озирался вокруг.

Прибыли в Каир. Нас провели в уже знакомый большой зал ожидания. Но очень скоро выяснилось, что нам не повезло: в Каире объявлен карантин. Все, кто едет в Каир, должны пять дней провести в санитарных палатках, разбитых в пустыне, и пройти медицинское освидетельствование.

Окружив меня, мои подопечные расспрашивали о карантине. Пришлось прочесть им коротенькую лекцию.

Кори-ака и переводчик ушли, чтобы связаться по телефону с нашим посольством и просить содействия и совета. Но все было бесполезно. Если бы карантин знал исключения для кого-либо, он не был бы карантинном.

Наша группа собралась на совещание. Большинство хотело остаться. «Не заметишь, как пролетят эти пять дней», — твердили старые кори.

Спросили мнение Исафила.

— В нашем распоряжении всего одна неделя, — сказал вице-глава. — Если мы проведем в карантине пять дней, что останется? Кроме того, ежедневно за питание, медицинское обслуживание и ночлег в санитарном городке берут по четыре доллара с человека. Не знаю, что сказать... — оборвал свою речь Исафил, пожав плечами.

— А что скажет наш доктор? — обратился ко мне Кори-ака.

Вообще-то доктор хотел посмотреть древний город Каир, прославленный Порт-Саид, познакомиться с людьми этой страны, первой на африканском континенте сбросившей колониальное иго, но честно говоря, я больше не мог вынести пребывания на чужбине. Невмогуту мне было.

- Будь я один — поехал бы домой, — ответил я.
— А сейчас, когда вы не один, что скажете?
— А сейчас скажу, что я всего только член группы, а вы ее руководитель.

Мы, восемнадцать паломников, расположились в самом большом салоне ИЛ-18. Летим в Москву. Самолет набрал высоту десять тысяч метров.

После завтрака, убирая посуду, ко мне наклонилась одна из стюардесс:

— Если вас не затруднит, зайдите к нам в буфет.

В буфете знакомая девушка, стоя с микрофоном в руке, сообщала пассажирам, что мы летим над Черным морем и что температура за бортом двадцать пять градусов ниже нуля. Затем она повесила микрофон и поставила передо мной поднос с рюмкой коньяку, бутылкой лимонада и апельсином на маленькой тарелке.

— Мы оставили вам здесь вашу порцию, — застенчиво произнесла она.

— Очень тронут вашей заботой, но теперь мне нет надобности пить. Большое спасибо, милая девушка.

Еще в Хартуме я почувствовал, что девушки с симпатией поглядывают на вашего покорного слугу.

Я решил, будь что будет, воспользоваться их добротой.

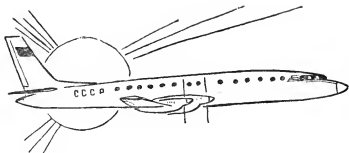
— Позвольте спросить у вас одну вещь?

— Пожалуйста, — отозвалась старшая стюардесса.

— Можно ли прямо отсюда, из самолета, сообщить в Москву о приезде?

— Вообще-то это не в правилах, но в порядке исключения... Если, конечно, у того, кого вы хотите известить, имеется телефон. Кому вы хотите сообщить?

— Товарищу.

— Валя,— обратилась веселая девушка к своей подруге,— попроси Алауддина прийти сюда, как только у него кончится сеанс.

Не прошло и минуты, как Валя вернулась с бортрадистом, высоким, кареглазым, русоголовым парнем. По военному отдав честь девушке, он отрапортовал ей:

— Раб Алауддин вместе со своим войском джинов и дивов явился в ваше распоряжение. По первому вашему слову здесь, в любых слоях атмосферы, мигом будет воздвигнут великолепнейший дворец, а если соизволите повелеть, все цветы Москвы будут собраны и привезены в Шереметьево к тому моменту, когда ваши ножки коснутся родной земли!

Тем же шутливым тоном бортрадист перечислил еще ряд чудес, которые готов сотворить волшебник Алауддин, и в конце тирады привел две строчки стихов. Они звучали приблизительно так:

Я слушаюсь своего сердца,
А оно подчиняется только тебе.

— Боречка, оставь свои шутки. Вот, познакомься, это тот самый доктор, о котором я тебе говорила сегодня

утром в Хартуме. Он сейчас даст тебе номер телефона, и пусть кто-нибудь из твоих знакомых позвонит из аэропорта, хорошо?

— Миллион раз хорошо, ласточка моя, сто миллионов раз хорошо!

— Ладно, ладно, и одного раза достаточно.

— Товарищ доктор,— с той же шутливой торжественностью обратился ко мне бортрадист. — Считайте свою просьбу выполненной. Но и у меня к вам большая просьба. Объясните этой красавице, что сердце не бывает из камня...

— Ладно, ладно тебе, довольно, иди, — девушка ласково принялась подталкивать этого удивительного парня к выходу.

В душе я был благодарен судьбе за то, что, еще не успев достичь родной земли, уже дышал ее воздухом. Я вновь вижу, как люди бескорыстно помогают друг другу, не требуя взяток, бакшиша, риалов. Вновь и вижу, как люди весело беседуют, улыбаются, шутят, смеются.

— Опять ты втихомолку выпил, — покачал головой Исафил.

— Я же тебе говорил, что я не любитель спиртного.

— А почему у тебя на лице такое довольство?

— Искандару сейчас сообщат по радио, что я лечу.

— Смотри, какой молодец! Ну, садись, вынимай свой блокнот. Давай составим телеграмму моему сыну.

Под диктовку Исафила я написал: Ленинград, название улицы и номер дома, имя и фамилию его сына, а затем уставился на приятеля. Казалось, он искал слова и не находил.

— Пиши, — наконец произнес Исафил и вновь замолчал.

— Говори же, что писать!

— Сынок, приезжай ко мне,— продиктовал Исафил. Голос его дрогнул, глаза увлажнились. Вынув платок, он принялся сморкаться.

Я понял, что ждать, пока он вновь примется за диктовку, бесполезно, и дописал: «Твой отец вернулся с того света».

— Что ты там насочинил?

Я прочитал вслух.

— «С того света...» Гм... Почему ты так написал?.. Э, да ладно, пусть будет по-твоему.

Подошел мулла Урок-ака, взял у меня две сигареты и скрылся из-под надзора Кори-ака в хвост самолета.

— Что ты сделаешь первым делом, когда мы приедем в Москву, Курбан?

— Пойду в баню.

— Гм...

Я громко запел:

Разожги, о виночерпий,— в чашах винное сиянье!
Объяви, о сладкопевец,— мир — не наше ль
достоянье?!
Мы увидели в фиале отражение любимой,
Вы ж подобное блаженство испытать не в
состоянье!..

Прервав пение, я оглянулся вокруг, но никто не сказал мне ни слова. Никто не запрещал мне петь! Напротив, Исафил, по своему обыкновению дружески обнял меня за плечи, широко улыбнулся.

Стюардесса объявила по радио, что мы летим над территорией Украинской Советской Социалистической Республики. В Москве только что прошел кратковременный дождь, но сейчас погода проясняется. Температура в Москве шестнадцать градусов.

Я посмотрел вниз. Земля закрыта белым, словно

хирман хлопка, морем облаков. Но теперь я уже видел свою землю, даже через толстый облачный слой.

Говорят, что всякий, кто совершит хаджж и проведет ночь у горы Арафат, станет арифом¹, то есть познает самую сущность бога. Хотя в глазах вашего покорного слуги эта сущность была по-прежнему весьма туманной, но зато я обрел способность видеть лик родной земли не только сквозь облака, но и за много-много тысяч верст.

А это значит, что мой хаджж принят.

¹ Знающий (араб.).

ОБ АВТОРЕ.

Тот, кто три года тому назад прочел в нашем журнале повесть «Домик на окраине», возможно, и запомнил имя ее автора. Но вряд ли позабыл о крохотном уголке, в который привел его писатель, где живут такие славные люди — престарелый дедушка Зие, беспокойный дядюшка Ахрор и добрая тетушка Икбел с внучкой школьницей Зарриной. И о начинающем журналисте Сафозода, который так жестоко ошибся, думая найти в их окраинном домике приют от житейской суеты для свободных вдохновений. Именно здесь-то и подстерегла его хлопотунья-жизнь в лице своих полномочных представителей — обитателей домика, которые

жили не обособленными интересами своего участка, а и заботами об общественном благе, были непримиримы ко всему, что этому препятствовало, жили не по старым поговоркам «моя хата с краю» и «день прошел, и слава богу», а так, как велит совесть гражданина, и думая о будущем.

«Домик на окраине» был первой переведенной на русский язык повестью молодого таджикского писателя Фазлиддина Мухаммадиева. Это вообще была его первая повесть.

В литературу Мухаммадиев пришел через журналистику, пройдя серьезную школу работы в печати от рядового корреспондента до редактора сатирического журнала «Хорпуштак» («Ежик»). В родной республике его уже знали как талантливого очеркиста.

Кстати сказать, путь развития современной таджикской прозы своеобразен: художественный очерк, запечатленная живая жизнь, становится для каждого писателя как бы необходимой ступенью к жанрам повести и романа. Современная таджикская проза — детище величайшего революционного изменения народной жизни, тех коренных сдвигов в сферах социальной, экономической, бытовой и духовной, которые внесла в жизнь таджиков Октябрьская революция и борьба народов за Советскую власть против старых укладов и

обычаев. Классическое наследие великих поэтов далекого прошлого, бережно хранимое народом, однако, мало чем могло помочь отображению новой действительности. Нужно было создавать новую литературу, утверждать новые традиции. И они создавались прежде всего благодаря страстной жажде познать, запечатлеть быстротекущую, но такую содержательную реальную жизнь, овладеть искусством реалистического изображения характеров, пример которого давала русская литература. Таджикская проза, как и проза других советских народов Средней Азии, при ближайшем знакомстве поражает именно тем, что насущные проблемы народной жизни становятся с первых же шагов ее отличительным признаком. Словом, таджикская проза при всем разнообразии творческих индивидуальностей тяготеет как бы к документальности.

Вот и молодой Фазлиддин Мухаммадиев придал своей новой повести форму документального жанра, подробного и последовательного описания путешествия группы паломников из Советской страны в Саудовскую Аравию, на родину основателя ислама Мухаммада, считающегося по мусульманской богословской традиции «величайшим и последним пророком». В этой обрядовой «экспедиции», требующей

от ее участников, по заповедям Корана, иступленного самоотвержения, лиц духовного сана сопровождает молодой врач, которому вменено в обязанность всемерно заботиться об их здоровье. От лица этого врача и ведется рассказ, его недоуменными глазами писатель побуждает нас взглянуть на мир странный, кажущийся в двадцатом веке плодом фантазии и, однако, до обиды реальный, существующий не только там, в далекой Саудовской Аравии, но и сохраняющий свое влияние среди отсталых слоев населения в Советской стране.

В нашей литературе не так уж много произведений подлинно атеистических, где бы разоблачались не хитрость, лживость, корыстолюбие служителей культа, а самая античеловечная суть религиозных суеверий, гасящих душу, погружающих ее в пучину невежества и мрака. Повесть Мухаммадиева, думается, принадлежит к такому редкому роду. Писатель щедро насытил ее познавательными сведениями. В ироническом изложении рассказчика легенд ислама перед нами вырисовывается их несостоятельность и доведенная до нелепости фантастичность, не выносящая какого-либо соприкосновения с разумом, требующая слепой и покорной веры. Впрочем, и само слово «ислам» означает покор-

ность. Наряду с миром суеверий перед нами в повести приоткрывается и мир условий человеческого существования в далекой стране, где средневековые азиатские порядки так причудливо переплелись с фактическим господством американского империализма и превосходно уживаются друг с другом, где лицемерный гуманизм «свободного мира» блестяще разоблачает себя, к примеру, тем, что ныне американский врач на месте казни бинтует руку человеку, у которого по варварским законам отрубили кисть за кражу лепешки на базаре.

Но, пожалуй, все же наиболее существенным в повести является изображение той среды, которая в нашей стране остается реакционной силой, среды распространителей фанатизма и суеверий. В обрисовке рассказчиком его спутников и подопечных — служителей культа — писатель стремился к реалистическому изображению характеров, отказавшись от шаржа и сатирического заострения. Надо сказать, что далеко не все герои — паломники выписаны с достаточной яркостью. Загрузка повести познавательными сведениями не могла не привести к тому, что некоторые из персонажей прошли в ней, как тени, оставаясь в памяти только именами. Но хочется обратить внимание на очень верно избранную автором мане-

ру не окарикатуривать представителей религиозного культа, а живописать их спокойным пером реалиста, одного, как Исфафила, в его неустойчивости и колебаниях, другого, как Кори-ака, в высокомерном сознании своего высокого сана, третьего, как Махсума-Жеванку, со свойственной этому мулле низостью и злобностью. Да, различные эти люди, но тем яснее становится, как опасна для общества объединяющая их власть над темными людьми, какой непоправимый вред наносит их деятельность нашему обществу, независимо от их личных качеств и крепости их собственной веры. Немалую роль в том, что именно эта мысль западает в сознание, играет и образ рассказчика, молодого врача, который вовсе не показан в повести с самого начала твердокаменным атеистом. Напротив, этот молодой советский человек склонен недооценивать страшную, отупляющую, разрушительную силу религии и примирительно относится к предрассудкам верующих и их обрядам. Путешествие «на тот свет» открывает ему глаза. Соответственно происходящим в нем переменам меняется и самый характер рассказа: начатый в веселой, насмешливой манере, он начинает звучать горько и гневно.

О повести Фазлиддина Мухаммадиева можно сказать еще многое. И о том,

что попадают в ней читателю страницы, где художественная ткань редет и заменяется, правда, существенной, но информацией. И о том, что все же большая часть страниц искрится талантом веселым и находчивым, превосходно улавливающим всякий жизненный комизм и несоответствие. Уже первая фраза повести: «На турбовинтовом воздушном гиганте мы отправляемся в паломничество», — определяет своеобразие художественной ткани. Сопоставление противоположностей станет основным приемом, при помощи которого автор обнажает реальные противоречия живой жизни, далеко не мирное сосуществование в ней величия человеческого разума и человеческих заблуждений, уходящих цепкими корнями в эпоху невежества и рабьей покорности.

Появление такой повести представляется особенно отрадным, ею таджикская проза включает в круг своего внимания проблемы, связывающие народы с разным строем, и выходит на тот путь, на который в свое время таджикская поэзия так смело вышла поэмами Мирзо Турсун-заде.

А. Махаров

СОДЕРЖАНИЕ

17+1	5
Да осенит Аллах наше путешествие! . .	12
О сне, о вечности и прочих немаловаж- ных вещах	19
Жилище на Ниле	28
Добро пожаловать, суфиитий!	40
О Аллах, вот и мы!	48
Поздравляю с покупкой трусов	63
Невольное заточение во славу Аллаха .	70
Машалла! Машалла! Еще раз машалла!	85
Из середины века в средние века . . .	91
Накануне кануна	116
Арафат	135
Хромой доктор	152
Побиение шайтана	163
Новая профессия	173
С высоким титулом!	183
Путешествие на крыше «Форда» . . .	197
Глава во славу денег	205
Аль-мадинат-уль-мунаввара или луче- зарная Медина	219
Потерпите до завтра	239
Терпение, сыны мои, терпение	249
Сафар мафи!	255
Брат навеки	259
Моя седина	263
1+17	271
Об авторе	280

Тадж. 2

Гос. 6-ка Таджикской ССР им. Фирдоуси.

Фазлиддин Мухаммадиев

**ПУТЕШЕСТВИЕ НА ТОТ СВЕТ
ИЛИ ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ ХАДЖЖЕ**

Редактор С. Ховари
Художник С. Вишнепольский
Худож. редактор Т. Королёва
Тех. редактор Р. Анисимова
Корректор Л. Полисская

Сдано в набор 2/III-1970. Подписано к печати 30/XII-1970. Формат 70×100^{1/32}. Печ. л. 9 (12,6). Учено-изд. л. 11,3. Тираж 100 000.
Заказ 206. Цена 46 коп.

Издательство «Ирфон». г. Душанбе, Шеп-челко, 1^а.

Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Тула, проспект имени В. И. Ленина, 109.

46 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРФОН»

